

**FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO
V OLOMOUCI**

KATEDRA SLAVISTIKY

**ПРОБЛЕМАТИКА ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
(В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ И СТИЛЕЙ)**

**PROBLEMATIKA SLOVOSLEDU V RUSKÉM A ČESKÉM JAZYCE
(V TEXTECH RŮZNÝCH STYLŮ A ŽÁNŘŮ)**

DOKTORSKÁ DISERTAČNÍ PRÁCE

NATALIA KUBOVÁ

OBOR: Ruský jazyk

ŠKOLITEL: doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

2014

Děkuji své školitelce doc. PhDr. Zdeňce Vychodilové, CSc., a prof. PhDr. Heleně Flídrové, CSc., za konzultace, rady a připomínky, které mi během psaní doktorské disertační práce poskytly, rovněž za upřímný zájem o moji práci, za veškerou trpělivost a věnovaný čas.

Prohlašuji, že jsem doktorskou disertační práci vypracovala samostatně. Veškerou použitou literaturu uvádím v závěru práce.

V Olomouci, 1. 10. 2014

Mgr. Natalia Kubová

Содержание

Введение.....	1
1. Изучение порядка слов в русском языке.....	4
1.1. Начальный этап исследования проблематики порядка слов.....	4
1.2. Второй этап изучения проблематики порядка слов в русском языке - диахронная точка зрения.....	9
1.3. Проблематика порядка слов в русском языке в работах из области стилистики.....	12
1.4. Статистическое исследование проблематики порядка слов.....	14
1.5. Проблематика порядка слов в русском языке с точки зрения актуального членения предложения.....	17
1.6. Заключение.....	28
2. Изучение порядка слов в чешском языке.....	32
2.1. Начальный, формальный подход к проблематике порядка слов.....	32
2.2. Диахронное исследование порядка слов.....	35
2.3. Актуальное членение предложения.....	37
2.4. Статистический подход к изучению проблематики порядка слов.....	46
2.5. Сравнительное исследование порядка слов в русском и чешском языках.....	47
2.6. Заключение.....	49
3. Основные закономерности порядка слов русского и чешского языка.....	51
3.1. Порядок расположения главных членов предложения.....	51
3.1.1. Субъект — предикат.....	51
3.1.2. Именной и комбинированный предикат.....	55
3.1.3. Сложный глагольный предикат.....	57
3.2. Размещение второстепенных членов предложения.....	59
3.2.1. Согласованное определение.....	59
3.2.1.1. Распространяющее определение.....	62
3.2.1.2. Распространенное определение.....	62
3.2.2. Определение выраженное притяжательным прилагательным.....	63
3.2.3. Несогласованное определение.....	64
3.2.4. Определение с нулевым согласованием.....	65
3.2.5. Приложение.....	65
3.2.6. Дуплексив.....	66
3.2.7. Размещение обстоятельств.....	67
3.2.7.1. Обстоятельства образа действия.....	67
3.2.7.2. Обстоятельства времени и места.....	70

3.2.8. Предикат — объект.....	71
3.2.8.1. Прямое и косвенное дополнение.....	71
3.2.8.2. Дополнение, выраженное личным местоимением.....	74
3.3. Ритмический принцип в порядке слов.....	75
3.4. Расположение служебных частей речи.....	75
3.5. Актуальное членение предложения.....	76
3.6. Вопросительные предложения.....	77
3.7. Устойчивые выражения.....	78
3.8. Сложные предложения.....	78
4. Порядок слов в текстах разных стилей.....	80
4.1. Порядок слов в текстах художественного стиля.....	81
4.2. Порядок слов в научном стиле.....	83
4.3. Порядок слов в официально-деловом стиле.....	85
4.4. Порядок слов в разговорной речи.....	89
4.5. Порядок слов в публицистическом стиле.....	97
4.5.1. Порядок слов в электронных средствах массовой информации.....	102
4.5.2. Порядок слов в рекламном стиле.....	104
4.6. Порядок слов в церковно-религиозном стиле.....	106
4.7. Заключение.....	109
5. Влияние порядка слов на перевод.....	110
5.1. Типичные ошибки в порядке слов в русском языке.....	110
5.2. Типичные ошибки в порядке слов в чешском языке.....	113
5.3. Ошибки в порядке слов в русском и чешском языке, возникающие при переводе.....	116
Заключение.....	123
Resumé.....	129
Список литературы.....	134

Введение

Настоящая работа посвящена одной из наиболее сложных областей синтаксиса — вопросу порядка слов. Порядок слов в русском и в чешском языке играет важную роль в организации предложения. Под понятием «порядок слов» мы, вслед за П. Адамцем, понимаем «линейное расположение синтаксических членов предложения» и «линейное расположение слов внутри этих синтаксических членов» (Adamec 1966, с. 5). Поскольку в обоих языках члены предложения распознаются не по их месту в предложении, а по грамматическим аффиксам и словоформам, порядок слов в русском и чешском языке принято считать свободным, размещение слов в предложениях довольно вариабельно, имеет множество вариантов, хотя его нельзя назвать произвольным. На порядок слов оказывает влияние несколько факторов, часто действующих в совокупности. Одним из них является грамматический фактор: место предлогов, союзов, частиц часто строго определено и не оставляет простора для маневренных возможностей.

Кроме того, порядок слов в данных языках определяется задачами актуального членения предложения. Данная теория получила развитие во многих работах, В. Матезиуса, П. Адамца, Ф. Данеша, К. Г. Крушельницкой, О. Б. Сиротининой и др. Порядок слов рассматривался с диахронном аспекте, а также со статистической точки зрения. Нам представляется особенно важным также стилистический аспект данной проблематики, поскольку порядок слов текстов разных стилей имеет свои правила и закономерности. Таким образом, мы рассматриваем данную проблематику во всей ее многоаспектности: кроме стилистического фактора мы уделяем внимание грамматической функции порядка слов, а также его коммуникативному аспекту.

Многоаспектность изучения данной проблематики объясняется также сложностью и неоднозначностью порядка слов, как явления, находящегося на стыке нескольких дисциплин. Имея непосредственное отношение к синтаксису, порядок слов тесно связан также с семантикой и стилистикой. Поэтому к данной проблематике необходим комплексный подход, учитывающий неоднозначность аспектов порядка слов.

При этом в нашем исследовании мы не ограничиваемся синтаксическими отрезками наиболее низшего уровня — словами и словосочетаниями, но изучаем и более крупные компоненты — части предложений, отдельные предложения и сложные предложения. При этом мы рассматриваем данную проблематику в сравнительном плане, сопоставляя русский язык с чешским. Такой подход — от низших синтаксических ярусов к высшим, сравнивающий закономерности, действующие в русском и в чешском языках, в текстах разных стилей и жанров, кажется нам наиболее целесообразным. Рассматривая нормативный порядок слов, как область действия языковых законов, мы описываем также отступления от

данных норм, проявляющиеся под действием различных факторов, различных задач и условий коммуникации.

Мы уделяем внимание также транслатологическому аспекту, рассматривая основные случаи интерференции порядка слов при переводе. Данную область мы считаем особенно важной, значимость порядка слов при переводе очевидна. Неудачные варианты порядка слов значительно затрудняют понимание смысла, в некоторых случаях искажая его полностью. При этом изучению данной проблематики уделяется довольно мало времени. Поэтому мы видим необходимость во всестороннем освещении проблем порядка слов в текстах разных стилей при переводе с русского языка на чешский и в обратном направлении.

Цель исследования. Целью данной диссертационной работы является системное исследование проблематики порядка слов в текстах разных стилей русского и чешского языка, а также сравнительный анализ синтаксический и коммуникативных закономерностей, наблюдающихся в них.

Результаты исследования. Результаты данного исследования могли бы внести свой вклад в разностороннее освещение данной проблематики с присущей ей многоаспектовостью, а также могли бы быть полезными с практической точки зрения, например, в транслатологической области.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, пяти самостоятельных глав, заключения, чешского резюме, а также списка использованной литературы и материалов исследования.

Материал исследования. В качестве материала исследования мы использовали известные художественные произведения русской и чешской литературы, по большей части созданные за последних 30 лет. Такой выбор не случаен. Мы хотели привлечь внимание многочисленных лингвистических и культурологических процессы, проходившие в нашем обществе, отраженные в языке литературы. Кроме того, в качестве источника мы использовали печатную и телевизионную публицистику, научные и административные издания, электронные средства коммуникации, национальные корпуса русского и чешского языков, а также живую разговорную речь. В данной работе мы ограничиваемся исследованием прозаических произведений, поскольку специфические черты стихотворной речи делают ее слишком сложным объектом для анализа, порядок слов в ней подчиняется специфическим правилам и законам, которые мы в рамках данной работы не рассматриваем подробно — ритмическому фактору, стихотворному размеру.

Содержание работы. В первой части работы мы сосредотачиваемся на обзоре различных методов, использовавшихся при подходе к данной проблематике. Мы рассматриваем различные языковедные школы, сформировавшиеся в России в Чехии,

уделявшие внимание исследованию порядка слов русского и чешского языка, а также их обоих в сопоставительном плане. Мы представляем основные выводы и заключения, сделанные по данному вопросу, а также делаем попытку их анализа. В следующей части мы используем результаты рассмотренных исследований на практике, предлагая характеристику порядка слов в русском и в чешском языках с точки зрения нескольких аспектов — грамматического, коммуникативного и стилистического. Мы рассматриваем специфические правила и закономерности, отличающие отдельные функциональные стили языка. Кроме того, мы предлагаем анализ возможных интерференций с точки зрения порядка слов при переводе с русского на чешский язык и в обратном направлении.

Важность данной проблематики очевидна – порядок слов и иных синтаксических сегментов может обуславливать смысл высказывания, является важным средством организации синтаксической структуры предложения, передает его стилистическую или экспрессивную окраску.

Нашей диссертационной работой мы хотели бы ответить на вопрос, каким образом проявляется зависимость порядка слов или иных синтаксических сегментов от семантического и коммуникативного плана предложения, а также от его стилистической окраски.

1. Изучение порядка слов в русском языке

Проблематика порядка слов привлекает к себе внимание лингвистов уже в течение долгого времени. Одним из первых языковедов, занимавшихся данным вопросом, был французский ученый Анри Вель¹, автор труда «О порядке слов в классических и современных языках», законченном им в 1844 году. Нашей задачей в первой главе настоящей диссертационной работы является установление того, что было совершено в данном направлении за прошедшие полтора века.

Мы постараемся создать обзор тех ученых, которые занимались вопросом порядка слов в русском и в чешском языке, и дать характеристику их исследованиям. Мы постараемся установить основные направления изучения данного вопроса и определить, какие результаты были достигнуты в каждом из них, какие методы использовались в этих исследованиях и что эти исследования принесли.

Также мы проанализируем терминологию, используемую языковедами в данной области, постараемся установить, насколько она однородна и чем вызваны причины несоответствия некоторых терминов у определенных лингвистов.

Одним из главных вопросов, на который мы постараемся найти ответ, является то, что в проблематике порядка слов осталось не исследованным вообще или не исследованным достаточно.

1.1. Начальный этап исследования проблематики порядка слов в русском языке

Одно из первых упоминаний о порядке слов в русском языке можно найти в самом начале современной грамматической традиции. О возможности перестановки слов в русском языке в своей «Российской грамматике» писал уже **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711-1765) в 1755 г. Однако в трактовке данного вопроса ученый целиком опирается на положения, унаследованные от греко-латинской грамматической традиции, согласно которой такие изменения рассматривались с точки зрения риторики.

Проблематика порядка слов упоминается в работах основателя московской лингвистической школы **Филиппа Федоровича Фортунатова** (1848-1914). Он является автором работ по сравнительно-историческому языкознанию, нескольких обширных университетских курсов, в том числе монографий «Сравнительного языковедения» и «Сравнительной морфологии индоевропейских языков». Синтаксису Ф. Ф. Фортунатов уделял сравнительно меньше внимания, чем основной области своей работы — у него нет публикаций, специально посвященных исследованию синтаксических явлений, тем не менее

1

Weil, H. *De l'Ordre des Mots dans les Langues Anciennes Comparées aux Langues Modernes*. Paris, 1844.

и эта проблематика была им затронута. Большое значение имеет учение Фортунатова о формах словосочетаний, изложенное в упомянутом уже курсе сравнительного языковедения и упоминавшееся в его статье «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», прочитанной в 1903 году. Что касается учения о предложении, также затронутым в курсе и в статье, можно утверждать, что Фортунатов в данной области не принес оригинальных идей. В курсе сравнительного языковедения академик упоминает и проблематику порядка слов, используя при этом термин «порядок расположения грамматических частей». По трактовке Фортунатова, данный порядок может быть свободным и несвободным. При этом свободным он является в таком случае, когда может быть изменен без изменения или утраты значения данных слов, в обратном случае он является несвободным. В качестве примера приводится грамматическое предложение *он читает книгу*, где порядок расположения грамматических частей можно назвать свободным, поскольку эти части можно расположить и в порядке «*он книгу читает*» или «*книгу он читает*». Русскому языку Фортунатов здесь противопоставляет французский и немецкий, где соответствующее грамматическое предложение будет представлять несвободный порядок расположения частей. Первый приведенный вариант порядка расположения грамматических частей Фортунатов называет свободным, нормальным (Фортунатов 1956, с. 182-188).

Впоследствии он начал разрабатывать теорию актуального членения предложения, интерпретируемую им с психологической точки зрения (Фортунатов 1957, с. 450-462).

Интересующей нас проблематике уделял внимание и ведущий представитель ленинградской языковедческой школы, последователь Ивана Александровича Бодуэна де Куртене, **Лев Владимирович Щерба** (1880-1944). Основная часть его трудов была сосредоточена на области фонетики, орфоэпии, орфографии и лексикографии, однако в некоторых своих статьях о литературном русском языке академик затрагивает определенные вопросы, касающиеся проблематики порядка слов. Так, например, он сравнивает письменную и устную литературную речь и указывает на то, что некоторые атрибуты последней, в частности интонации и логические ударения, не могут быть переданы посредством письма, а только изменением порядка слов. Щерба формулирует «практическое правило поведения» - стараться избегать переноса синтаксических форм разговорной речи в письменную (Щерба 1957, с. 118).

Кроме того, Щерба упоминает об использовании архаического порядка слов (в частности, постпозицию определяемого существительного за существительным в родительном падеже, выполняющим роль несогласованного определения) в современной литературе с целью подчеркнуть единство понятия в поэтическом языке. Присутствие подобного порядка слов Щерба относит к влиянию греческого языка (Щерба 1957, с. 133-

134).

Среди учеников Ф. Ф. Фортунатова было много выдающихся лингвистов. На первом месте мы можем назвать академика **Алексея Александровича Шахматова** (1864-1920). Результатом его изучения литературного русского языка (кроме лекционного курса, предназначенного для Петербургского университета) является труд «Синтаксис русского языка», который по фундаментальности и тонкости анализа представлял собой уникальное явление в синтаксической разработке русского языка того времени. Шахматов намеревался посвятить проблематике порядка слов отдельную главу своей монографии, однако его скоропостижная смерть в 1920 году помешала осуществлению этих замыслов. Ряду его научных планов, начатых и незавершенных работ не было суждено закончиться. Более того, даже «Синтаксис русского языка» не был ни откорректирован, ни доведен до печатного издания самим автором.

В своей первой научной работе «Русский синтаксис в научном освещении», которая вышла в 1914 году, **Александр Матвеевич Пешковский** (1878-1933) представляет свою собственную синтаксическую теорию, созданную на основе положений передовой грамматической науки того времени. Данная теория была проверена на опыте собственной педагогической работы, а научным фундаментом для нее послужили университетские курсы учителей Пешковского, Ф. Ф. Фортунатова и В. К. Поржезинского. Сам Пешковский указывал, что его синтаксическая теория отличается от «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского (одного из учеников А. А. Потебни), опубликованной на два года раньше, прежде всего тем, что в основу грамматики им была положена внешняя, звуковая сторона описываемых языковых явлений, т. е. принимались во внимание формальные показатели грамматических значений. Кроме того, грамматические явления им были резко ограничены от явлений смежных областей — психологии и логики. Профессор А. Б. Шапиро в своей сопроводительной статье к седьмому изданию труда Пешковского пишет, что он считает несомненным тот факт, что важнейшие грамматические понятия, на которых тот построил свое изложение, были усвоены от Фортунатова, при этом некоторые важные идеи, не противоречащие однако исходным теоретическим положениям, были внесены в работу под влиянием лингвистов иных направлений, а именно Шахматова и Потебни (Пешковский 1956, с. 3-4). Впоследствии, для третьего издания «Русского синтаксиса в научном освещении» Пешковский переработал значительную часть изначального текста. Более пяти шестых текста было написано заново, автор переосмыслил и дал новую интерпретацию многим важным положениям, основываясь при этом как на своих собственных размышлениях, так и на заключениях, заимствованных из трудов других ученых, например, А. А. Шахматова. Сюда относится понятие грамматической категории

и некоторые другие.

В своей работе Пешковский упоминает о проблематике порядка слов в русском языке, однако не уделяет ей слишком много внимания. Он относит русский язык к группе языков с «так называемым «свободным» порядком слов», однако указывает, что для каждого члена предложения можно определить его одно обычное, «излюбленное» место в предложении, и другое, менее обычное, при котором «расстановка слов кажется как бы намеренно измененной». На этом основании Пешковский различает прямой и обратный порядок слов. Обратный порядок слов он определяет как такой, при котором «член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимания, чем при «прямом» (Пешковский 1956, с. 420-422).

Далее Пешковский занимается некоторыми частными случаями обратного порядка слов в отношении определенных частей речи, например, глагола и существительного в «приглагольном падеже», где обратным порядком слов является постпозиция глагола (*я книгу беру, он лихорадкой заболел*). Это же правило действенно и для глагола и наречия (*он выучил наизусть, он вслух читает*), кроме наречий качественных, где наоборот, размещение перед глаголом является нормой (*он хорошо читает*). Для прилагательного, согласно Пешковскому, обратным порядком слов является постановка после существительного (*он человек умный*) (Пешковский 1956, с. 420-422). Необходимо заметить, что порядок слов интересует Пешковского прежде всего как фактор, способствующий обособлению второстепенных членов предложения, а не как самостоятельный вопрос. Он определяет обратный порядок слов как условие, при котором обособление необходимо, или, по крайней мере, возможно, а прямой порядок слов — как случай, где обособление невозможно или не является необходимым. Таким образом, несмотря на то, что порядок слов не был первичным объектом исследования Пешковского, автору удалось продемонстрировать многие тенденции, определяющие норму порядка слов в русском языке.

Синтаксисом занимался также профессор **Александр Иванович Смирницкий** (1903-1954), в том числе в своем теоретическом курсе современного английского языка, который он в течение одиннадцати лет читал в МГУ. Смирницкий считал основной задачей синтаксиса изучение способов образования предложений как таковых. Большое внимание он уделял порядку слов, поскольку в связи с утерей флексий в английском языке именно этот аспект приобретает особенно важное значение и служит для разграничения, с одной стороны, между дополнением и подлежащим, а с другой, для разграничения между различными типами дополнения. При этом Смирницкий утверждает, что при изучении проблемы порядка слов необходимо провести четкое разграничение между размещением полнозначных и служебных слов по отношению к полнозначным словам. В первом случае порядок слов является

значащим, поскольку перемещения полнозначного слова в предложении ведут к изменению его синтаксической функции и, таким образом, всего смысла предложения. Во втором случае (при перестановке служебных частей речи) изменения синтаксической функции не произойдет, служебные слова будут отнесены к другим полнозначным словам (Смирницкий, 1957, с. 61-74, 215-219).

Смирницкий выделяет несколько функций порядка слов, которые действительны не только для английского, но и для русского языка. В качестве первой он называет собственно грамматическую функцию, состоящую в том, что порядок слов служит для выражения определенных синтаксических отношений (субъектно-объектных, субъектно-предикатных, атрибутивных и т. д.). В качестве второй функции порядка слов он указывает выражение лексического подлежащего и лексического сказуемого. Данную функцию более подробно характеризовал **В. В. Пассек**, написавший раздел «Синтаксиса английского языка» на основе своей личной беседы с А. И. Смирницким в 1952 году. В качестве примера он приводит русское предложение *Книга на столе* и *На столе книга*, в которых обозначен один и тот же факт объективной действительности, т. е. нахождение книги в определенном месте. Различие данных предложений заключается в том, что в то время как в первом случае предметом нашей мысли является книга, во втором случае исходной точкой является место. Пассек сам признает, что его термины «лексическое подлежащее» и «лексическое сказуемое» нельзя считать удачными. Под лексическим подлежащим он понимает то слово или группу слов, которое вводит предмет мысли в данном высказывании, его отправной момент. Слово или группа слов, присоединяемое к лексическому подлежащему для его развития, характеристики и уточнения, вводящее новое в высказывании, представляет собой лексическое сказуемое. Компонентом «лексический» Пассек выделяет и подчеркивает независимость лексического подлежащего и сказуемого от грамматического оформления слов, которым они выражаются, в данной роли может выступать любая часть речи и форма слова. Наиболее приемлемыми терминами для обозначения разбираемых явлений Пассек считает «логическое подлежащее» и «логическое сказуемое» или «психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое», от которых он, однако, вынужден отказаться в силу коннотаций, которые с данными терминами связаны (Смирницкий 1957, с. 61-74). Как видим, речь здесь идет о тех же явлениях, которые в других публикациях были обозначены терминами тема и рема, или основа высказывания и ядро высказывания. Интересен тот факт, что термины «психологическое подлежащее» (*psychologický podmět*) и «психологическое сказуемое» (*psychologický přísudek*) в своих работах использовали и чешские лингвисты, напр. Франтишек Травничек (Trávníček 1951, s. 904-908, 884-890) и Франтишек Копечны (Kopečný 1958, с. 224). Как мы увидим, с подобными затруднениями при выборе терминологии

сталкивались и чешские лингвисты, посчитавшие однако и последние предложенные термины неудачными.

В качестве третьей функции порядка слов Смирницкий называет экспрессивно-стилистическую функцию. Слово, на которое в речи необходимо обратить особое внимание, выделяется не только интонационно и посредством сильного ударения, но и при помощи порядка слов — оно передвигается на первое место в предложении (Смирницкий 1957, с. 61-74).

Смирницкий также различает прямой и обратный порядок слов (инверсию), которые определяет взаимным расположением подлежащего и сказуемого.

Некоторые аспекты научной деятельности в области синтаксических исследований Л. В. Щербы продолжает **Анатолий Митрофанович Мухин** (1922-2008) своими разработками понятия функциональной синтаксической единицы или синтаксического инварианта (Мухин 1964, с. 248-279).

1.2. Второй этап изучения проблематики порядка слов в русском языке — диахронная точка зрения

Более подробно, чем на предшествующем этапе исследования, проблематике порядка слов в русском языке начал уделять внимание **Леонид Арсеньевич Булаховский** (1888-1961) в своих работах, посвященных курсу русского литературного языка. В его монографии «Русский литературный язык первой половины XIX века» данной проблематике отведена целая глава, что можно считать практически прорывом для вопроса порядка слов в русском языке, перед Булаховским упоминавшимся скорее как вспомогательный фактор для объяснения иных грамматических явлений или же затрагиваемом весьма поверхностно.

Булаховский рассматривает порядок слов в том числе и с диахронной точки зрения, в частности, он утверждает, что в первой половине XIX века произошло раскрепощение порядка слов, в результате чего русская проза и стихотворный язык достигли небывалого разнообразия выражения. По мнению Булаховского, для порядка слов XVIII века была характерна зависимость от влияния иноязычных образцов, а также, в некоторой степени, от ошибочного по установкам школьного регулирования (Булаховский 1954, с. 421-437).

Булаховский рассматривает некоторые архаические явления, сохранившиеся в порядке слов XIX века. Так, например, в деловой и эпистолярной прозе по его словам удерживается выдвигание вперед родительного падежа собственного имени со значением лица — владельца, автора и т. д.: *Шишкова холодные творения*. Булаховский указывает, что в современном языке такой порядок слов может быть использован для антитезы: *...Ищите гармонию русского стиля у Пушкина ...но не Жуковского это стихия...* Основание для

подобного использования порядка слов Булаховский ищет отчасти в стилистических особенностях административного слога, отражавшего влияние старинных образцов, отчасти во влиянии порядка слов с предшествующими притяжательными именами прилагательными, производными от существительных собственных: *Петров указ, Екатериново время* (Булаховский, 1954, с. 421-422).

Другим случаем сохранения выдвинутого вперед родительного падежа и в настоящее время является его использование в определительной функции, при этом в подавляющем большинстве случаев ему предшествует согласуемое с ним прилагательное: тамошнего изделия пива. Данный порядок слов, согласно Булаховскому, был широко распространен уже в древнерусской деловой речи.

Другим архаическим явлением, впрочем, уже практически исчезающим в XIX веке, сохраняющимся главным образом в художественной прозе старых писателей (Карамзина, И. Долгорукого, Нарезного), является постановка глагола в конце предложения или части сложного предложения: *Соловей, который по древним басням, столь восхитительно пел на могиле Орфеевой, был, конечно родом из Японии!! ибо нигде не поют они столь приятно, как там; и самыми красивыми перьями отличаются* (Карамзин, О рос. посольстве в Японии, 1803. Сохранена пунктуация автора). Наиболее часто в конце ритмических отрезков употребляются формы глагола *мочь*, под влиянием такого порядка слов подобный же устанавливается и в отношении безличного сказуемого *можно*: *Рассуждая таким образом ясно видеть можем, что состав одного языка не сходствует с составом другого...* (А. Шишков). *Одно, в чем упрекнуть его можно, это в совершенном пренебрежении своего туалета* (Жихарский) (Булаховский 1954, с. 425-426).

Для порядка слов XIX века было типично унаследованное от XVIII века и от более раннего времени (по церковнославянским образцам) подчеркнутое пристрастие к постановке причастий в конце причастных групп за определяемыми словами. Данное явление сохранялось и в последующий период в научной прозе. Например: *...пирах и проказах, ежедневно притом изобретаемых* (Пушкин) (Булаховский 1954, с. 427-428).

Такое же происхождение имеет постпозиция определения после определяемого слова. Булаховский видит в ее использовании две причины: стремление в большей мере, чем это типично для современного времени, подчеркивать характеризующий существительное признак, а также попытку придания речи эстетической законченности: *несколько обширных корпусов деревянных* (Долгорукий), *заветы старины разумной...* (Письмо Чаадаева Вяземскому), *...потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба...* (Грибоедов) (Булаховский 1954, с. 428-434).

Следующим примером уже изжитого в наше время порядка слов, сохранявшегося до XIX века, является отрыв имени существительного от управляющего им имени прилагательного или причастия: *Там русские ученые увидят высочайшую вулканическую гору в мире...* (Карамзин). *Бурею занесенные немцы на приморский берег Двины проложили рыцарям путь в Ливонию* (Бестужев-Марлинский). Исчезновение такого порядка слов Булаховский объясняет победой тенденции к более рациональному с синтаксической точки зрения размещению синтагм, а именно к контактному (Булаховский 1954, с. 434-436).

Исторически восходящий к глубокой древности порядок слов, при котором подлежащее помещалось среди деепричастной конструкции, также был сравнительно широко распространен в поэтических текстах XIX века: *С знакомцем съехавшись однажды я в дороге, с ним вместе на одном ночлеге ночевал...* (Крылов). Кроме того, в языке XIX века еще не прижилось правило, требующее, чтобы относительное местоимение в придаточном предложении следовало за определяемым словом: *Сие самое препятствовало в биржевой зале дать бал, которая хотя и очень для забав общественных пригодна, но правительство местное не уполномочено даже свечки зажечь во внутренней стороне канала* (Долгорукий). Практически на протяжении всей первой половины XIX века в русском языке сохраняется старое правило, определяющее место зависимых относительных местоимений в начале придаточных предложений, лишь во второй половине века вступит в силу нынешнее правило, требующее постановки таких местоимений за именами, инфинитивами и деепричастиями, управляющими ими: *Тогда будет что сказать, а теперь нечего, ибо очень рано с утра пустились в путь, дабы не потерять Саранской ярмонки, которой с утра приближалось самое счастливое время* (Долгорукий) (Булаховский 1954, с. 437-440).

Таким образом, как заключает Булаховский, для порядка слов, сохранившегося к первой половине XIX века, характерны две особенности: 1) большая близость к церковнославянским образцам и стилистическим обыкновениям XVIII века, чем в современном порядке слов; 2) меньшая контактность синтаксически связанных между собой членов (Булаховский 1954, с. 441).

Исследованием порядка слов с диахронной точки зрения в течение долгого времени занималась и **Ирина Ильинична Ковтунова** (1926-2007). Ее монография «Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в.» посвящена истории образования норм порядка слов современного русского языка. Рассматривая современный язык, автор применяет теорию актуального членения предложения, причем выделяет как двуступенчатое (тема и рема), так и многоступенчатое (второстепенные тема и рема) (Ковтунова 1969, с. 14).

Автор показывает процессы, проходившие в русском языке в области порядка слов (словорасположения) в течение отдельных периодов: в первой трети 18 века при отсутствии

устойчивых норм, наблюдалась тенденция к препозиции актуализируемых членов; в 18 веке – первой трети 19 века – нормализация, освобождение литературного языка от правил разговорной речи; в последней трети 18 века проходило становление и утверждение единых норм порядка слов. При этом изменение норм в общелитературном языке Ковтунова связывает прежде всего с процессами в области художественной литературы, подчеркивая, что последняя играла в данном процессе исключительно важную роль. Именно это является специфической чертой истории литературного языка данного периода.

В учебнике «Историческая грамматика русского языка» **Валерий Васильевич Иванов** (1924-2005) обращает внимание на нерасчлененную структуру сложного предложения в древнерусском языке (Иванов 1983, с. 389). Таким образом, неоднородные предложения «нанизывались» друг на друга, следуя одно за другим.

1.3. Проблематика порядка слов в русском языке в работах из области стилистики

Проблематика порядка слов была затронута также в некоторых работах, изначально занимающихся стилистикой русского языка. Так, например, **Александр Николаевич Гвоздев** (1892-1959) в своих работах по стилистике занимается и порядком слов в простом предложении и в словосочетании. Он указывает на тот факт, что в русском языке порядок слов становится важным синтаксическим фактором только в том случае, когда два слова в предложении по своим морфологическим признакам, а также по морфологическим признакам других слов в одинаковой мере могут выступать тем или иным членом предложения. Например: *Дуб заслоняет ель*. Однако нередко семантика слов или предложений в целом делает очевидным, какое место занимает подлежащее, а какое — дополнение: *Солнце закрыло облако* (Гвоздев 1968, с. 164-165).

Гвоздев утверждает, что даже в рассмотренных ограниченных пределах нет оснований говорить о твердом порядке слов, служащим для разграничения членов предложения, а только о тенденции, создаваемой обычным порядком слов. При этом он допускает, что некоторым фразам, особенно оторванным от контекста, порядок слов может сообщить некоторую двусмысленность: *Струи Арагвы и Куры узрели русские шатры* (Пушкин). Порядок слов в русском языке Гвоздев называет обычным, широко распространенным, в отличие от порядка слов, например, во французском или английском языке, который он характеризует как твердый, при этом он подчеркивает, что отступления от обычного порядка слов в русском языке, хотя и могут вызвать разного рода оттенки стилистического характера, однако не вызывают перехода слов из одного члена предложения в другой (Гвоздев 1968, с. 164-165).

Гвоздев оперирует с терминами «обычный» и «необычный» порядок слов. Для сравнения — для тех же понятий Пешковский использует термины «прямой» и «обратный» порядок слов (Пешковский 1956, с. 420-422), также как и Смирницкий (Смирницкий 1957, с. 61-74). Гвоздев упоминает о таком понятии как фразовое ударение, которое слабо характерно для обычного порядка слов, однако приобретает первенствующее значение при необычном порядке. Интересен тот факт, что порядку слов Гвоздев приписывает стилистическое значение, мотивируя это тем, что разные виды порядка слов используются в разных стилях: обычный порядок слов в деловой речи, где нет места экспрессии (Гвоздев обозначает его нейтральным в стилистическом отношении), а необычный порядок слов или инверсия в художественной речи. Гвоздев подчеркивает, что непосредственная разговорная речь отличается исключительно своеобразным порядком слов, проблематика которого еще не была изучена (Гвоздев 1968, с. 164-166).

Согласно трактовке Гвоздева, порядок слов в словосочетаниях и в синтагматах влияет на порядок слов в образованиях следующего уровня — предложениях. Он выделяет два варианта порядка слов, встречающегося в предложениях с подлежащим и глагольным сказуемым: 1) описательный, где на первом месте стоит сказуемое (употребляется при ознакомлении с лицами и предметами), а фразовое ударение падает на подлежащее, занимающее второе место: *Прошел месяц*. В случае, если в предложении есть обстоятельство, оно займет первое место: *В трех верстах от деревни Обручановой строился громадный мост* (Чехов). 2) повествовательный порядок, где на первом месте стоит подлежащее, а на втором — сказуемое (выражает процессы): *Голодная волчиха встала...* Данный порядок обязателен в рассказе о развивающихся событиях (Гвоздев 1968, с. 170-173).

Порядку слов уделяет внимание и **Борис Михайлович Щербатский** (1896-1963) в своем пособии для учителей, ориентированном, в первую очередь, на проблематику стилистики. Он понимает значение порядка слов в предложении прежде всего как способ выделения того или иного слова в письменной речи. Как он замечает, в устной речи для данной цели достаточно особой интонации, в письменной же эту роль выполняет инверсия. Значение слова усиливается при его переносе в начало или в конец предложения. При этом Щербатский считает нормой такой порядок слов, при котором подлежащее стоит перед сказуемым, определение — перед определяемым, а дополнение — за словом, которое им управляет (Щербатский 1951, с. 44-45).

Щербатский, кроме того, замечает, что порядок слов может влиять не только на усиление определенного слова, но и на смысл целого предложения. В качестве примера он приводит цитат из «Капитанской дочки» Пушкина, в котором говорится о неожиданном появлении обвинителя на суде: *Дверь отворилась и вошел Швабрин*. По словам Щербатского,

неожиданность появления именно Швабрина была достигнута постановкой сказуемого перед подлежащим, при другом порядке слов Швабрин бы вошел как лицо ожидаемое. Как видно, ученый не был знаком с терминами Вилема Матезиуса используемыми для описываемого явления - «основой» и «ядром высказывания» (Матезиус 1947, с. 171-174) или же «темой» и «ремой» и проблематикой актуального членения предложения, определяющим порядок слов. Приведенный пример можно было бы объяснить и с точки зрения этой теории.

1.4. Статистическое исследование проблематики порядка слов

Ольга Борисовна Сиротинина (1923) в своей работе «Порядок слов в русском языке» при помощи методов синтаксического и функционального анализа, а также статистического и экспериментального методов исследует расположение членов предложения в художественном и научном стиле письменной речи, в разговорном и в научном стиле устной речи. Кроме того, она анализирует стилизованную разговорную речь художественных произведений. Что касается художественного стиля, Сиротинина использовала материал произведений ведущих русских писателей, начиная Фонвизиним и кончая современными автору литераторами — Шолоховым, Симоновым и Леоновым. В рамках научного стиля были использованы языковедческие, медицинские и математические тексты. Из каждого произведения исследователь выписывала около 100 предложений из начала, середины и конца, т. е. по 300 предложений, что давало возможность проведения статистических подсчетов. Устная речь анализировалась на основе магнитофонных записей лекций и живой разговорной речи. В качестве разговорной речи записывались непринужденные разговоры людей с разными уровнями образования (но по большей части с высшим образованием) на различные темы, часто бытовые или профессиональные, в спокойном и раздраженном тоне, при этом в половине случаев беседующие не знали, что их разговор записывается. Весь материал был проанализирован в контексте и статистически обработан.

В своей работе Сиротинина публикует полученные ей результаты и дает им объяснение. Так, например, весьма редкое появление согласованного определения в постпозиции (1-5 %) она мотивирует строгой грамматической обусловленностью прямого порядка слов. При этом она не согласна с утверждением некоторых лингвистов, гласящим, что постпозиция характерна для логически подчеркнутого определения. По ее наблюдениям, логически подчеркнутым очень часто бывает препозитивное определение, в этом она ссылается и на исследованные ей работы писателей. Она утверждает, что многие авторы сами подчеркивают большую значимость препозитивных определений, например, Л. Толстой: *Степан Аркадьевич был не только человек честный (без ударения), но был честный человек*

(с ударением). Сиротинина утверждает, что данная норма закреплена не только статистически как явление речи во всех ее видах и стилях, но и структурно — как явление языка. Она указывает на то, что все сложные термины, выражающие одно понятие и представленные адъективными словосочетаниями, включают в себя препозитивное определение: *атомная энергия, серная кислота, притяжательные местоимения* и т. д. Иной порядок слов в данных случаях возможен лишь в алфавитных указателях и при перечислении видов (Сиротинина 1965, с. 12-14).

Далее Сиротинина занимается статистической характеристикой употребления разных комбинаций сказуемого и прямого дополнения, сказуемого и косвенного дополнения, сказуемого и обстоятельства, а также главных членов предложения, определяет роль порядка слов в организации словосочетаний и предложений.

Сиротинина выделяет три основные функции порядка слов в русском языке: грамматическую, коммуникативную и стилистическую. Что касается первой, грамматической функции, автор указывает, что далеко не все ученые (среди них называется, например, Ф. Данеш) признают ее наличие в славянских языках, поскольку грамматическое членение в них выражается формами слов. Однако сама Сиротинина не может согласиться с отрицанием грамматической функции в русском языке. По ее словам, грамматическая функция проявляется не только в строгой норме расположения союзов, предлогов и союзных слов, взаимопорядка главных членов в предложениях с прямой речью, а также взаимопорядка подлежащего и дополнения в случае их формального неразличения (в качестве примера Сиротинина приводит знаменитое предложение *Мать любит дочь*). Она ссылается на известную фразу Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*², в которой квалификация слова *куздра* как подлежащего, а *бокра* как дополнения зависит только от порядка слов. По словам Сиротининой обычно такая зависимость квалификации члена предложения от его расположения в предложении не замечается, поскольку в настоящих словах русского языка различить, что представляет собой *а*: флексию именительного падежа женского рода или родительного/винительного падежа мужского рода, можно по самому слову. Тот факт, что синтаксическая квалификация искусственных слов *куздра* и *бокра* в приведенной фразе не вызывает затруднений, Сиротинина считает доказательством существования определенных норм расположения членов предложения в русском языке (там же, с. 4-5).

Об этом же свидетельствует различная синтаксическая квалификация одной и той же

² Искусственная фраза, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков. Общий смысл фразы при этом понятен. Фраза была предложена Л. В. Щербой в 1930-е гг. и использовалась на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания». Широкую известность фраза получила после выхода научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» (1954 г.).

формы слова в зависимости от ее расположения в предложении (для сравнения: *Лампочка под потолком тускло светила*; *Лампочка тускло светила под потолком*), а также организация членов словосочетаний. На этом основании Сиротинина называет мнение о свободном порядке слов в русском языке необоснованным, при этом она ссылается и на труды И. А. Фигуровского³ (там же, с. 3-5).

Пренебрежение к грамматической функции порядка слов, вызванное уверенностью в том, что порядок слов в русском языке является свободным, Сиротинина считает главной причиной ошибок в этой области (там же, с. 160-163).

Коммуникативная функция порядка слов, по словам Сиротининой, заключается в выявлении коммуникативного состава (исходного для говорящего и основного в сообщении), а также в выражении коммуникативной значимости слова, не являющегося собственно новым. Сиротинина указывает на то, что многие лингвисты (Матезиус, Травничек, Данеш, Крушельницкая, Распопов и другие) считают основной функцией порядка слов в славянских языках функцию выражения актуального членения предложения, при этом Франтишек Данеш расценивает ее даже как первичную. Сиротинина ссылается на работу В. И. Борковского и П. С. Кузнецова⁴, считавших отличительной чертой русского языка твердый порядок слов, характерный уже для языка древнерусского, в письменной же речи проявляется соответствие актуального членения грамматическому. Для устной речи, по словам Сиротининой, более типично интонационное выражение актуального членения, чем посредством порядка слов. Приведенные факты заставляют ее усомниться в правоте Данеша (там же, с. 150-152).

Выражение актуального членения Сиротинина считает лишь одной из сторон более общей коммуникативной функции порядка слов, при этом она указывает, что в большинстве случаев грамматическая и коммуникативная функция действуют совместно и не противоречат друг другу (там же, с. 152-153).

Стилистическая функция порядка слов, согласно Сиротининой, проявляется в художественном и публицистическом стиле как средство стилизации речи, эмоциональности повествования и как индивидуальная авторская особенность (там же, с. 7).

³Фигуровский, И. А. *Синтаксис целого текста и ученические письменные работы*. М., Учпедгиз, 1961.

⁴Борковский, В. И., Кузнецов, П. С. *Историческая грамматика русского языка*. М., АН СССР. 1965 512 с.

1.5. Проблематика порядка слов в русском языке с точки зрения актуального членения предложения

Большое количество работ, занимающихся проблематикой порядка слов в русском языке, исходит из принципов актуального членения предложения, т. е. постулата, гласящего, что порядок слов обуславливается относительной данностью и новизной отдельных компонентов предложения. Данная теория называлась, а часто и понималась несколько отличающимися способами. Впервые с ней пришел французский лингвист А. Вель в 1844 году, с тех пор она была неоднократно переработана. Огромную роль в разработке теории актуального членения сыграл чешский лингвист Вилем Матезиус. Среди русских языковедов данной теорией занимались, например, И. И. Ковтунова, И. П. Распопов, К. А. Рогова, К. Г. Крушельницкая.

Одним из первых применить теорию актуального членения предложения попытался **Виктор Владимирович Виноградов** (1894-1969). Говоря в своей статье, вышедшей в 1954 г. о задачах стилистики русского языка, Виноградов считал важной задачей изучение типизованных форм применения одной и той же синтаксической схемы предложения для выражения разного содержания. При этом он оценивал теорию Матезиуса как попытку освободить данную проблематику от голой формально-логической интерпретации. Виноградов считал актуальное членение предложения главным фактором, влияющим на порядок слов в предложении, вариации в нем он связывал с эмоциональным расположением говорящего. Для повествовательных предложений будет характерен порядок слов, начинающийся изложением основы и направляющийся к ядру высказывания. В предложениях со специфической эмоциональной мотивировкой, которая обуславливается взволнованностью говорящего, его заинтересованностью или желанием что-либо подчеркнуть, в начале будет располагаться ядро, а основа — в конце высказывания. По примеру Вилема Матезиуса Виноградов называет такие виды порядка слов объективным и субъективным, причем он подчеркивает, что последний является нормальным для вопросительных, побудительных и восклицательных предложений. Он также замечает, что сходная трактовка смыслового членения предложения встречалась и у отечественных лингвистов — у А. В. Добиаша, Л. В. Щербы, К. Г. Крушельницкой. Последняя в своей кандидатской диссертации рассматривает смысловое соотношение частей предложения с точки зрения наличия в них «данного» и «нового». Различная смысловая нагрузка членов предложения выражается порядком слов, логическим ударением и т. д. Состав данного в устной речи определяется ситуацией, в то время как в письменной — контекстом (Виноградов 1954, с. 24-25).

Академическая «Грамматика русского языка» Виктора Владимировича Виноградова

уделяет главу порядку слов в простом двусоставном повествовательном предложении. В ней описываются места, типичные для отдельных членов предложения, свойственные им в соответствии с такими факторами, как структура предложения, способ выражения данного члена предложения и место остальных, связанных с ним членов предложения (Виноградов 1960, с. 658). Как мы видим, в данном труде автор не применяет фактор актуального членения предложения. Упоминается лишь возможность обратного, измененного порядка слов, свойственного прежде всего для художественной речи, однако влияние контекста на порядок слов не рассматривается.

К. Г. Крушельницкая в своей статье, изданной в 1956 г. говорит о различном смысловом весе одних и тех же членов предложения в зависимости от задания высказывания, они могут обозначать или исходный пункт сообщения, или то, что сообщается. Данное явление выражается интонационными средствами, а также при помощи порядка слов. Она считает неприемлемыми термины «психологический субъект» и «психологический предикат», поскольку эти термины по-разному истолкованы различными авторами. При этом она проявляет большой интерес к концепции актуального членения, предложенной Вилемом Матезиусом, как к рассматривающей данную проблематику в языковом аспекте на основе коммуникативной функции предложения. Однако Крушельницкая указывает на одно расхождение в теории чешского лингвиста: он противопоставляет грамматическому членению предложения актуальное, видит в них противоречие и относит к различным областям, не описывая соотношения между этими областями и, таким образом, оставляя актуальное членение предложения за пределами грамматики. Сама же Крушельницкая придерживается мнения, что данное явление по своей сущности и по языковому выражению входит в синтаксис языка. (Крушельницкая 1956, с. 54-58). Она указывает, что значения данного и нового не снимают с членов предложения их основных значений, выражаемых соответствующими грамматическими формами, а накладываются на них в каждом конкретном акте коммуникации. Таким образом, члены предложения представляют собой единство двух значений — синтаксического значения и коммуникативной нагрузки.

Кроме того, Крушельницкая указывает на тот факт, что Матезиус главным образом оперировал с простыми нераспространенными или мало распространенными предложениями. По ее мнению, в сложных предложениях данным и новым может быть не один член предложения, а несколько, в связи с чем она выделяет «состав данного» и «состав нового», состоящие из различных комбинаций членов предложения. Для таких составов обычно характерно наличие центра, несущего основное ударение. (Крушельницкая 1956, с. 59-60). При этом она признает существование предложений, содержащих только новое, напр. начинающих повествование. В русском языке важнейшим средством выражения

коммуникативной нагрузки является порядок слов, кроме него в этом участвуют интонация (в устной речи) и усилительные слова и частицы (даже, и, именно, это и т. д.). Крушельницкая также выделяет эмфатический порядок слов, особенно характерный для эмоционально окрашенной речи, также называемый инверсией, т. е. порядок слов, при котором новое предшествует данному.⁵

Ирина Ильинична Ковтунова (1926-2007) в своей статье, посвященной актуальному членению предложения, классифицирует отношения, связующие высказывания с рядом других. Она выделяет: 1) синтагматические, устанавливающиеся между следующими друг за другом в речевой цепи высказываниями, тема и рема каждого из них при этом определяются конкретным коммуникативным заданием, диктуемым условиями контекста, 2) парадигматические, связывающие высказывания, объединенные синтаксической структурой и формально различающиеся взаиморасположением компонентов данной структуры, что дано разными типами актуального членения, или интонационным строем. Ковтунова выделяет парадигматически сильные (синтагматически слабые) высказывания независимые от контекста, а также парадигматически слабые (синтагматически сильные) высказывания, которые максимально зависят от контекста (Ковтунова 1974, с. 142-144).

Более подробно проблематику актуального членения И. И. Ковтунова рассматривает в своем учебном пособии «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения», впервые вышедшем в 1975 г. Она замечает, что актуальное членение синтаксически распространенных предложений может иметь ступенчатый характер, т. е. включает в себя не одну, а две темы, имеющие разный коммуникативный вес (Ковтунова 2002. с. 53). Автор также уделяет внимание порядку слов в стилистически окрашенных высказываниях, прежде всего в стилизированной разговорной речи и в поэзии.

В том же сборнике **Ольга Алексеевна Лаптева** (1931) на многочисленных примерах показывает затруднительность установления состава основы и ядра высказывания, особенно в вопросительных, побудительных, эмоционально-экспрессивных высказываниях разговорной речи (с данным утверждением, однако, не согласна О. Б. Сиротина, считающая, что по интенсивности, длительности, напряженности произношения рему можно выделить всегда и совершенно однозначно (Сиротина 1974, с. 173)). Она замечает, что таким высказываниям прежде всего присуща ритмическая организация, т. е. чередование ударных и безударных звеньев, при этом энклитиками и проклитиками часто становятся глаголы, местоимения и наречия. Принцип ритмической организации в устной речи настолько важен, что побеждает, даже сталкиваясь с необходимостью подчеркнутого произношения информативно значимых элементов, которые, таким образом, занимают место

⁵ Таким же термином пользовался чешский лингвист Ян Фирбас (Firbas 2010b, с. 89).

безударного звена (Лаптева 1974, с. 160-165). Кроме того, автор подчеркивает, что в устной речи порядок слов часто подчиняется принципу ассоциативного нанизывания, следует непосредственной смене представлений.

Нина Сергеевна Валгина (1927) в своей работе, посвященной синтаксису русского языка, определяет актуальное членение как приспособление грамматической структуры предложения в результате включения в ту или иную речевую ситуацию к задачам коммуникации. Она указывает на то, что существует несколько терминов, обозначающих единицы актуального членения: сама она использует термины «основа» и «ядро», ссылаясь на В. Матезиуса, а также «тема» и «рема», о которых говорит и Ковтунова, в то время как Крушельницкая использует термины «данное» и «новое», а Распопов — «основа» и «предидируемая часть» (Валгина 1978, с. 147).

Валгина выделяет стилистически нейтральный (прямой) порядок слов и стилистически значимый, подвергнутый инверсии. Первый она характеризует как лишенный экспрессии, а инверсированный порядок слов — как экспрессивно окрашенный, и указывает на то, что стилистические качества порядка слов определяют их различное использование: прямой порядок слов типичен для научного и официально-делового стиля, а разговорная и художественная речь прибегает к инверсии (Валгина 1978, с. 151).

В вопросе определения функций порядка слов в русском языке Валгина выражает солидарность с О. Б. Сиротининой, утверждая, что порядок слов может иметь чисто грамматическое значение, однако она указывает, что в некоторых случаях порядок слов подчиняется семантике, которая единственная позволяет правильно определить функции существительных: *Болящий дух врачует песнопенье* (там же, с. 154-156).

В академической «**Русской грамматике**», изданной в 1980 г. под руководством Наталии Юльевны Шведовой, проблематике порядка слов посвящена глава, автором которой является **Ирина Ильинична Ковтунова**. Автор, являющаяся одной из основных представительниц теории актуального членения предложения в русской традиции, вложила в данную главу многие их положений, рассмотренных нами ранее. Подытожим основные положения: порядок слов определяется коммуникативным заданием, конситуацией, а совокупность вариантов предложения, отличающихся актуальным членением, образует коммуникативную парадигму данного предложения (Шведова и кол. 1980, с. 101).

В своей работе «Порядок слов в русском языке» **Ольга Алексеевна Крылова** (1937) и **Серафима Алексеевна Хавронина** (1931) комплексно подошли к анализу данной проблематики. Они излагают основные теоретические сведения, касающиеся принципов словорасположения, функций порядка слов в языке, а также норм, действующих в области порядка слов в разных типах речи.

Авторы разделили свою работу на две части, первая часть занимается порядком слов в экспрессивно нейтральной, иными словами, книжно-письменной речи, вторая, соответственно, порядком слов в экспрессивно окрашенной речи (устно-разговорной). Авторы указывают, что в данном контексте могли быть использованы термины «стилистически нейтральная» и «стилистически окрашенная» речь, однако им самим эти термины кажутся неточными. То, что они рассматривали под термином «экспрессивно не окрашенной» речи, представляет собой книжную речь, кодифицированную литературному языку, поэтому речь, в функционально-стилевом отношении окрашенную. В нее входит научный, официально-деловой и публицистический стиль (Крылова, Хавронина 1984, с. 205-206).

Авторы указывают, что соблюдение норм порядка слов в письменной речи должно быть особенно строгим. При этом они ссылаются на работы психологов речи, в частности на работу Б. С. Мучника «Письменная передача мысли», доказывающие, что существуют определенные закономерности первоначального восприятия письменной речи читающим. Мучником было сформулировано правило: «Слово, стоящее перед точкой или перед запятой, на месте которой могла бы стоять точка, первоначально воспринимается как логически ударное» (Мучник 1973, с. 56). Например: *При включении электроприборов возникает на экране изображение, а при выключении — исчезает.* В данном случае слово *изображение* первоначально воспринимается как логически ударное, поскольку часть предложения до запятой могла бы выступать как самостоятельное предложение. При этом пишущий не делал на нем логическое ударение намеренно, следовательно, расположение слова на данном месте в предложении — перед запятой — было ошибочным. Правильным бы было размещение на этом месте слова *возникает*, несущим логическое ударение: *При включении электроприборов изображение на экране возникает, а при выключении — исчезает.* Крылова и Хавронина замечают, что изложенное правило отражает основную закономерность русского порядка слов, а именно тот факт, что в экспрессивно не окрашенной речи тема предшествует реме (Крылова, Хавронина 1984, с. 205-206).

Авторы занимаются порядком слов в словосочетаниях с разным типом связи — с согласованием, управлением и примыканием, а также повествуют о изменениях порядка слов, характерного для словосочетаний, под влиянием требований актуального членения предложения. В таких случаях словосочетание как синтаксическое единство в предложении «разрушается»: один его компонент оказывается в теме, а другой в реме. (Крылова, Хавронина 1984, с. 57). Такие словосочетания авторы называют актуализированными, при этом в них может изменяться не только порядок слов, но и характер связи (такие же наблюдения можно найти и у О. Б. Сиротининой). Например, возьмем словосочетание

гладкая равнина:

Перед глазами путешественников расстилалась гладкая равнина.

Эта равнина совсем гладкая.

В первом случае целостность словосочетания не была нарушена, поскольку оба его компонента входят в ремю; порядок слов также сохранился неизменным. Во втором случае главный компонент *равнина* входит в тему, а зависимый *гладкая* — в ремю. Отношения же между главным и зависимым компонентами уже не атрибутивные, а предикативные (там же, с. 58).

Далее авторы разбирают основные варианты порядка слов в простых повествовательных предложениях. Таких вариантов Крылова и Хавронина выделяют 5: подлежащее — сказуемое; сказуемое — подлежащее; детерминант — сказуемое + подлежащее; детерминант + подлежащее — сказуемое; подлежащее + сказуемое — детерминант (сказуемое + подлежащее). Кроме того, пытаются определить место дополнения в предложении, основные нормы порядка слов в вопросительных предложениях, нормы порядка слов при прямой речи, а также занимаются проблематикой расположения служебных частей речи — предлогов, союзов и частиц.

Что касается экспрессивно окрашенной речи, в ней Крылова и Хавронина выделяют объективный или прямой порядок слов и его нарушение — субъективный порядок слов или инверсию. Также его называют «обратным». Он возникает в трех случаях:

- 1) при изменении объективной последовательности компонентов актуального членения;
- 2) при изменении последовательности компонентов неактуализированного словосочетания (без нарушения порядка «тема — рема»);
- 3) при изменении порядка членов предложения в нерасчлененных высказываниях с нулевой темой.

Также возможны комбинации первого и второго, второго и третьего случаев (там же, с. 135-137).

Авторы выделяют 5 основных вариантов обратного порядка слов, при этом выделение происходит в соответствии с теми принципами, которые были установлены для объективного порядка слов в простом предложении.

Кроме того, Крылова и Хавронина говорят о «дистантном» порядке слов, т. е. таком виде инверсии, при котором компоненты актуального членения располагаются дистантно, по схеме «рема — тема — рема» или «тема — рема — тема». В таком случае ударение перемещается вместе с ремой. Авторы подчеркивают, что дистантная последовательность компонентов актуального членения может создавать экспрессию разговорности (там же, с. 153-155).

По мнению авторов, к инверсивному порядку слов как средству усиления экспрессивности особенно часто прибегает газетно-публицистический стиль.

Авторы также занимаются порядком слов в вопросительных предложениях в разговорном стиле и порядком слов при обозначении приблизительного количества в разговорной речи. Кроме того, они уделяют внимание расположению обращения в разговорной речи.

Весьма интересна та часть работы, в которой Крылова и Хавронина занимаются теми теоретическими вопросами, относительно которых среди современных лингвистов не было достигнуто единогласия. Так, в частности в современной научной литературе нет единого подхода к актуальному членению предложения.

Крылова и Хавронина придерживаются той точки зрения, что это членение обязательно бинарно. Этим они отличаются от других лингвистов, выделяющих высказывания с нулевой темой. По мнению авторов, это обстоятельство не противоречит факту бинарности актуального членения, поскольку и «нуль» в таких случаях является значимым. Кроме того, бинарности актуального членения, по их мнению, не противоречит и идея о его многоступенчатости. Авторы утверждают, что компоненты актуального членения могут в свою очередь делиться на второстепенные тему и рему, в частности внутри темы может наблюдаться нарастание динамичности (там же, с. 207).

При этом Крылова и Хавронина считают, что для установления основных норм порядка слов достаточно первой ступени деления темы и ремы — выделения темы и ремы в полном составе, в то время как ступенчатое деление темы или ремы целесообразно при дальнейшем, более глубоком анализе данной проблематики. При предлагаемом ими подходе невозможно выделить промежуточные элементы, которые можно было бы обозначить как «полу-ядро» или как «полу-тему». Тот факт, что некоторые исследователи их выделяют, Крылова и Хавронина объясняют тем, что некоторые члены предложения по своей позиции входят в рему, но по своему лексическому значению являются чем-то данным, т. е. названным в предшествующем контексте. Например, если в рассказе было упомянуто определенное письмо, далее повествовалось о различных действиях героя и, наконец, сообщалось: *Михаил увидел письмо*, то это не значит, что слово *письмо* должно рассматриваться как часть темы только на том основании, что о письме уже говорилось. Целью данного высказывания является не сообщение *увидел*, а сообщение *увидел письмо*. Основываясь на этих наблюдениях, Крылова и Хавронина делают вывод, что понятия «тематичность» и «данность» («тема» и «данное») так же, как и понятия «рематичность» и «новизна» («рема» и «новое») не всегда совпадают и предостерегают от их полного отождествления. По их мнению, совпадение понятий «тема» и «данное», «рема» и «новое» является лишь одним из

частных случаев. Предложенное авторами определение гласит, что тема — это «исходный пункт» высказывания (в этом они ссылаются на В. Матезиуса), чаще всего предмет сообщения, независимо от того, был ли он назван раньше, а рема — это само сообщение о теме (там же, с. 207-208).

Крылова и Хавронина предлагают свой вариант решения вопроса об отнесении связки в именном сказуемом к теме или реме, поскольку определение ее как «соединительного звена» между темой и ремой (как предлагает, например, И. П. Распопов) им не кажется убедительным. Авторы видят связку как элемент конструктивного, а не коммуникативного уровня предложения, поэтому, на основе коммуникативно-синтаксического анализа они относят ее к одному из компонентов актуального членения, например: *Был тихий летний вечер.* (Связка в составе ремы, тема — нулевая). *Девочка была такой упрямой не случайно.* (Связка в составе темы, рема — *не случайно*). В тех же случаях, когда граница между компонентами актуального членения совпадает с границей между подлежащим и сказуемым, Крылова и Хавронина относят связку в состав того компонента, где находится именная часть, например: *Первым был Михаил* (в теме), *Михаил был первым* (в реме) (там же, с. 211-212).

Авторы учебника «Современный русский язык», изданного в 1999 г., также посвятили коммуникативно-синтаксической организации предложения свой раздел. По их мнению, факт бинарности актуального членения не оспаривает даже то обстоятельство, что степень распространенности темы или ремы может сильно отличаться, что касается прежде всего официально-делового, научного стиля и языка художественной литературы, рема в них часто намного превышает тему по своему размеру (Новиков и кол. 1999, с. 657). В таких случаях, например, в законодательных документах для облегчения восприятия коммуникативного строения предложения однотипные ремы выделяются графически и нумеруются.

Говоря о структурной схеме предложения, авторы затрагивают вопрос о детерминантах, т. е. распространители, не образующие единого словосочетания с каким-либо одним словом в предложении, входящие в предложение самостоятельно, выполняя в нем роль темы или ремы: *Возле клуба шумела толпа.* Таким образом, при использовании в предложении детерминанта конструктивно-синтаксическое и актуальное членение предложения уже не совпадают, поскольку граница между компонентами последнего проходит между детерминантом-темой *возле клуба* и ремой *шумела толпа*, в то время как предикативная связь наблюдается между подлежащим и сказуемым. Кроме того выделяются присловные распространители, образующие со словом, с которым они связаны, семантически и синтаксически, подчинительное словосочетание: *Наша мебель... Гроза быстро приближалась.* (там же, с. 660). Авторы приходят к выводу, что такая классификация

распространителей снимает вопрос традиционного синтаксиса о классификации второстепенных членов предложения, принципиально разных по существу. В рамках коммуникативно-синтаксической структуры предложения они предлагают выделять предикативную основу предложения и распространители.

По форме и функциям выделяются два класса детерминантов: детерминирующие объекты (*Сыну исполнился год*) и обстоятельства (*В Петербурге нас повели в новую типографию*) (там же, с. 663).

По мнению авторов необходимо отличать понятие «тема» от «данное», а «рема» от «новое». В некоторых случаях тема, являясь данным, известной для автора, может быть новой информацией для адресата. Такую формулировку, подразумевающую, что адресату также известны названные факты, авторы называют «иллюзией данности» (там же, с. 682).

В учебном пособии **«Функциональная грамматика русского языка» Шелякин Михаил Алексеевич (1927-2011)** выделяет фиксированный порядок слов, обязательный для данной синтаксической модели предложения (Шелякин 2001, с. 192), ставя его в противоположность свободному порядку, допускающему перестановку слов. К фиксированному порядку слов он относит уже упоминавшиеся нами предложения типа *Мать любит дочь. Бытие определяет сознание*, в которых именно порядок слов определяет субъектно-объектные отношения. Автор различает нейтральный (обычный) и измененный (обратный, инверсивный) порядок слов, наделяя предложения с первым типом такими признаками, как наличие слабого фразового ударения, распределение информации в предложении по принципу от исходной информации до новой для партнера по коммуникации, слабая зависимость от контекста. М. А. Шелякин дает определение данному, теме, как информации, известной адресату из реальной или коммуникативной ситуации, из общей с говорящим пространственно-временной ориентации в мире или из предыдущего текста. Известность для адресата также может постулироваться, что является литературным приемом, часто используемым в литературе (Шелякин 2001, с. 195-196). Автор также уделяет внимание актуальному членению вопросительных и побудительных предложений, а также сложных предложений.

Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова, авторы учебника **«Коммуникативная грамматика русского языка»**, изданном в 2004 г., посвятили коммуникативной структуре текста, порядку слов и актуальному членению предложения обширную главу. Они подчеркивают, что русское предложение легко поддается перемещению входящих в него компонентов, при этом все отклонения от исходного, нормального порядка слов обуславливаются требованиями текста: «интересами движения мысли через межфразовые связи, экспрессивными и стилистическими задачами» (Золотова, Онипенко,

Сидорова 2004, с.385). Авторы также анализируют средства, при помощи которых осуществляется актуальное или темо-рематическое членение предложения. Они приходят к выводу, что в иерархии средств выражения актуального членения фразовое (или, согласно авторской терминологии, рематическое) ударение находится выше всего, оттесняя роль перемещения компонентов на второй план. Порядок слов, при котором рема, выделенная фразовым ударением, располагается в иной позиции, кроме конца предложения, авторы определяют как верификативный. Такой порядок слов характерен для экспрессивной, полемической, диалогической речи, в случае монологического повествования он предполагает несогласие или сомнение адресата (там же, с. 388).

Авторы приводят некоторые особенности отдельных стилей и жанров русского языка. Так, например, для эпического фольклорного повествования, народных сказок и их литературной стилизации типично перемещение предиката, являющегося частью ремы, в абсолютную препозицию: *Посадил дед репку. Позвал дел бабку. Кликнула внучка Жучку* (Сказка «Репка»). *Стал он кликать золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка, спросила* (Пушкин). Подчеркивая преимущественно акциональные глаголы, движущие развитие сюжета, такой порядок слов формирует своеобразный напевно-сказочный рисунок, создавая ощущение повествовательной динамики (там же, с. 392).

Авторы также находят зависимость между типом текста или его фрагментом и грамматико-семантической категорией ремы входящих в него предложений (там же, с. 395-397). Выделяются фрагменты текста, содержащие: 1) описание места, локативных отношений между предметами; 2) характеристику качеств предмета; 3) сообщение о действиях. Рематические компоненты в таких текстах будут соответственно 1) предметные (предметные имена, называющие элементы общей пространственной картины. Глаголы в таких текстах будут нерематичны); 2) качественные (прилагательные и причастия); 3) акциональные (глагольные предикаты).

Мы уделим внимание и некоторым иностранным исследователям, посвятившим свои работы проблематике порядка слов в русском языке с точки зрения теории актуального членения предложения.

Проблематикой порядка слов в русском языке основательно занимался чешский лингвист **Пржемысл Адамец** (1930-2007). В соответствии с планами или аспектами предложения он выделяет 4 функции порядка слов: 1) в области синтаксической структуры, 2) в области актуального членения, 3) в области эмоциональности, 4) в области стилистической (Адамец 1966, с. 9-10).

Представляет интерес его обзор методов исследования порядка слов в славянских языках. В качестве хронологически первого и весьма распространенного метода Адамец

приводит теорию прямого и обратного порядка слов, утверждающую, что каждый член предложения занимает в нем определенное место, а его перемещение на другое место вызвано особыми причинами. Такую теорию можно найти в монографии Бернекера⁶ или в грамматике Гебауэра и Эртла⁷. Главный недостаток данной теории Адамец видит в том, что она не учитывает место фразового ударения и роль семантики отдельных компонентов. Что касается термина «фразовое ударение», Адамец не считает его удовлетворительным, однако использует именно его, ввиду недостатка более подходящего, хотя указывает, что другие лингвисты используют термины «логическое ударение» или «смысловый акцент» (Адамец 1966, с. 7-11).

Далее Адамец называет статистическое исследование взаимоотношения членов синтаксических пар. Представителями этого направления были О. Б. Сиротинина, уже упомянутая нами, и Э. А. Ключкова⁸. Статистический метод Адамец считает чрезвычайно ценным, однако призывает сочетать его с другими принципами, поскольку сам по себе он не дает ответа на главные вопросы данной проблематики.

Кроме того, Адамец упоминает своеобразный подход норвежского лингвиста Б. Ульвестада⁹, который работал с методом лингвистического эксперимента: носители языка должны были охарактеризовать пермутации одного предложения как правильные, не совсем правильные, но допустимые или недопустимые. На основании статистической обработки данных он сформулировал правила порядка немецкого языка.

Теорию актуального членения предложения Адамец характеризует как наиболее распространенную, он считает, что при описании порядка слов из нее в той или иной степени исходит большинство авторов.

Далее он упоминает теорию немецкого слависта Шаллера¹⁰, который объясняет русский порядок слов исходя из понятий аргумента и функции. В последнее время, по словам Адамеца, начинают исследоваться возможности формального порядка слов для потребностей машинного перевода (Адамец 1966, с. 11-12).

В своей работе П. Адамец приводит классификацию основных вариантов порядка слов в русском языке, в основе которой лежат «линейно-динамические структуры», определяемые как обобщение предложений с одинаковым порядком синтаксических компонентов, одинаковым порядком слов и коммуникативной функцией (там же, с. 48). Мы считаем особенно важным тот факт, что при анализе различных линейно-динамических структур

6 Berneker, E. *Russische Grammatik*. Leipzig, 1911.

7 Gebauer, J. - Ertl, V. *Gebauerova mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské*. Praha, 1926.

8 Ключкова, Э. А. *К вопросу о порядке слов (о месте прямого дополнения) в современном русском языке*. In: Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961.

9 Ulvestad, B. *A structural approach to the description of German word-order*. Bergen, 1960.

10 Schaller, H. W. *Die Wortstellung im Russischen*. Munchen, 1966.

языковед принимает во внимание принадлежность высказываний к различным функциональным стилям, в частности, автор рассматривает некоторые особенности разговорного, научного и публицистического стиля.

Проблематике порядка слов в русском языке уделяют внимание и другие иностранные лингвисты. Так, лейпцигский славист **Курт Буттке** (1927) в своей монографии **«Gesetzmäßigkeiten der Wortfolge im Russischen»** представляет структурный анализ закономерностей порядка слов в русском языке. Опираясь на теорию актуального членения, исследователь уделяет внимание и статистическим закономерностям, а также семантическому фактору. Исследуя лексическую семантику глаголов, автор приходит к выводу, что для предикатов, имеющих значение явления, типична препозиция перед субъектом, который часто является ремой высказывания, в то время как процессуальные предикаты чаще располагаются в постпозиции (Buttke 1969, с. 59). Автор также уделяет внимание интерференции порядка слов родного языка и языка перевода у студентов с разным уровнем подготовки.

Сравнительный анализ закономерностей порядка слов в русском и в чешском языке представлен в учебнике **«Русской грамматики»**, вышедшем в 1979 г., авторами которого является коллектив авторов: **Вилма Барнетова, Гелена Беличова-Кржижкова** и другие. В учебнике рассматриваются различные структурные основы предложений с разным количеством компонентов.

Профессор Калифорнийского университета **Ольга Йокояма** (1942) в своей книге **«Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов»** указывает на важность интонационного фактора в данной проблематике, его недооцененность и недостаточную исследованность (Йокояма 2005, с. 232). Анализируя интонационный рисунок отдельных высказываний, исследователь рассматривает различные внеязыковые факторы, обуславливающие тот или иной порядок слов, в том числе ситуативные обстоятельства коммуникации, характер отношений между собеседниками, личная эмпатия между ними и т. д.

1.6. Заключение

Как мы убедились, проблематика порядка слов в русском языке привлекала к себе внимание многих языковедов, исследовавших разные аспекты данного вопроса. Исследовался порядок слов и в языке современном, и в древнерусском.

Мы выделили 5 направлений исследования данной проблематики. На первом, начальном этапе изучения порядка слов в русском языке, который в нашей работе представляют Л. В. Щерба, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский

и А. И. Смирницкий, можно наблюдать преобладание теории прямого и обратного порядка слов. Сам по себе данный вопрос рассматривался довольно поверхностно, чаще всего как фактор, способствующий объяснению другого синтаксического явления. Так, например, Пешковский посредством порядка слов объяснял некоторые случаи обособления второстепенных членов предложения.

Далее порядок слов в русском языке изучался с диахронной точки зрения, при помощи статистических методов, а также в работах в области стилистики.

Таким образом, в исследованиях, посвященных русскому порядку слов, почти до шестидесятых годов XX века ведущая роль уделялась синтаксической структуре предложения, что означало игнорирование одной из наиболее важных функций порядка слов — выражение актуального членения предложения.

Настоящим толчком для развития изучения данной проблематики стало появление концепции актуального членения, которой языковеды обязаны чешскому лингвисту Вилему Матезиусу. Многие русские лингвисты принимали ее, и, стараясь объяснить некоторые присущие ей расхождения, развивали ее далее.

Мы видим, что ученые, занимавшиеся порядком слов в русском языке, часто бывают не единодушны во многих, часто самых основных вопросах. Практически все они выделяют разные функции порядка слов в русском языке, наибольшее количество споров вызывает грамматическая функция порядка слов. Некоторые лингвисты практически отрицают наличие такой функции в русском языке, другие (например, О. Б. Сиротинина) придают ей важное значение. Вызывает разногласия и вопрос о типе порядка слов в русском языке. Некоторые лингвисты считают его свободным, большинство называют его относительно свободным с некоторыми ограничениями (прежде всего для служебных частей речи), существует даже радикальное мнение, что порядок слов в русском языке является твердым (В. И. Борковский, П. С. Кузнецов). Разногласия существуют и в рамках одной и той же теории, например, приверженцы теории актуального членения предложения далеко не едины в вопросах его бинарности и многоступенчатости.

Споры вызывают и многие термины, используемые в данной области. Например, существует несколько вариантов одного и того же термина, который в чешском языке известен как „větný přízvuk“: Щерба, Крылова и Хавронина используют понятие «логическое ударение», Гвоздев и Адамец - «фразовое ударение», при этом последний не доволен данным термином и предлагает другие, например, «смысловый акцент», который, впрочем, ему тоже не кажется в полной мере удовлетворительным.

Существуют отклонения и в терминологии, обозначающей виды порядка слов. Большинство лингвистов используют термины «прямой» и «обратный» (Пешковский,

Смирницкий, Сиротинина). Однако, например, Гвоздев говорит об «обычном» и «необычном» порядке слов, Валгина о «стилистически нейтральном» и «стилистически значимом» порядке слов, чешские лингвисты, а также Крылова и Хавронина используют термины «объективный» и «субъективный» порядок, Фортунатов говорит о «свободном, нормальном». Более того, многие языковеды и в рамках своей работы используют несколько терминов одновременно. Например, Валгина кроме уже упомянутого термина «стилистически значимого» порядка слов, использует понятия «обратный», «субъективный», «инверсированный».

Множество разногласий имеется и в терминологии из области актуального членения предложения. Кроме «темы» и «ремы», которые употребляют Валгина и Ковтунова, встречаются и «лексическое подлежащее» и «лексическое сказуемое» (Смирницкий), «данное» и «новое» (Крушельницкая), «основа» и «предицируемая часть» (Распопов), «основа» и «ядро» (Валгина).

Языковеды неединодушны также в своем понимании такого важного для данной проблематики понятия, как инверсия, инверсированный порядок слов. Для начального этапа исследования порядка слов характерен формальный подход, под инверсией понималось любое отступление от общепринятой нормы, не принималось во внимание, чем мотивировано данное изменение. Инверсией считалось даже изменение в порядке следования субъекта и предиката. В то время как некоторые исследователи придерживаются подобного мнения даже на более поздних этапах изучения проблематики порядка слов (Томашевский 1983, с. 265), другие возражают против использования термина «инверсия» как такового (Дмитриев 1976, 7). По их мнению, слишком часто употребляясь в неверном значении, данный термин утратил свою содержательность. Слишком часто им обозначались грамматически правильные высказывания, отвечающие ситуации и контексту, в котором они возникали. Однако большинство лингвистов сходятся во мнении с И. И. Ковтуновой, определяя инверсию как стилистически значимый порядок слов, противопоставляя его стилистически нейтральному. Случаи возникновения инверсии подробно описаны в работе О. А. Крыловой и С. А. Хаврониной.

Большинство лингвистов пришло к согласию в вопросе зависимости порядка слов от контекста, ситуации. На этом фоне выделяется утверждение А. В. Исаченко, гласящее, что базовый порядок слов, являясь оптимальным способом размещения элементов предложения, не зависим контекстуально (Исаченко 1966, с. 27). Мы также не можем согласиться с данным тезисом.

Совершенно очевидно, что для проблематики порядка слов в русском языке необходима унификация используемой терминологии, что, в какой-то степени происходит

самостоятельно, естественным образом по мере «вживления» положений данного вопроса в обиход. Лингвистические труды и грамматики русского языка последнего времени практически единодушны в своем выборе: наиболее прижились термины «тема» и «рема», «прямой» и «обратный», «инверсированный» порядок слов.

Итак, изучение предложения с точки зрения актуального членения предложения мы можем трактовать как выход за уровень синтаксиса, подъем на следующий уровень. Мы считаем, что анализ предложений, опирающийся на теорию актуального членения предложения, должен включать в себя не только синтаксический, но и семантический и стилистический аспект.

2. Изучение порядка слов в чешском языке

2.1. Начальный, формальный подход к проблематике порядка слов

Одним из первых чешских лингвистов, занимающихся проблематикой порядка слов, был **Йозеф Зубаты** (1855-1931). В своем анализе работы немецкого лингвиста Эриха Бернекера «Die Wortfolge in den slavischen Sprachen», вышедшей в 1900 г. в Берлине, он призывает к изучению и описанию правильного порядка слов в чешском языке и предупреждает перед «анархией многих литераторов, калечащих язык по своей прихоти» (Zubatý 1901, с. 130). Он указывает и на некоторые недостатки работы немецкого коллеги, в частности, на его заключения о положении глагола в чешском предложении. Бернекер замечает, что в начале повествования глаголу часто присуще место в начале предложения, Зубаты, однако, обращает внимание на дополнительный фактор, играющий здесь важную роль – известность/неизвестность предмета речи. Таким образом, в тех случаях, когда говорится об особе или предмете, являющихся новыми, для глагола типично «начальное» размещение, в обратном случае глагол находится в «середине», т. е. в постпозиции. Таким образом, в данном анализе мы видим своего рода предзнаменование теории актуального членения предложения. Разумеется, Зубаты не оперирует с подобными понятиями, говоря только о «психологическом субъекте» (Zubatý 1901, с. 133), однако весьма примечателен уже тот факт, что он признает влияние психологического фактора на порядок слов.

Недостаток работы Бернекера Зубаты видел и в недостаточном внимании к порядку слов в вопросительных и побудительных предложениях, а также в предложениях придаточных.

Зубаты уделял внимание вопросам порядка слов и далее, так, например, в своем анализе работы Бертольда Дельбрюка по сравнительно-историческому синтаксису индоевропейских языков «Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen», вышедшему с 1893 по 1900 г. Данную работу Зубаты также характеризовал как еще не вполне завершенную. Он утверждал, что единственным правилом порядка слов в индоевропейских языках, которое можно считать достоверным, является закон Якоба Ваккернагеля о размещении энклитик на втором месте в предложении¹¹ (там же, с. 39).

Проблематике порядка слов уделяется внимание и в обработке учебника «**Gebaurova mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské**», разработанного **Вацлавом Эртлом** (1875-1929). Эртл в чешском языке выделяет два типа порядка слов: обыкновенный (традиционный) и особенный, т. е. подходит к данному вопросу с формальной точки зрения. Первый тип руководствуется фразовым (логическим) ударением¹², свойственным отдельным

11 Анализ был опубликован в Věstník České akademie X, 1901. s. 507-532.

12 В оригинале использован термин «větný přízvuk».

словам. Таким образом, подлежащее находится перед сказуемым, определение перед определяемым словом, сказуемое перед словами, развивающими его и т. д. Отклонения от обыкновенного порядка слов, при этом весьма распространенные, Эртл определяет как особый порядок слов. По его мнению, причинами подобных отклонений являются следующие факторы: новизна или новизна информации, выраженной тем или иным членом предложения (т. е. упоминался ли он ранее), эмоциональная окрашенность, содержательность и сложность отдельных членов, тесная связь между отдельными членами предложения, составляющими один оборот (Ertl 1926, с. 55-61). Как мы видим, данная трактовка также приближается к теории актуального членения предложения, в частности, описывая первый фактор, обособливающий порядок слов, Эртл замечает, что выражения, обозначающие новую, не названную до этого информацию, перемещаются на конец предложения и наоборот.

Концепцию, предложенную Вацлавом Эртлом, в последствии неоднократно критиковал Вилем Матезиус, видевший ее главный недостаток прежде всего в формальном подходе, о котором мы уже упоминали. В толковании Эртла порядок слов был наделен излишней механичностью, нарушаемой некоторыми отклонениями. При этом Матезиус видел причину пластичности порядка слов в чешском языке во взаимодействии нескольких факторов, одним из которых является актуальное членение предложения (Mathesius 1947, с. 328).

«Граматику чешского языка» Гебауэра критиковал и **Франтишек Травничек** (1888-1961). Он отвергал постулат, гласящий, что порядок слов в чешском языке определяется как свободный, утверждая, что такая свобода является лишь кажущейся. Травничек видел недостаток уже существующих исследований в том, что они занимались прежде всего порядком слов в словосочетаниях, напр. определения и определяемого слова, сказуемого и дополнения, считая, что более важным вопросом является то, как в предложении располагается все словосочетание как целое. Кроме того, он видел недостаток в методологии, использованной Эртлом при определении «обыкновенного» и «особенного» порядка слов: первый был рассмотрен только с точки зрения эмоциональной неокрашенности высказывания, в то время как второй – с точки зрения нескольких других факторов, упомянутых выше (Trávníček 1937, с. 79-80).

Далее Травничек заключил, что порядок слов в чешском языке руководствуется двумя основными принципами: фонетическим и смысловым, в связи с чем можно говорить о двух соответствующих видах порядка слов. Первый определяется ударением, присущим отдельным словам, что проявляется прежде всего в размещении энклитик. Смысловый принцип заключается в том, что позиция слова или словосочетания в предложении зависит от

его значения в нем, причем учитывается ситуация, в которой предложение было произнесено, не объективное значение слова. В связи с этим Травничек выделяет три функции порядка слов. Во-первых, он помогает определить важность отдельных членов одного предложения, во-вторых, определяет эмоциональную окрашенность предложения, а в-третьих, выражает содержательное отношение друг к другу отдельных предложений. Опираясь на свой продолжительный опыт исследования данной проблематики, Травничек утверждает, что решающим фактором, влияющим на порядок слов, является степень важности отдельных членов предложения, таким образом, можно сделать вывод, что самое важное в предложении располагается в его конце, наименее важное – в начале, а все остальное – между ними (Trávníček 1937, с. 82-83).

В своей следующей публикации Травничек указывает, что в предложениях, произнесенных с ударением (т. е. с определенной эмоцией – удивление, волнение, несогласие и т. д.), и первое место в предложении может быть занято «важными» словами. Ударение при этом может быть одночленным или двухчленным, в таком случае один из его членов может быть размещен в конце предложения. Если же ударное слово размещено в середине предложения, это значит, что первое место в нем занято словом, для которого такая позиция является закрепленной. Таким образом, здесь мы видим столкновение двух основных принципов порядка слов, т. е. смыслового и фонетического (там же, с. 131-132).

Как заметил Вилем Матезиус, Травничек решительно отказывался акцептировать актуальное членение предложения, он «перекрыл себе путь к правильному пониманию тем, что не отличил стилистические приемы от действительной функции порядка слов» (Mathesius 1947, с. 332). При этом Матезиус признавал, что во время своего возникновения теория Травничека могла быть по праву названа наиболее обстоятельным исследованием в области порядка слов.

Весьма подробно порядок слов был разобран и в работе «**Mluvnice spisovné češtiny**», где Травничек придерживался своей концепции двух типов порядка слов. Он подробно рассмотрел размещение энклитик и отдельных членов предложения, используя при этом термины «психологическое сказуемое» - главная часть предложения, то, что говорящий хочет выразить, и «психологическое подлежащее» - то, что вводит психологическое сказуемое, то, о чем в нем говорится (Trávníček 1951, с. 884, 904). Интересен тот факт, что подобное разделение предложения появилось только в данной работе, в своих предыдущих статьях Травничек говорил только о разной степени важности отдельных членов предложения и о ударении. Вероятно, такое изменение можно объяснить влиянием работ Вилема Матезиуса.

2.2. Диахронное исследование порядка слов

Ян Гебауэр (1838-1907) в своей работе «*Historická mluvnice jazyka českého*», вышедшей в 1929 г. под редакцией Франтишека Травничека, уделяет внимание различиям в порядке слов современного ему языка и языка «старого».

Так, говоря о приложении *pán, pan*, автор указывает, что для старочешского языка была типична препозиция: *pán Kristus, pán Ježíš, pán Hospodin*, в то время как в современном языке более привычна постпозиция: *Kristus pán, kníže pán, císař pán, papež pan* (Gebauer 1929, с. 84).

Указывается, что в старочешском языке обстоятельства *velmi* и *tak* размещались перед предлогом: *velmi v malé peleši přebývajíce, umluvil bližního tak o malú věc...*, в то время как в современном языке такой порядок неприемлем, обстоятельства размещаются между предлогом и именем существительным или прилагательным, к которому они относятся: *z velmi daleké země, o tak malou věc* (там же, с. 86).

Некоторые различия характерны и для размещения глагольного предиката. Так, в старочешском языке глагол-связка *budu* мог быть размещен после инфинитива или между несколькими инфинитивами: *má duše moci bude jíti v hrob mého pána, druh k druhu mluvíti nemoci bude, nemoci budem dále jeti* (там же, с. 87). Для современного языка приемлема только препозиция глагола-связки. Характерно, что в приведенных примерах в нетрадиционном для современного языка месте размещена также и отрицательная частица — в современном языке она присоединяется к глаголу-связке.

Что касается глагола-связки *jsem, jsi* и остальных его форм в настоящем времени, в старочешском языке и в некоторых региональных наречиях Моравии они могли размещаться в абсолютной препозиции в предложении: *Jsem slýchal mnohé chytrosti... Jest zde... jedna panna, velmi krásná...* (там же, с. 90).

Как влияние латинского и греческого языков Гебауэр расценивал типичное для старочешского языка размещение предиката, находящегося в придаточном предложении, в его конце: *Zdála mi se toho nemalá býti potřeba, abych se dobře, k kterému bych se haufu lidí připojiti a v jakých věcech život trávití měl, rozmyslil* (там же, с. 88).

Различия в порядке слов в старочешском и в современном языке проявляются также в размещении энклитик. В старом языке энклитики могли размещаться после первого слова в предложении, тем самым разрывая словосочетание: *Ten sě pes všem jiným počě radovati... K svým sě apoštolóm vrátí...* (там же, с. 90). В современном языке для энклитик типично размещение после первого члена предложения, несущего ударение, словосочетание при этом не разрывается.

Кроме того, для старочешского языка был типичен другой порядок следования

энклитик, короткие формы личных местоимений размещались перед возвратной частицей, в то время как в современном языке действует противоположный принцип: *až mi se v srdci zavine, poznáš, že ti se to zaplatí hojně* (там же).

Отличиям в порядке слов старочешского языка и языка современного уделяет внимание также **Франтишек Травничек** (1888-1961). В своей работе «**Historická mluvnice česká**», опубликованной в 1956 г. он описывает прежде всего различия в размещении энклитик, определений и предлогов. По его наблюдениям, энклитикам в старочешском языке была свойственна большая свобода, чем в современном. Кроме тех примеров, которые приводит уже Гебауэр, Травничек указывает, что абсолютная препозиция была характерна также для сослагательных форм *bych, bys: ...by tu les nebyl... ty pravíš, bych já blúdil* (Trávníček 1956, с. 147). Кроме того, энклитики могли размещаться и после второго или следующего члена предложения: *Tehda d'ábel užasl se... ktož kryjí se světa... pověděl, že břímě mé jest lehké* (там же, с. 148-149).

Согласованное определение без зависимых слов в старочешском языке часто следовало после имени собственного, к которому оно относилось, особенно это типично для выражений религиозного характера: *mysli hrdé, rodu svého/syn boží, slovo božie, písmo svaté* (там же, с. 153). Характерен тот факт, что многие подобные выражения и данный порядок слов в целом сохранились и в современном религиозном стиле.

Несогласованное определения также могло размещаться нетрадиционно для современного языка — в препозиции: *lidu množství, zlata funt* (там же, с. 156).

Травничек указывает, что между определением и существительным часто размещались другие члены предложения, разбивая данное словосочетание: *o svatém zpievají Ondřeji, většieho učinie milovanie* (там же, с. 153).

Предлоги в старочешском языке могли дублироваться, размещаясь в начале словосочетания, а также в его середине: *v starém v Boleslavi, do Nazareta do města, bez mého beze všeho zaslúženie*. Некоторые предлоги, например, *dle, podlé, miesto*, могли размещаться не только перед именем существительным, к которому они относятся (или перед относящимися к нему определениями), но и после него: *trpěti nevinu dle, své králevé podlé, boha miesto* (там же, с. 159-162).

Авторы работы «**Historická mluvnice češtiny**», изданной в 1986 г., **Арношт Лампрехт** (1919-1985), **Душан Шлосар** (1930) и **Ярослав Бауэр** (1924-1969) указывают на недостаточную исследованность развития чешского порядка слов. Они объясняют это тем фактом, что наиболее старые сохранившиеся источники часто представляют собой рифмованные тексты, в связи с чем порядок слов подчиняется стихотворному размеру. Прозаические источники являются преимущественно переводами, при этом порядок слов

в языке оригинала (чаще всего латыни) был часто трансплантирован в целевые тексты. Данное влияние проявлялось, например, в размещении предиката в абсолютной постпозиции (Lamprecht, Šlosar, Bauer, 1986, с. 370), т. е. речь идет о явлении, о котором упоминал уже Ян Гебауэр.

2.3. Актуальное членение предложения

В 1939 г. вышла статья одного из наиболее значительных представителей Пражского лингвистического кружка **Вилема Матезиуса** (1882-1945) «*O tak zvaném aktuálním členění věty*». Проблематикой порядка слов и, в частности, актуального членения предложения Вилем Матезиус начал заниматься уже в начале 20-го века, в том числе в своем исследовании истории порядка слов в английском языке¹³. Он противопоставлял актуальное членение предложения формальному, грамматическому. В статье он указывал на несовершенство используемых в то время терминов: «психологический субъект» «психологическим предикат», вместо которых он предложил новые – основа и ядро высказывания. Матезиус видел недостаток старых терминов в их схожести с другими: грамматическим субъектом и грамматическим предикатом, что усложняет различение обозначаемых ими понятий (Mathesius 1939, с. 171).

Матезиус допускал, что предложение может быть не расчленено на основу и ядро, т. е. содержать только ядро высказывания с сопроводительными словами, напр.: *Byl jednou jeden král*, что особенно типично для начала повествования. Далее он говорил о собственном центре ядра высказывания и о сопроводительных выражениях, ведущих к основе высказывания (там же, с. 173).

Автор указывает, что актуальное членение предложения наиболее ярко проявляется в неподготовленном бытовом разговоре, чем в письменной речи.

Основа и ядро высказывания, состоящие из нескольких выражений, в предложении могут проплетаться друг с другом, однако в большинстве случаев остается понятным, чем занята каждая часть предложения (там же, с. 174). Матезиус выделяет два типа порядка слов: объективный, при котором основа высказывания располагается в начале предложения, и субъективный, при котором говорящий размещает на первом месте ядро высказывания. В последствии Матезиус отметил, что актуальное членения предложения действительно и для сложных предложений, в которых оно определяет порядок следования их частей (Mathesius 1941, с. 37). Однако именно в сложных предложениях часто сталкивается принцип актуального членения и грамматический принцип – органичность их структуры. Придаточные предложения не должны быть отделены от вводящих их союзов

13 Studie k dějinám anglického slovosledu. Věstník České akademie XVI, 1907. s. 261.

и местоимений, т. е. как признает сам автор, принцип органичности строения одерживает победу над принципом актуального членения, «требования логики уступают требованиям синтаксиса» (Mathesius 1941, с. 38).

Можно сказать, что Матезиус в некоторой степени «перерабатывает» наблюдения Франтишека Травничека, утверждая, что главным фактором, влияющим на порядок слов в предложении является актуальное членение. Действительно, то, что Травничек понимал как факторы важности отдельного выражения и ударения, весьма близко концепции Матезиуса. Однако фонетический или ритмический принцип, по мнению Матезиуса, играет в порядке слов лишь второстепенную роль. Несмотря на то, что В. Матезиус не выделяет стилистической функции порядка слов, все его заключения, касающиеся субъективного порядка слов и ритмического принципа, свидетельствуют о том, что он понимал важность стилистического аспекта.

Поскольку порядок слов в предложении определяется не только тем, какие места занимают отдельные выражения, но и тем, возможно ли разделение отдельных членов друг от друга иными членами, то Матезиус был вынужден признать еще один фактор, влияющий на порядок слов – тесная связь между отдельными членами, о которой говорил уже Вацлав Эртл, хотя и этот фактор он оценивает как второстепенный.

В своей статье, вышедшей в 1961 году, Франтишек Травничек прокомментировал некоторые замечания, сделанные ему Матезиусом, а также, в свою очередь, предложил свои собственные – к работе последнего. Так, например, он возражал против обозначения грамматического членения предложения как формального, предлагаемого Вилемом Матезиусом. По мнению Травничека, членение предложения по своему характеру не может быть чисто формальным, поскольку язык представляет собой некую форму, наполненную содержанием (Trávníček 1961, с. 164). Кроме того, на своих примерах он показывает важность ритмического или фонетического принципа в проблематике порядка слов, в частности, о его роли в размещении энклитик.

Не соглашался он с Матезиусом и в вопросе расчлененности предложения на основу и ядро, утверждая, что основа в высказывании присутствует всегда (кроме одночленных предложений, в которых основа и ядро сливаются). Кроме того, он предлагал несколько иное определение понятия «основа высказывания». Определение основы как темы, известной по предыдущему предложению, предложенное Матезиусом, кажется ему слишком суженным, поэтому он разрабатывает собственное, согласно которому основа – это член, связанный с объектом мысли, исходящий из него и открывающий предложение. В целом, по мнению Травничека, Матезиусу не удалось полностью отразить сущность актуального членения предложения (Trávníček 1961, с. 169-170). На наш взгляд Травничек, в свою очередь,

несколько сужает определение основы высказывания, данное Матезиусом, которое в значительной мере приближалось к тому, что предлагает он сам.

Интересен тот факт, что современники Франтишека Травничека, например, Милош Докулил и Франтишек Данеш в вопросах расчлененности высказывания на основу и ядро соглашались с Вилемом Матезиусом: по их мнению, основа высказывания бывает выражена далеко не всегда (Dokulil, Daneš 1958, с. 238).

Подводя итоги деятельности Вилема Матезиуса, необходимо признать его неоспоримую заслугу в том, что он, став основоположником теории актуального членения предложения, заменил психологический подход к исследованию проблематики порядка слов, отражающийся и в терминологии, лингвистическим.

Теорию Матезиуса взяли за основу или отталкивались от нее многие другие лингвисты, исследующие как чешский (Пржемысл Адамец, Гелена Кржижкова и т. д.), так и русский язык (о них мы говорим в предыдущей главе). Особый вклад в ее развитие и углубление принадлежит Яну Фирбасу и Франтишеку Данешу.

Ян Фирбас (1921-2000), выдающийся чешский англист, прежде всего занимался сопоставительным планом порядка слов в английском и в чешском языках. Так, в 1956 г. он предложил термин «коммуникативная динамичность»¹⁴, т. е. шкалу, на которой различные члены предложения занимают свое место в зависимости от своей контекстовой актуальности. При этом наименее динамичные, в некоторых случаях статичные члены предложения входят в состав основы, темы высказывания (Firbas 2010a, с. 67) С данным термином впоследствии работали и другие лингвисты, представители брненской школы, например, ученик Яна Фирбаса **Алеш Свобода** (1941-2010), давший ему новое рабочее определение: «Коммуникативная динамичность – это обобщение и генерализация обратной величины контекстуальной зависимости» (Svoboda 1974, с. 40).

Весьма важным нам представляется наблюдение Фирбаса, касающееся предложений с объективным порядком слов. В своей статье, вышедшей годом позже, он указал, что предложения с растущей линией коммуникативной динамичности, т. е. начинающиеся темой и заканчивающиеся ремой, не всегда одинаковы по своему характеру. В качестве примеров он приводит так называемые «предложения второй инстанции» Болинджера, размещение слов в которых несколько отличается от нормального: *Why did you abruptly back away? x Why did you back away abruptly?* Говорящий формулирует такие предложения с целью выделения определенного слова, становящегося ядром данного высказывания, или создания контраста по сравнению с предыдущим контекстом. (Firbas 2010b, с. 90).

В целом, что касается порядка слов в чешском языке, Фирбас разделяет концепцию

14 В оригинале – «communicative dynamism», «výpovědní dynamičnost».

Матезиуса о главенствующем принципе актуального членения. Порядок слов в эмоционально неокрашенных предложениях он представляет как линию тема – переход (transition) – рема, в то время как в эмоционально окрашенных: рема – переход – тема, где переход – это члены, относящиеся к периферийной части ремы, служащие в качестве «посредника» между темой и ремой (Firbas 1974, с. 13).

Ян Фирбас уделял внимание также семантическому фактору актуального членения предложения, как одному из определяющих данное явление наряду с контекстовым фактором, линейной модификацией и интонацией (для устной речи). Автор различает статическую и динамическую семантику, уделяя наибольшее внимание динамической семантической функции глаголов: презентационной или квалификационной.

В своей работе, посвященной функциональному синтаксису, **Алеш Свобода** классифицирует позиции порядка слов на уровне предложения. Кроме частично интегрированных: преклаузуальной (перед предложением), интерклаузуальной (внутри предложения) и постклаузуальной (после предложения) позиции автор выделяет интегрированные позиции. К ним относятся следующие. Инициальная позиция — первая ударная позиция в предложении. Постинициальная — относительно безударная позиция, следующая после инициальной. Медиальная позиция относительно ударна, находится в середине предложения. Финальная позиция — последняя ударная позиция в предложении. Используя данную классификацию, Свобода формулирует основные тенденции, характерные для чешского порядка слов. Во-первых, постинициальную позицию занимает собственно тема, т. е. единица с наиболее слабой коммуникативной динамичностью. Во-вторых, финальная позиция предназначается для собственно ремы. В-третьих, диатема (то, что В. Матезиус обозначал как центр основы) и транзит располагаются между инициальной и медиальной позицией (Svoboda 1989б с. 33-39). У признаковых, декларативных предложений сильна тенденция к размещению на инициальной позиции собственно ремы. Однако автор подчеркивает, что порядок, при котором рема предшествует теме, не всегда является признаковым, в чешском языке существует и часто употребляется определенный вид предложений (*Rozmyslel jsem si to*), рема и тема которых располагаются на своих непризнаковых позициях (там же, с. 64).

Работы Яна Фирбаса и Алеша Свободы легли в основы брненской концепции актуального членения предложения или, в их терминологии, функциональной перспективы предложения.

Важная роль в исследовании проблематики порядка слов принадлежит **Франтишеку Данешу** (1919).

В своей монографии «*Intonace a věta ve spisovné češtině*», изданной в 1957 г., он

характеризует порядок слов как одно из главных средств реализации смысловой структуры (актуального членения) предложения. Данеш показывает, что основа и ядро высказывания разграничены и интонационно.

В своем реферате о порядке слов в славянских языках, представленном на международном съезде славистов в Москве в 1958 г., он подытожил все существующие концепции и подходы к исследованию данной проблематики. В качестве основного недостатка подобных работ в прошлом он видел выдвижение на первый план вопроса «Какое место предложения занимает подлежащее, сказуемое, глагол и т. д.?» Однако критерий части речи или члена предложения оказался недостаточным. Как указывает автор, проблематика порядка слов, особенно в славянских языках, является не монофункциональной, а проявляется в нескольких планах. Первым (в том числе по иерархии) является план смыслового членения, т. е. при помощи порядка слов осуществляется актуальное членение предложения: слова в предложении размещаются согласно тому, относятся ли они к основе или к ядру высказывания.

Вторым планом, в котором проявляется порядок слов, является грамматический строй предложения, где, однако, он выполняет не синтаксическую функцию, а является сопроводительным элементом синтаксических отношений. Здесь Данеш выделяет три вида синтагм: а) с неизменным, фиксированным, б) с привычным, в) свободным порядком слов. Первые два вида синтагм Данеш называет тесными, их члены должны следовать друг за другом¹⁵. В качестве примера он приводит сочетание существительного с зависимым словом в родительном падеже, в чешском языке такая синтагма отличается фиксированным порядком слов (*přijezd umělců do Prahy*), в то время как в русском языке он свободен (*приезд художников в Прагу/приезд в Прагу художников*). Указанные виды синтагм по-разному подчиняются требованиям актуального членения предложения, синтагмы с фиксированным порядком слов приспособляются им в наименьшей степени, порядок слов в них нельзя менять, а перемещать их можно только совместно (Daneš 1959, с. 1-6). Именно порядок слов в отдельных синтагмах в славянских языках отличается друг от друга.

Третий, ритмический план проявления порядка слов характеризуется размещением ударных слов и энклитик.

Мы считаем особенно важным тот факт, что Данеш обращает внимание и на стилистический характер рассматриваемых текстов, в частности, он различает речь устную и письменную, литературную и разговорную и т. д. (там же, с. 1).

Неоценимым для проблематики порядка слов был труд группы из Института чешского

¹⁵ О подобном явлении – тесной связи между членами предложения, составляющими один оборот – говорил Вацлав Эргл.

языка, руководителем которой также был Франтишек Данеш – «*Větné vzorce v češtině*». В нем представлен подробный анализ, описание и интерпретация 300 наиболее распространенных глагольных предикаторов, разделенных на группы по семантическому и синтаксическому признаку. Предикаторы снабжены характеристикой значения, указаны их потенциальные позиции в предложении, валентный потенциал, часто приведен и характерный для них порядок слов. Петр Сгалл видел существенное значение данной концепции в понимании глагола в качестве центра предложения, партиципранты которого структурированы в плане языкового значения (Sgall a kol. 1986, с. 111).

Франтишек Данеш, таким образом, стал представителем синтаксическо-семантической теории, согласно которой предложение может быть анализировано с соответствующих точек зрения: синтаксической и семантической структуры предложения в их взаимной обусловленности и взаимосвязи.

Теорию актуального членения предложения акцептируют и грамматики чешского языка, выходящие в то время – 60-е гг. XX-го века. Так, в первом издании пособия «*Česká mluvnice*» 1960 г., авторами которого были **Богуслав Гавранек** (1893-1978) и **Алоис Едличка** (1912-2000), был весьма тщательно разработанный раздел о порядке слов. Внимание акцентировалось на роль актуального членения предложения, для которого также использовался термин «контекстовое». Согласно авторам, разделение предложения на основу и ядро определяет отношение говорящего к актуальной ситуации, выраженной в его речи.

Подобной терминологией пользовался и **Владимир Шмилауэр** (1895-1983), автор труда «*Novočeská skladba*», второе издание которого вышло в 1966 г. Он выделял 3 фактора, влияющих на порядок слов в чешском языке: 1) актуальное (контекстовое) членение, в рамках которого выделяется влияние эмоций и ударения, 2) грамматический фактор (грамматический характер члена предложения и тесная связь между некоторыми из них), 3) звуковой фактор (энклитики, ритм, благозвучность). Кроме того, в некоторых случаях на порядок слов влияет традиция (*mše svátá, do slunce západu*) или пример других языков, напр. в номенклатуре, а также «звуковая линия» - поэтическое изменение привычного порядка слов (Šmilauer 1966, с. 64-69).

Примечателен тот факт, что Шмилауэр говорит о существовании нескольких основ и ядер высказывания, соединенных переходными членами. Такой же терминологией он пользуется в своем анализе порядка слов в научной литературе, опубликованном в 1963 г. Главным правилом он считает размещение ядра строго в конце высказывания, поскольку научный стиль, стремящийся к ясности и точности изложения, в письменных проявлениях не обладает возможностью подчеркнуть ядро ударением (Šmilauer 1963, с. 64-69).

В своем труде «*Skladba spisovné češtiny*», изданном в 1965 г., **Ярослав Бауэр** (1924-

1969) и **Мирослав Грепл** (1929) практически не используют термин «порядок слов», заменяя его «организацией функциональной перспективы высказывания»¹⁶. Кроме того, они предлагают еще один термин для обозначения перехода между темой и ремой – транзитивная часть (Bauer, Grepl 1965, с. 109).

Первой монографией, посвященной теории актуального членения, вышедшей в Чехии в книжной форме, стала работа **Петра Сгалла** (1926), **Эвы Гайичовой** (1935) и **Эвы Бураньовой** «*Aktuální členění věty v češtině*», изданная в 1980 г. Данную работу можно назвать кульминацией развития чешской теории актуального членения. Авторы не ограничились разработкой функционально-генеративной концепции, а попытались найти ответы на вопросы, затрагивающие отношения между языковой системой и ее функционированием в процессе коммуникации. В своей работе авторы предлагают ответы на некоторые вопросы, касающиеся теории актуального членения, оставшиеся неотвеченными, предлагают новую трактовку некоторых теоретических проблем (напр. вопрос дихотомии актуального членения), а также разрабатывают методологию изучения актуального членения предложения.

В своей концепции Сгалл и коллектив отталкиваются от матезиусского разделения высказывания на две части: основы и фокуса – «základ» и «ohnisko». Обоим терминам дается определение, основанное на понятии «контекстовой обусловленности»¹⁷, которое авторы понимают более широко, не ограничиваясь лишь вербальным контекстом, а относя его к целой конситуации¹⁸, т. е. ситуации, в которой высказывание возникло (Sgall, Hajičová, Buráňová 1980, с. 31). Авторы считают преимуществом такого подхода тот факт, что он позволяет им работать не только с основным дихотомическим разделением актуального членения, но и с многоуровневым, основанном на коммуникативной динамичности, предложенным Яном Фирбасом. Отличием от брненской концепции является то, что Сгалл и коллектив не определяют понятия актуального членения терминами уровней коммуникативной динамичности. Следующим отличием концепций контекстовой обусловленности, предложенных Сгаллом и Фирбасом, заключается в том, что первый строго придерживается правила, определяющего контекстуально обусловленные элементы как относящиеся к основе, в то время как контекстуально необусловленные элементы – к фокусу. Согласно брненской концепции, к основе могут относиться и контекстуально необусловленные элементы, напр. кулисы. Однако обе концепции сходятся во мнении, характеризующем элементы фокуса (ядра) как контекстуально необусловленные (Sgall, Hajičová, Buráňová 1980, с. 29). Однако авторы оставляют неотвеченным вопрос, касающийся

16 В оригинале «výstavba funkční perspektivy výpovědi».

17 В оригинале «kontextové zapojení».

18 Термин польского исследователя А. Мировича.

признаков, при помощи которых мы можем отличить кулисы от других элементов основы (там же, с. 68).

Необходимость комбинированного подхода к исследованию данной проблематики Сгалл доказывает на примерах разбора отрицательных предложений, одновременно показывая, какие части высказывания затронуты отрицанием, а какие остаются нетронутыми.

Понятие контекстуальной обусловленности авторы связывают с прагматическим понятием иерархии активизированности элементов общего запаса информации, т. е. информации, общей для говорящего и адресата (там же, с. 50). Наиболее активизированным элементом считается тот, который был упомянут в предшествующем контексте. При этом существуют некоторые элементы, активизированность которых носит постоянный характер – это, например, местоимения и наречия «я», «ты», «здесь», «сейчас».

Описывая собственно актуальное членение предложения в чешском языке, авторы уделяют особое внимание коммуникативной динамичности внутри основы и внутри фокуса, поскольку характер ее уровней в них отличается друг от друга (там же, с. 62-63).

Авторы также эмпирически сравнивают функционирование явлений актуального членения в чешском языке с английским.

Сгалл и коллектив также упоминают о грамматическом факторе, влияющем на порядок слов в чешском языке. К его проявлениям они относят энклитический характер местоименных форм, а также нулевую форму номинатива местоимений в 3-ем лице. И в данном вопросе большую роль играет контекстуальная обусловленность, являющаяся необходимым условием использования энклитической формы. Так в предложении *Viděl ho* фокусом является только сказуемое, в то время как подлежащее и дополнение являются контекстуально обусловленными. Следующим проявлением грамматического фактора, влияющим не только на порядок слов, но и на коммуникативную динамичность, является стремление сказуемого в чешском языке занять второе место в предложении даже в тех случаях, когда согласно степени своей коммуникативной динамичности оно должно занимать позицию, приближающуюся к концу предложения (там же, с. 68-69).

Подводя итог, можно сказать, что концепция Сгалла, Гайичовой и Бураньовой, тщательно продуманная и проработанная до деталей, целостно и комплексно объясняет многие явления актуального членения предложения, оставляя, однако, некоторые вопросы для дальнейшего исследования в данной области.

Подробное исследование проблематики порядка слов в чешском языке, опирающееся на теорию актуального членения, содержится и в монографии Людмилы Углиржовой (1940) «**Knížka o slovosledu**», изданной в 1987 г. Книга ориентирована на практическую сторону проблематики, на примерах, являющихся отражением живого современного языка,

Углиржова показывает тенденции, обостряющие коммуникативную функцию языка.

В первой главе автор проводит своеобразную «инвентаризацию» нормы порядка слов в современном языке, а также элементов, проникнувших в нее относительно недавно. Во второй главе Углиржова занимается порядком слов в группе определение – определяемое слово, причем она рассматривает и те случаи, когда первое выражено существительным. Далее автор переходит к порядку слов в целом предложении, демонстрируя высокую степень стабильности глагола в актуальном членении. При этом она не ограничивается только письменной речью, уделяя внимание и речи устной.

Теория актуального членения получает дальнейшую разработку. Так, например, **Эва Бенешова** предлагает расширить классификацию внутри актуального членения, уделяя внимание семантическому фактору. Опираясь на статистические исследования чешского порядка слов, автор составляет основные семантические формулы высказываний, беспризнаковые с точки зрения актуального членения предложения (Benešová 1988, с. 36-37). Необходимо заметить, что семантическому фактору в рамках данной проблематики уделяли внимание многие чешские лингвисты, члены Пражского лингвистического кружка. Кроме того, он был разработан и в трудах представителей брненской школы актуального членения предложения.

Граматики чешского языка, изданные в 80-х и 90-х гг. XX-го века отличаются тщательно разработанными разделами, посвященными проблематике порядка слов и актуального членения. Так, напр. «Mluvnice češtiny», изданная в 1987 г. оперирует с терминами брненской школы актуального членения, такими как коммуникативная динамичность, степень которой определяет семантический порядок слов (Daneš, Hlavsa, Grepl 1987, с. 556). Авторы выделяют предложения с порядком слов основного типа, в рамках которого различают сценические предложения и остальные. Кроме того, они приводят характерные черты порядка слов в современном чешском языке, такие как размещение центра ремы в конце предложения, актуализированное согласованное определение в препозиции, эмоционально неокрашенный субъективный порядок слов (там же, с. 616-619).

Той же терминологией пользуется работа «**Příruční mluvnice češtiny**», вышедшая в 1995 г. Кроме контекстовой обусловленности и коммуникативной динамичности она использует следующий термин брненской школы – диатема – выражения, уровень коммуникативной динамичности которых наиболее высокий в рамках тематической части (Grepl a kol. 2012, с. 635).

«**Akademická gramatika spisovné češtiny**», вышедшая под редакцией **Франтишека Штихи** и коллектива авторов, также уделяет внимание порядку слов с точки зрения актуального членения предложения. Авторы предлагают использовать термин

«фиксированный» порядок слов вместо используемого до этого термина «грамматический» порядок. Данное изменение мотивируется тем, что принципы актуального членения также являются грамматическим явлением (Štícha 2013б с. 555). Предлагается различать порядок относительно фиксированный, т. е. определенный контекстом, данным коммуникативным намерением говорящего, а также абсолютно фиксированный порядок слов, характерный для энклитик, компонентов определения (там же, с. 552-555).

В некоторых случаях в теорию актуального членения пытаются внести некоторые инновации. Так, например, **Эва Гайичова** в статье, посвященной теории оптимальности, описывает процедуру GEN, при которой генерируется множество различных вариантов одного и того же предложения, из которых выбирается оптимальный. Выбор производится при помощи систематизированных критериев, упорядоченных от наиболее слабых до более сильных (Hajičová 2000, с. 161). Автор приводит систему таких ограничительных критериев, из которых самым сильным является совпадение поверхностного и основного порядка слов, за ним следует требование размещения ремы, как самого динамичного члена, в конце предложения. Самым слабым является критерий размещения фразового ударения только на самом динамичном члене ремы (там же, с. 165). Автор подчеркивает, что оптимальный вариант не обязательно будет соответствовать всем критериям. Оптимальным вариантом будет тот, который нарушает самое слабое, незначительное по иерархии требование.

2.4. Статистический подход к изучению проблематики порядка слов

О статистическом методе исследования проблематики порядка слов **Людмила Углиржова** впервые писала в 1967 г., оценивая при этом труды, описывающие такой подход прежде всего к английскому языку. Данный метод она считает весьма полезным, при этом она показывает, что существующие работы затрагивают только отношение порядка слов к синтаксическому плану: позиция одной синтаксической категории относительно другой, ее абсолютная позиция в предложении, а также возможность отделения определенной синтаксической категории от другой. Л. Углиржова проявляет интерес к стилистическому использованию порядка слов, при котором выясняется, в какой степени определенное явление порядка слов характеризует данный стиль, отличая его от остальных. Данный метод она иллюстрирует на примере, выбрав материал из стиля научной литературы, в том числе научно-популярного, и наблюдая в нем за позицией субъекта и предиката. Кроме того, для сравнения был выбран и материал из художественной литературы.

Результаты показали, что в обоих стилях есть совпадающие синтаксические структуры порядка слов (напр. преобладание порядка субъект-предикат в двухчленном предложении), что характерно языку типологически. Стили отличались частотой использования такого типа

структур, а также богатством репертуара. Таким образом, Углиржова приходит к заключению, что порядок слов невозможно использовать в качестве характеристики определенного функционального стиля. Частота использования определенных синтаксических структур может быть определена совокупностью многих других факторов, напр. авторским стилем, темой и т. д. (Uhlířová 1967, с. 66-70).

В своей следующей работе по статистическому подходу к исследованию порядка слов Л. Углиржова квантитативными методами описывает взаимосвязь между синтаксической функцией члена предложения и его положением в нем. При этом она использует подход с трех точек зрения, который использовался авторами, о которых она упоминала ранее, т. е. с точки зрения отдельных позиций в предложении, с точки зрения всей структуры предложения и с синтагматической. При этом Углиржова рассматривает предложения с разным количеством членов. Таким образом, она констатирует, что предложения, содержащие 2 члена, чаще всего начинаются предикатом, в предложениях, состоящих из 3 членов, наиболее распространенный порядок – это субъект-предикат-объект и т. д. (Uhlířová 1969, с. 368-370).

Углиржова также соединяет теорию актуального членения предложения и статистический метод, изучая, например, частоту размещения наречий в составе основы или ядра высказывания в предложениях с разным количеством членов (Uhlířová 1974, с. 213).

2.5. Сравнительное исследование порядка слов в русском и чешском языках

Работ, посвященных сравнительному анализу порядка слов в чешском и русском языках, немного. Первая из них, «**Problémy českého a ruského slovosledu**» Гелены Кржижковой, была опубликована в 1953 г.; следующая, «**K rozdílům mezi českým a ruským slovosledem**», написанная Пршемыслом Адамецем – в 1956 г.; кроме того, глава, посвященная сравнению порядка слов в данных языках, имеется в учебнике «**Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским**», авторами которого являются Гелена Флидрова и Станислав Жажа.

Что касается статьи **Гелены Кржижковой**, необходимо заметить, что это была первая работа, занимающаяся данной проблематикой. Статья концептуализирована следующим образом: автор рассматривает размещение различных членов предложения в разных его частях и оценивает, насколько типично такое размещение для русского и чешского языка. Хотя в статье упоминаются факторы, влияющие на порядок слов (актуальное членение предложения, ритмическая организация предложения, стремление к отличию слов на основе их конкретного значения (Křížková 1953, с. 281), более подробно они не рассматриваются, автор отдает предпочтение анализу порядка слов в чешском и русском языках с точки зрения

синтаксической структуры предложения.

Г. Кржижкова приходит к заключению, что сказуемое в русском языке бывает на первом и на последнем месте в предложении гораздо чаще, чем в чешском; после обстоятельства, находящегося на первом месте в предложении, в русском языке обычно подлежащее находится в препозиции перед сказуемым, в то время как в чешском – наоборот, в остальных случаях для русского языка типична препозиция обстоятельства перед сказуемым, в чешском же языке оно чаще находится в постпозиции после сказуемого; несогласованное определение в русском языке чаще выступает в препозиции перед существительным, чем в чешском, а местоименное определение в постпозиции (Křížková 1953, с. 281-289).

Некоторым недостатком работы Г. Кржижковой мы считаем тот факт, что свои выводы она делает, опираясь на сравнение текстов, отличающихся по стилям. Так, материал ее исследований в русском языке полностью относится к разговорному стилю, при этом часто стилизованному под разговорность искусственно (например, в произведениях Шолохова и Горького). Остается вопросом, насколько верно такие тексты отображают реальную языковую ситуацию и могут ли они служить источником для подобных выводов.

В конечном итоге Г. Кржижкова констатирует, что предложение в русском языке является более динамичным, чем в чешском, логическое ударение в нем зафиксировано в гораздо меньшей степени. Данный факт необходимо помнить прежде всего переводчикам с русского языка на чешский, чтобы в чешском переводе не злоупотреблять средствами динамичности.

Пршемысл Адамец анализирует отличия между порядком слов в русском и чешском языке, прежде всего, с точки зрения влияния основных факторов: актуального членения предложения, принципа смысловой и синтаксической связанности членов предложения, ритмического принципа, уделяя наибольшее внимание первому из них. При этом он подчеркивает, что, в связи с многогранностью данной проблематики, в данной области невозможно установить твердые, обязательные в любой ситуации правила. Адамец старается избегать использования данного термина, он говорит скорее об определенных тенденциях (Adamec 1956, с. 180-181).

Адамец, в сущности, делает некоторые выводы, сходные с заключениями предыдущего автора. В качестве главных отличий порядка слов в русском языке от чешского он называет более частое использование субъективного порядка слов в русском языке, положение ремы в нем менее фиксировано, чем в чешском, а смысловая и синтаксическая связанность отдельных членов предложения проявляется сильнее, в то время как фонетический принцип, наоборот, проявляется слабее, чем в чешском языке.

Работа Гелены Флидровой и Станислава Жажи «Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским» восполняет некоторые пробелы в исследовании данной проблематики, о которых говорил и П. Адамец, прежде всего анализ порядка слов с точки стилистической окраски предложения. При этом внимание уделяется и уже упомянутым факторам (синтаксической структуре предложения, актуальному членению и фонетическому принципу). Со стилистической окраской авторы связывают, прежде всего, использование фразового ударения, которое в русском языке играет более значительную роль, а также использование согласованного определения в постпозиции после существительного (в разговорном стиле или в административном – в преискурантах и инвентарных списках) (Flídrová, Žaža 2005, с. 110-115).

Общий анализ некоторых тенденций в славянских языках предлагает также А. С. Мельничук. Он склоняется к мнению, что различия в особенностях порядка слов в отдельных славянских языках часто имеют лишь количественный и притом временный характер, действующий в некоторые исторические периоды (Мельничук 1958, с. 57-58).

Сравнение русского и чешского порядка слов мы можем найти и в грамматике «*Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy*», где в части, разработанной Романом Мразеком, представлены основные правила порядка слов (1960, с. 320-330), а в главах, написанных Ярославом Бауэром, приведены правила следования предложений в составе сложного предложения в русском языке в сопоставлении с чешским (1960, с. 422-427).

2.6. Заключение

В данной главе мы показали основные методы в изучении проблематики порядка слов в чешском языке. Как мы видим, от значительной переоценки роли грамматического фактора, присутствующей, например, у Вацлава Эртла, исследование в данной области сделало огромные шаги. Вилем Матезиус положил начало новой теории, которую его последователи развивали и уточняли. При этом сам он отводил главенствующую роль в организации порядка слов актуальному членению предложения, оставляя грамматическому принципу вспомогательную функцию.

Как мы видим, чешские лингвисты также не были единодушны при выборе и использовании терминологии. Использовались разные названия для обозначения частей предложения с точки зрения актуального членения, разные обозначения вида порядка слов и т. д., в этом можно найти сходство с исследованием данной проблематики в русском языке. Здесь также наблюдаются похожие тенденции – от поверхностного изучения, использующего эмпирические методы описания некоторых тенденций в существующей норме исследование переходит к более глубоким вопросам. Необходимо заметить, что чешская традиция изучения

проблематики порядка слов тяготеет к гораздо большей теоретичности, чем русская. В русской среде предпринимают серьезные попытки анализа теоретических вопросов В. В. Виноградов и К. Г. Крушельницкая в 50-е гг. XX века, непосредственно после ознакомления с теорией актуального членения предложения В. Матезиуса. Впоследствии изучение данной проблематики переходит скорее в практическое русло.

В наше время каждая лингвистическая концепция, претендующая на консистентность и адекватность, должна считаться с теорией актуального членения. Понятия, введенные В. Матезиусом, получили дальнейшее развитие и были усовершенствованы другими лингвистами (например, Данешом). Кроме того, были введены в пользование новые понятия, такие как «переход» или «транзит» между темой и ремой, коммуникативный динамизм (Фирбас), что позволило лучше объяснить ряд факторов, которые противоречили традиционному представлению дихотомии темы и ремы, не укладываясь в него.

Необходимо подчеркнуть, что интерес лингвистов со временем перемещается от более низкого уровня изучения проблематики к более высоким, работы стали подчеркивать важность семантических и прагматических факторов. Так, например, Франтишек Данеш анализирует синтаксические связи в рамках предложения как средства выражения их семантической основы, описывает взаимосвязь между синтаксисом предложения и его семантическим аспектом.

Целью предпринятого нами обзора различных подходов и концепций, существующих и существовавших в проблематике порядка слов и актуального членения ранее, является стремление учесть в нашей работе разнородные мнения и теории и применить их при анализе конкретного лингвистического материала. В своей работе мы будем стремиться анализировать порядок слов на разных синтаксических уровнях, начиная от наиболее низких — словосочетаний, двигаясь к высшим синтаксическим сегментам — предложению и тексту в целом. Таким образом, мы будем рассматривать не только формальные синтаксические связи между членами предложения, но и будем принимать во внимание семантические отношения между ними, а также между частями предложения и предложениями.

3. Основные закономерности в порядке слов русского и чешского языка

Данная глава посвящена основным правилам порядка слов в книжных стилях чешского и русского языка. Мы будем рассматривать правила словорасположения в данных языках, начиная на наиболее низком синтаксическом уровне — у словосочетаний, а также у предикативной основы, передвигаясь к более высоким уровням, то есть уровню предложения и сложного предложения. При этом мы принимаем во внимание и коммуникативную функцию, опираясь на теорию актуального членения. Поскольку фактор актуального членения и синтаксический фактор оказывают на порядок слов в предложении сильное влияние, часто действуя одновременно, неотделимо друг от друга, мы считаем целесообразным рассматривать данную проблематику комплексно, также не отделяя синтаксическую структуру предложения от его актуального членения. Методический материал взят нами из литературных произведений последних десятилетий, а также из русского или чешского национального корпуса (НКРЯ, ČNK).

3.1. Порядок расположения главных членов предложения

3.1.1. Субъект - предикат

Говоря о расположении **подлежащего и сказуемого** в предложении, все лингвисты соглашаются во мнении, что для русского языка наиболее типичен следующий порядок: подлежащее – сказуемое. Такой порядок часто обозначается как нейтральный и прямой (Flídrová, Žaža 2005, с. 110-111):

Артур молча последовал за ним. Поверхность под ногами дрогнула. (Пелевин)
Кошка шмыгнула. (Толстая) *Мы прожили там четыре года.* (Улицкая).

О. Б. Сиротина отмечает наличие некоторой грамматической и (что она доказывает своим исследованием) статистической закреплённости данной последовательности, однако она подчеркивает, что речь идет именно о норме или закреплённости, но не о «строгой грамматической обусловленности» (Сиротина 1965, с. 96). В вопросе расположения главных членов предложения главную роль играет актуальное членение предложения. Чаще всего субъект и предикат относятся к разным коммуникативным группам. **Субъект препозитивен**, если он является темой, а также, если темой является второстепенный детерминирующий член предложения, а сам субъект входит в его группу (данное правило отличает русский язык от чешского):

В этот день он провел с ней несколько часов. На улице он взял ее под руку. В тот день Анна Федоровна пришла с работы усталой более, чем обычно. (Улицкая).

Соответственно, в тех случаях, когда субъект является ремой, он **постпозитивен**:

Долетели звуки органа. Шумело море. Первым шагал низенький толстяк в белых

*шортах и пестрой майке. (Пелевин). Мимо симеоновского окна **проходили трамваи**. У дверей симеоновской квартиры маялась **Тамара**. (Толстая).*

Отличием русского языка от чешского является тот факт, что в нем относительно частой является **абсолютная препозиция** предиката, особенно в тех случаях, когда он несет логическое ударение, прежде всего в эмоционально окрашенной или разговорной речи, а также ее стилизации:

***Рассказывала Мур** разбросанно, избирательно, сыпала именами и деталями. **Звонил Марек** из своего Йоханнесбурга так часто, как не звонили приятельницы из Свиблова. (Улицкая)*

Кроме того, по нашим наблюдениям, препозиция предиката может быть частично обусловлена порядком слов в языке оригинала, в частности, начальным положением предиката (при этом в чешском языке в подобных предложениях субъект часто отсутствует):

***Пройдет** она с цветком по улицам Парижа... – **Půjde** takto ulicemi Paříže... **Пришла** Тереза вечером следующего дня. – **Přišla** dalšího dne večer. **А было это** нечто важное. – *A bylo to něco moc důležitého. **Звонила** она с вокзала. – **Volala** ti z nádraží.* (Kundera)
***Осмотрели** мы с папой и заводскую виллу. – **Prohlédli** jsme si s otcem tu podnikovou vilu. **Лежим** мы с девчонками из класса у причала на Кампе, болтаем и загораем. – **Ležíte** s holkama ze třídy na navigaci na Kampě, kecáte a opalujete se. (Viewegh)**

Однако, необходимо заметить, что в художественной речи подобное явление наблюдается не слишком часто (Сиротина 1965, с. 98). Мы замечаем, что подобная немотивированная инверсия, часто возникающая при переводах, бросается в глаза. В скобках мы приводим более удачные на наш взгляд варианты порядка слов:

*Решение вернуться в свою alma mater учителем раньше **объяснял я** здравым консерватизмом и сантиментами (раньше я объяснял). – *Rozhodnutí vrátit se na svou alma mater cobu pedagog jsem si dříve vysvětloval zdravým konzervatismem a sentimentem.* (Viewegh) *Что **хотел он** сказать ей своим подношением? (Что он хотел ей сказать своим подношением?) – Co jí chtěl říci svým darem? (Kundera)**

Предикат в русском языке **препозитивен** в том случае, если он находится в предложении, вводящем прямую речь и находящемся после нее или между ее частями:

*- **Курить есть?** - **спросил Поцелуев**. (Толстая) - *Что-то с Сэмом, - **отвечал Артур**. - Садимся, - **сказал Арнольд**. - Ага, - **пробормотал он**, - **сегодня воскресенье**. Значит, танцы будут. (Пелевин)**

Как правило, предикат находится в абсолютной препозиции, однако, если его развивает обстоятельство образа действий, то предикат следует за ним (Bauer, Mrázek, Žaža 1960, с. 322):

- А почему ты ей не сказала «нет»? - **резко вскинулась Катя.** - Она на пять лет меня моложе, - **сухо ответила Анна Федоровна.** (Улицкая) - Эй, - **настойчиво сказал он,** - пора. - Но все-таки жизнь прекрасна, - **с легкой угрозой сказал отец.** (Пелевин)

Тем не менее, если обстоятельство образа действий логически подчеркнуто, то оно может быть и постпозитивно:

- Какая все это глупость... - **прошептала Катя снисходительно.** (Улицкая) - Да, - **наконец сказал он изменившимся голосом.** - И я, - **сознался Артур потрясенно.** (Пелевин)

Перейдем к порядку размещения предиката относительно субъекта в чешском языке. Положение предиката в предложении Л. Углиржова непосредственно связывает с актуальным членением. Предикат, по ее мнению, часто является переходом, «мостом» между тематической и рематической частью предложения, неся высшую степень коммуникативной динамичности, чем все тематические элементы предложения, и низшую, чем все рематические элементы. В другой роли предикат появляется сравнительно реже (Uhlířová 1987, с. 59). Такая стабильность роли в актуальном членении определяет позицию предиката в предложении. Автор выделяет следующие позиции:

1) Предикат находится на втором месте после другого члена предложения, распространенного или нет:

*Několik dní **prožíval** Vlk krizi. Už na sklonku podzimu **mohl** Doktor **zvěstovat** svým přátelům zprávu... Každé odpoledne **exceloval** s Lízinkou na kluzištích. V místnosti **byl** podlouhlý stůl.* (Kohout) *Člověk **touží být nesmrtelný.*** (Kundera)

Данная позиция является основной для чешского языка, и, соответственно, наиболее частой.

Позицию на втором месте в предложении предикат часто сохраняет и в том случае, если в качестве первого члена выступает придаточное предложение:

*Když ho matka poznala, **byla** do otce určitě zamilována. Když na to teď Agnes myslí, **zdá se jí, že se matčin život podobal kruhu.*** (Kundera) *Jak víte, **povídal** dále doktor Vlach...* (Jirotko)

Однако, возможно размещение предиката после первого члена главного предложения, что, как утверждает Л. Углиржова, приводит к актуализации последнего (Uhlířová 1987, с. 59):

*Když se její pohled znovu vrátil k obloze, po otázce už **nebylo ani vidu.*** (Viewegh)

Подобным образом предикат может размещаться и в тех случаях, когда он не является переходом, а входит в состав ремы, таким образом, актуализируясь:

*Ale když Adagio znělo pokojem po osmé, po deváté, moc hudby **se otupila.*** (Kundera)

Mluvnice češtiny обращает внимание и на такие случаи, когда предложение нельзя расчленить на тему и рему, что проявляется в тех случаях, когда в предложениях «не присутствуют кулисы», т. е. в них представлены только предикат и субъект, в некоторых случаях определения, развивающие субъект. Такие предложения, чаще всего появляющиеся в начале повествования и выражающие появление или исчезновение, *Mluvnice češtiny* называет сценическими (Daneš, Hlavsa, Grepl 1987, с. 607). Для них характерен порядок предикат – субъект:

Ozvou se první ranní zprávy. Vešla žena. Přijeli hosté. (Kundera)

2) Предикат следует за всеми элементами темы, создавая так границу между основной и ядром высказывания:

Před vrátnicí skláren na Kvida čekala Jaruška. Teď v létě ji většinou trávil na střeše administrativní budovy. Kvidova matka celou zimu přemýšlela, jak svého muže rozptýlit. (Viewegh)

Особенно часто предикат занимает такую позицию в том случае, когда на «втором месте» предложения располагается какая-либо его грамматическая часть – морфема, т. е. возвратное *si* или *se*, формы глагола *být*:

Spoza rolety se do pokoje dralo měkké žluté slunce. Od toho dne se v ovzduší domácnosti natrvalo usadilo cosi nesnesitelně tísnivého. Příklad pondělí si vrátne svolal na krátkou poradu ředitel podniku. (Viewegh)

3) Предикат находится на первом месте предложения, которое вводит прямую речь, следуя за ней:

„Když jsi dojel přes Alpy do Jugoslávie, dokážeš ujet i kilometr po rovině,“ ujistila ho matka. „Neplet se do věci, kterým nerozumíš,“ zpražila ho matka. „Samozřejmě že není!“ vykřikl se smíchem redaktor. (Viewegh) „Však právě!“ smál se Goethe. (Kundera) „To není tak dlouhá doba, mladá paní,“ řekl muž. (Neff)

Если же предложение, вводящее прямую речь, находится перед ней, в нем сохраняется порядок слов субъект – предикат:

Laura reagovala hlasem téměř bolestného nesouhlasu: „Agnes, ty jsi negativní!“ (Kundera) Langhammer se zaradoval: „To jsme na tom ale moc špatně, že nás musí tahat z louže sám velký „Red“ Romita!“ (Neff)

Однако, если ремой является именно субъект, то он размещается в постпозиции:

Chvíli slyšeli ve sluchátkách jenom šumění poruch. Pak se ozval Zappa: „Dobrá, sestupte do střední sekce.“ (Neff)

В отличие от русского языка, обстоятельство в таких предложениях, вводящих прямую речь, размещается постпозитивно:

„Jak?“ zeptala se Marie-Anne **chladně**. „To jste řekla opravdu moc hezky,“ řekl jí **přívětivě**. (Neff)

4) Предикат может находиться в абсолютной препозиции, при этом член предложения, следующий за ним, менее актуализирован, чем в позиции в начале:

Půjde Agnes takto ulicemi Paříže... (Kundera)

В случае, если предикат является частью ремы, а тем более ее центром, он занимает последнее место в предложении, однако, как соглашаются многие языковеды, такая позиция для предиката является не слишком частой, поскольку, как мы уже упоминали, более частой ролью предиката бывает переход между темой и ремой:

*Laura toho **litovala**. Přijala dobře placené, ale banální místo, kde žádné slávy dojít **nemohla**. Nikdy jsem žádnou ženu toho jména **nepoznal**. (Kundera) Věděl už, co to znamená, ale snažil se zdvořile předstírat, že si ničeho **nevšiml**. Otec ani matka se mnou **nemluví**. (Viewegh) Do podrobností se raději **nepouštěl**. ...manželovi to **přiznat nemohla**. Na Zelený čtvrtek vyšlo najevo, že Lizinka Tachecí talentovou zkoušku na dramatickou konzervatoř **neudělala**. (Kohout)*

При этом наблюдается тенденция, при которой предикат, являющийся частью ремы, занимает позицию в середине предложения, что случается особенно часто, если речь идет об отрицательном предложении:

*Matka... řekla mi, že to tehdy **nebylo** žádný natáčení, ale normální okupace. Babička řekla, že to **nebyla** okupace...*(Viewegh)

3.1.2. Именной и комбинированный предикат

Что касается именного сказуемого, как правило, в русском языке является нормой препозитивное размещение глагола-связки или (полу)связочного глагола:

*Он **был красив**, что правда, то правда. (Белюсова) Взгляд у нее **стал задумчивый**... (Приставкин) Андрею дядя **казался счастливым**. (Дурнов)*

В чешском языке также наиболее распространена постпозиция именной части предиката после глагола-связки или (полу)связочного глагола, причем она может быть отделена от них другими членами предложения:

*Už tehdy **byl** otec **nemocen**. Matka **byla** naopak **zdravá, plna elánu a zdála se předurčena pro dlouhý život**. (Kundera) V duchu mě těší, že **jsem** pro spolužácky **takový oříšek**. Ne že bych tím chtěl za každou cenu něco říct, jenom mi to **připadá zajímavé**. (Viewegh)*

Однако, в русском языке относительно часто встречается препозитивное размещение актуализированной именной части, причем она размещается в препозиции также перед субъектом:

Красивый он был парень, рослый... (Бакланов) *Странный он был человек: сначала безжалостно охотился в Африке на львов...* (Валеева) *Да и красивая она была, в этом и сомнения не было...* (Берсенева) *Восхитительная и неповторимая, о которой он вздыхал все десять классов, но подойти боялся, так как суровой она казалась не в меру.* (Козырева)

Подобное явление встречается и в чешском языке:

Krásné to bylo. Pěkná je.

При этом в препозиции может размещаться не только рематическая, актуализированная именная часть, но и, наоборот, тематическая:

A dozví se jí, až ty budeme připraveni. - Připraveni budeme brzy. (Neff)

Особенные правила действуют при размещении частей именного или комбинированного сказуемого, содержащего модальные предикативы *можно, надо, нужно, нельзя*, а также предикативное прилагательное *должен*. Для них статистически более частой является препозиция перед связочным глаголом и инфинитивом. Причины этого исключения А. В. Исаченко видит в том, что глагол *быть* в таких сказуемых выполняет не только функцию связки, но и показателя времени (Исаченко 1955, с. 62). П. Адамец такой порядок слов для русского языка считает обязательным (Adamec 1956, с. 196). Кроме того, он указывает, что для русского языка более характерно препозитивное размещение прилагательных в краткой форме перед связочным глаголом *быть*. Сиротинина отмечает, что подобный порядок слов в составном именном сказуемом при неvěщественной связке *быть* и *стать* возможен (более того, он возможен только с указанными связками), однако ни в коем случае не является обязательным (Сиротинина 1965, с. 118-121). Часто он является только стилистическим вариантом. Категоричность утверждения П. Адамца можно объяснить специфичностью исследуемой им литературы – в качестве примеров для своего утверждения он приводит только цитаты из «Жизни Клима Самгина» Горького. Необходимо заметить, что подобный порядок слов в именном или комбинированном сказуемом в значительно большей мере характерен для разговорного стиля.

Роман Мразек в пособии «Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy» расширяет список предикативных имен прилагательных и наречий, стоящих в препозиции перед глаголом-связкой *быть*: это, кроме того *готов, намерен, рад; слышно (слышен), видно (виден); пора, охота, недосуг, досуг* (PMRpČ 1960, с. 329):

В общем, ситуация казалась мне абсолютно безнадежной, и временами я готов был волосы на себе рвать. Чтобы подойти к двери, ведущей на веранду, нужно было обогнуть дом. (Белоусова) *Парень готов был расплакаться от столько неудач на его пути.* (В. Быков) *Меня оно волновало, мне нужно было ее спасти...* (Гришковец)

Никаких шагов больше слышно не было. (Пелевин)

Препозиция именной части наблюдается в тех случаях, когда именная часть входит в состав темы или является темой. Это характерно прежде всего для научного стиля, в то время как в художественном возможна препозиция именной части в обратном случае, т. е. когда именная часть является ремой (Сиротинина 1965, с. 114-116). Однако, такое расположение именной части не встречается особенно часто и, тем более, не у всех писателей:

К гибели он давно был готов. (В. Быков) *И вроде все было видно..., и все равно непонятно.* (Гришковец). *Я выбрал второе, и буквально через пять минут полета наткнулся на то, что было нужно.* (Пелевин) *А я был готов поклясться, что это не кто иной, как Енох Агасф.* (Аксенов)

Сиротинина отмечает, что постпозиция глагола-связки при модальных предикативах и слове *должен* более типична для текстов, для которых русский язык является исходным, в то время как для переводной литературы характерна препозиция связочного глагола (Сиротинина 1965, с. 112-113). Данный факт можно частично объяснить влиянием исходного языка.

В одночленных предложениях предикат, выраженный глаголом *быть* чаще располагается после наречия или местоимения:

Ах, если б это было так, то и говорить бы не о чем было. (Астафьев) . *Если нигде будет ночевать — езжай ко мне.* (Грекова)

3.1.3. Сложный глагольный предикат

Для сложного глагольного предиката наиболее типичен порядок слов, при котором препозитивен модальный или фазовый модификатор, а инфинитив находится в постпозиции:

Он не хотел говорить по телефону. (Белоусова) *Чтобы все его органы начали работать, нужна очень сложная программа.* (Улицкая)

Обратный порядок слов встречается в тех случаях, когда инфинитив является собственно данным, а модальный или фазовый модификатор – ремой:

Тогда я капли в рот не брал. Пить начал много позже. (Домбровский)

Г. Кржижкова видит причины препозиции инфинитива прежде всего в несении логического ударения им или же словом, его развивающим (Křížková 1953, с. 283-284). Валгина во всех случаях считает препозицию инфинитива экспрессивной и особенно частой в разговорной речи (Валгина 1978, с. 159). Г. Кржижкова обращает внимание на то, что в русском языке характерно более контактное расположение инфинитива за спрягаемым глаголом, чем в чешском, где между ними могут быть и другие члены предложения (Křížková

1953, с. 284). Можно заметить, что подобная тенденция к контактности в русском языке распространяется и на составной именной предикат.

Инфинитив в сложном глагольном предикате в чешском языке чаще всего находится в постпозиции за модальным глаголом, к которому он относится, при этом его расположение может быть и дистантно:

*A protože se **nechtěla vzdát** bez boje, přešla do útoku. Když jeden utočí, druhý **musí ustupovat**. (Kundera) ...jejichž druhá generace **měla dokonce na oheň, vodu či úder reagovat** usedavým pláčem a nelidským vytím. Už na sklonku podzimu **mohl** Doktor **zvěstovat** svým přátelům zprávu. Na sklonku jara **mohl** Doktor **vyřídít** Investorovi, že obě podmínky jsou přijaty. (Kohout) Najednou se **začal usmívat**. (ČNK) *Potom si vyžádal nůž a pečlivě, téměř něžně **začal stahovat** příslušnou část kůry.* (Viewegh)*

Актуализированный инфинитив, несущий фразовое ударение, может быть и препозитивен, так же как и в русском языке:

***Sejít se musíme** brzy hlavně s vaší slečnou dcerou. **Předejít se** tu **dalo** jen pomocí šifer.* (Kohout) (Сравним это с русским переводом: ***Встретиться** нам **надо** прежде всего с вашей дочерью. **Избежать** ее **удалось** лишь с помощью шифров).*

Кроме того, в обоих языках мы нашли примеры, в которых при препозиции инфинитива фразовое ударение приходится на модальный глагол, который располагается в конце предложения:

*Čto by ty ni dupal o moderním občestve, jednoho ty **otnět** u něho **ne můžeš**: иерархия в нем очевидна. – *At' už si o současný společnosti myslíš cokoliv, jedno jí **upřít nemůžeš**: její hierarchie je přehledná.* (Viewegh) *Oskar se **pelešil** na horách, manželovi to **přiznat nemohla**. Oskar **skryval** se v horách, **podělit** se s mužem **ona ne mohla**.* (Kohout)*

Порядок размещения вспомогательного и полнозначного глаголов подобным образом действует и при размещении частей аналитической формы будущего времени простого глагольного предиката: инфинитив следует за вспомогательным глаголом «быть» в будущем времени:

*Klíma **pozdravil** a **ptal** se, kdy na něho **bude mít** čas. ...**nebude si dělat** hlavu z utkání proti B-tužstvu.* (Viewegh) *Постепенно он **будет становиться** все больше и больше.* (Пелевин)

3.2. Размещение второстепенных членов предложения

Правила размещения второстепенных членов предложения можно сформулировать кратко: «согласуемые члены ставятся перед определяемыми словами, управляемые – после управляющих, примыкающие – перед и после господствующего слова, в зависимости от способа выражения и передаваемого значения» (Валгина 1978, с. 158). Мы будем рассматривать прежде всего правила размещения дополнения и обстоятельства относительно предиката и определения относительно определяемого слова.

3.2.1. Согласованное определение

Основной позицией согласованного определения, выраженного именем прилагательным, некоторыми местоимениями или числительными, является **препозиция** перед определяемым словом. Данное правило действительно как для русского, так и для чешского языка:

Мокрый, струящийся, бьющий ветром в стекла город за беззащитным, незанавешенным, холостяцким окном... (Толстая)

*Ještě ten den odpoledne jsem se vydal na **zasněžený** Petřín: doufal jsem, že tam najdu **nějakou** stopu po **tajemném zeleném** světle.* (Ajvaz)

Под влиянием особых причин согласованное определение может быть размещено в **постпозиции**. Л. Углиржова в качестве таких причин выделяет следующие:

1) актуализация определения, т. е. акцентирование на нем внимания. Такое определение становится интонационным центром предложения, носителем фразового ударения. Суть подобной актуализации чаще всего состоит в противопоставлении нескольких признаков одного и того же определяемого слова в одном предложении или в нескольких, идущих непосредственно друг за другом (Štícha 2013, с. 571):

*Но этот греческий язык был язык **разговорный, не литературный**. Может быть, профессор был настоящим врачом и дал совет **дельный и полезный** с медицинской точки зрения?* (НКРЯ)

*Nejprve ovšem dlouho váhal, zda má ve výcviku použít metody **přinucovací**, jak to v případě tvrdých psů doporučoval Hegendorf – nebo metody **napodobovací**, jak to zase vyhovovalo jeho vlastní povaze.* (Viewegh) *Co je to za nevysvětlitelnou bytost, která dala přednost před každým zaměstnáním **příjemným, výnosným, poctivým**, ba i **čestným** takovému, které mučí a usmrcuje bližní?* (Kohout) *Nesmí být přehlížena skutečnost, že jsem byl okolnostmi přiveden do situací, kdy jsem se musel těžce rozhodovat mezi smyslem pro pravdu na jedné straně a svou přirozenou hrdostí na straně **druhé*** (Jirotko).

Характерен тот факт, что, как и в русском языке, так и в чешском, актуализация определения может быть только интонационной, т. е. оно остается в препозиции, даже являясь носителем фразового ударения. Данное явление особенно распространено в устной речи, где препозиции согласованного определения отдается преимущество, однако эта тенденция распространяется и в книжных стилях:

Поскольку заманчивая Англия отбила аппетит к отечественной науке, она не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу завтрашнего экзамена. Мур с юных лет привыкла укладываться в подогретую постель даже в тех случаях, когда теплый пузырь был не единственным ее ночным спутником. (Улицкая)

„Já vám furt nadávám za minimální autocenzuru, rozčiluju se tu, že si kladete jen minimální omezení – a ono je to vlastně úplně jinak!“ zasmál se jakoby trpce. „Vy si totiž nekladete žádná omezení!“ Dokud byla Něha štěně, velké potíže s ní nebyly. Okousala přirozeně nějakou tu nohu od stolu, pár knih a močila na koberce, ale skutečné problémy s ní nebyly... Je to koneckonců jen reprodukční umění... (Viewegh)

Тот факт, что в русском языке наблюдается подобная тенденция, иллюстрирует перевод приведенных предложений:

Я все время вас журю за минимальную самоцензуру, возмущаюсь, что вы придерживаетесь лишь минимальных ограничений, но на самом-то деле для вас не существует вообще никаких ограничений. Пока Нега была щенком, особых трудностей она не создавала. Естественно, она сгрызла не одну ножку у стола, объела не одну книжку, мочилась на ковер, но серьезных проблем с ней не было. Это немая копия, что не уменьшает ее огромной ценности. В конце концов, это исполнительное творчество...

2) Постпозиция определения дана традицией использования некоторых имен и названий, и, прежде всего, терминологии:

Karel Čtvrtý, Univerzita Karlova, kyselina sírová, chlorid sodný

В подобном размещении определения проявляется влияние латыни.

В русском языке подобные термины также широко распространены:

Петр Великий, ромашка садовая, имя существительное, имя собственное

Отличием русского языка от чешского является препозиция определения в химической и биологической терминологии. Для чешских терминов подобного рода более типична инверсия:

серная кислота/kyselina sírová, углекислый газ/oxid uhličitý, обыкновенный канюк/káně lesní, суматранский тигр/tygr sumaterský

3) Определение экспрессивно окрашено (*panenko skákavá*), при этом в чешском языке

оно может быть не согласованно с определяемым словом в роде: *kluk mizerná*. В русском языке постпозиция определения распространена в различного рода восклицаниях (*Боже правый, Бог ты мой!*), обращениях с притяжательными местоимениями (*Любовь моя. Детка моя. Друг мой.*) и в устоявшихся фразах (*Вечер добрый!*). Можно утверждать, что данное правило распространяется на все стили речи, хотя в разговорной речи доля постпозитивных определений несколько выше. Постпозиция притяжательных местоимений встречается и в чешском языке (*Dítě moje.*).

В русском языке встречается также постпозиция определения, выраженного указательным местоимением *этот*, в современном языке она наблюдается реже, чем в языке более старшего периода, однако все еще довольно часто:

Что же касается твоей истории, то вопрос этот совершенно умозрительный: тебе на минуту показалось, что ты можешь оказаться убийцей... (Улицкая)

3. Выходилова видит мотивацию использования постпозиционного местоимения *этот* в стремлении придать тексту своеобразность, привлечь внимание читателя. Также она объясняет данную тенденцию ритмическим фактором — существительное в препозиции, таким образом, несет ударение (Vychodilová 2008, с. 64). Подобное стремление к оригинальности мы часто видим и в переводах, при этом в языке оригинала постпозиция не наблюдается:

Но вне зависимости от того, сфальсифицировано письмо полностью или наполовину, анекдот этот очаровал всех и стал знаменитым. Они пообещали обеспечить станцию множеством рекламных договоров и, сверх того, организовать во славу ее кампанию с развешанными по всей Франции плакатами.

Сравним с оригиналом:

Ale ať už je dopis podvrh či polopodvrh, anekdota všechny okouzčila a stala se slavnou. Slíbili, že obstarají stanici mnoho reklamních smluv a navíc pro ni zorganizují kampaň s plakáty vyvěšenými po celé Francii. (Kundera)

В чешском языке подобная постпозиция несет архаический характер.

4) К определяемому слову относится не только согласованное, но и несогласованное определение, при этом они являются однородными членами (союзы *a, i, nebo*, или):

není vinou ani její, ani té pasty, že... (Jirotka) *квартира не моя, а моей сестры* (НКРЯ)

Кроме того, в чешском языке можно выделить еще одну причину постпозиции — влияние ритмического аспекта:

Není na světě člověk ten, aby se zvděčil lidem všem. (Němcová)

3.2.1.1. Распространяющее определение

Порядок расположения многочисленных определений в русском и чешском языке практически аналогичен. В случае, если определяемое слово развивает несколько неоднородных определений, первым размещается то из них, которое обладает наибольшим смысловым диапазоном, то есть наиболее широким значением. Контактно располагается определение, наиболее тесно связанное с определяемым словом по смыслу. Порядок таких определений строится следующим образом: сначала располагается определение, выражающее количественный признак, далее следует местоименное указательное определение, за ним – притяжательное, далее – качественное определение. Контактно с определяемым словом располагается определение с различающим, относительным значением (Василишина, Леонова 2004, с. 194):

Это сенсационное сообщение не является беспочвенным слухом, но опирается на некоторые серьезные фактические основания. Этот ваш прогрессивный реформатор Две большие белые лохматые собаки (НКРЯ)
některé cenné zlatnické starožitnosti, těch starých měšťanských domů, při některých příležitostných rodinných schůzkách, nějaká hrozná nakažlivá nemoc (Jirotko). jeho půvabná mateřská přítelkyně (Kundera).

Таким образом, если бы в предложении были употреблены все перечисленные выше типы определений, они были бы расставлены в таком порядке: *nějaká ta jeho cenná zlatnická starožitnost, этот их прогрессивный московский реформатор.*

Актуальное членение влияет на порядок расположения определений таким образом: определение, являющееся данным, известное из предыдущего контекста, располагается контактнo с определяемым словом, в то время как определение, новое с точки зрения контекста, размещается дистанционно:

*Никто ничего от нее не требовал, нежданно-негаданно образовались свои личные два часа, и она теперь прикидывала, на что их потратит... Анна Федоровна с готовностью встала из-за стола, не успев даже посожалеть о **неудавшемся мелком празднике.** (Улицкая)*

3.2.1.2. Распространенное определение

Если к определению относятся второстепенные члены, развивающие его, такое распространенное определение может располагаться как препозитивно, так и постпозитивно:

*Тысячи лет, тысячи дней, тысячи непроницаемых занавесей... не пускают Александру Эрнестовну к ее **затерянному в веках** возлюбленному. (Толстая) ...по ее портретам, **хранящимся в музеях и частных собраниях,** можно было бы изучать*

художественные течения начала века. (Улицкая)

Osoba z povolání, která vykonává na odsouzení soudem vyslovený trest smrti formou, předepsanou zákonem. Ačkoli se s ním seznámili za okolností pro něho krajně nepříznivých... (Kohout) Byly to rozlehlé prázdné sály obložené mramorem. (Ajvaz)

В случае препозиции в чешском языке зависимые слова будут расположены перед определением. В русском языке сохраняется тот же порядок слов, как и при постпозиции — зависимые слова следуют после определения.

«Akademická gramatika spisovné češtiny» упоминает о правиле, на основе которого в препозиции размещается определение с небольшим количеством зависимых слов, в то время как для оборота, в котором задействовано большое количество развивающих членов, более типична постпозиция (Štícha 2013, с. 574). Однако в ней признается, что данное правило неоднозначно и не дает четкой границы. О подобном правиле говорит и Г. Кржижкова, характеризуя его как стремление к симметричной организации предложения (Křížková 1953, с. 288).

Интересен тот факт, что как Углиржова, так и Штиха допускают использование в чешском языке обмыкания, хотя данное явление довольно редко, однако возможно в тех случаях, когда зависимое слово, относящееся к определению, коротко и составляет с ним одно ритмическое целое, напр. *nepřijatelné pro mne rozhodnutí*. Языковеды замечают, что подобный порядок слов имеет ярко выраженный книжный характер (Uhlířová 1987, с. 29), (Štícha 2013, с. 574). Подобную трактовку мы можем найти и в работе «Příruční mluvnice češtiny» (Grepl a kol. 2012, с. 635). В современном языке подобные конструкции несут архаический характер.

3.2.2. Определение, выраженное притяжательным прилагательным

Определения, имеющие значение принадлежности, в чешском языке имеют относительно большую свободу размещения. Могут находиться в препозиции перед определяемым словом или в постпозиции за ним, причем на такое размещение не влияет актуальное членение предложения. Определение, выраженное притяжательным прилагательным, размещается как в препозиции, так и в постпозиции, не будучи при этом актуализированным:

...stala se kočka zkušebním kamenem Lauřiny síly. Řečeno Paulovými slovy... ...říkal Bernardův hlas. X ...mezi jejich hlavami se ozýval důvěrně známý hlas Bernardův. (Kundera)

Определение, выраженное существительным в родительном падеже, обычно постпозитивно:

*Metoda **Laury** je právě opačná. Působení **Paula** v rozhlasové stanici skončilo. Obdivné oči **dcery** mu totiž dávaly to...* (Kundera).

Однако, в разговорной речи довольно часто встречается размещение несогласованного определения и в препозиции перед определяемым словом: *Ady články, sestry sukně* (подробнее о данном явлении — в главе, посвященной разговорному стилю).

В русском языке притяжательные определения не используются так широко, предпочтение отдается именам существительным в родительном падеже: слова *Поля, голос Бернарда* и т. д.

3.2.3. Несогласованное определение

Несогласованное определение в русском и в чешском языке находится в **постпозиции** за определяемым словом:

*Это был отзыв **на диссертацию**. ...неодобрительно смотрела на Анну Федоровну глазами **цвета пустого зеркала**. (Улицкая) ...вон на той фотографии, где у вас такой овал **лица**...* (Толстая)

*Ze škol **s maturitou** tu zbývá jenom střední hudební pro mládež **s vadou zraku**. (Kohout)
Pak je slyšet hlas samotného **Bertranda Bertranda**: mluví o boji **proti smrti**, o boji **za život**. (Kundera).*

Если к одному определяемому слову относится несколько несогласованных определений, то контактно к нему располагается то из них, которое выражено существительным в родительном падеже, далее располагаются остальные, выраженные другими падежными конструкциями: *odjezd **sestry do Paříže***.

Л. Углиржова указывает, что данное правило в некоторых случаях может противоречить требованиям актуального членения, т. е. несогласованное определение в родительном падеже, являющееся более важным с точки зрения сообщения новой информации, часто бывает ошибочно перемещено в конец предложения: *Vyslechněte si komentář k uplynulým devadesáti minutám **trenéra Morávka***. В данном примере более важной и новой является информация о том, что зритель услышит, т. е. комментарий тренера, в то время как информация, содержащаяся в несогласованном определении в дательном падеже, зрителю известна. В таком случае Л. Углиржова предлагает замену несогласованного определения в родительном падеже другим падежом, что не нарушало бы грамматической нормы: *Vyslechněte si komentář k uplynulým devadesáti minutám **od trenéra Morávka*** (Uhlířová 1987, с. 43).

В русском языке наблюдается большая свобода в размещении несогласованных определений: *отъезд в Париж сестры* и *отъезд сестры в Париж*.

Препозиция несогласованного определения встречается только в некоторых устойчивых сочетаниях, таких как *v pravém slova smyslu, добрых дел мастер*.

В русском языке иногда допускается препозиция несогласованного определения, речь идет об индивидуальном авторском стиле:

*Она прибрала **воробьиного цвета** волосы.* (Улицкая)

3.2.4. Определение с нулевым согласованием

Кроме согласованного и несогласованного определения в русском языке иногда выделяется определение с нулевым или невыраженным согласованием. Определение без согласования в русском языке может быть выражено притяжательными местоимениями *его, ее, их*, для которых наиболее типична препозиция, однако, так же как и указательные местоимения, они могут размещаться и в постпозиции:

Голос её непривычно звенел, похоже, она была на грани... (Белоусова) Слова его, как и бурая глина на лице, тоже были маской. (Улицкая)

Определения без согласования, выраженные прилагательными в сравнительной степени, наречиями и инфинитивами, размещаются в постпозиции:

*Он был связан дружбой с **девушкой старше его**... Отсюда возникали его смущение и любопытный **взгляд исподтишка**, с каким он, стараясь быть незамеченным, рассматривал незнакомые ему лица. Здесь — **желание угадать** лик той судьбы, которая вела ее этим путем, попытка понять и оправдать эту судьбу.* (НКРЯ)

3.2.5. Приложение

В русском языке тесное приложение может быть как пост-, так и препозитивно, многое здесь зависит от традиции: *план-конспект, жизнь-подлянка, река Волга, Москва-река*.

Приложение у нарицательных собственных имен существительных чаще всего располагается в постпозиции, особенно в тех случаях, когда связь приложения и существительного, к которому оно относится, настолько сильна, что они образуют единое понятие: *вагон-ресторан, инженер-строитель, мать-одиночка*. В чешском языке для подобных наименований более характерно использование словосочетаний прилагательного и существительного, т. е. согласованного определения: *jídelní vůz, stavební inženýr*.

Приложение у собственного имени существительного, обозначающее должность, звание, профессию, национальность, родственные отношения, чаще размещается в препозиции: *профессор Исаченко, генерал Роцин, биатлонистка Домрачева, француз Венгер, предприниматель Прохоров, docent Vlk, plukovník Novák, sestra Katka, kamarád*

Vladimír: В некоторых случаях возможен также обратный порядок: Дюма-отец, Иван-царевич.

Тесное приложение в чешском языке размещается в постпозиции за определяемым словом, имея отличительное значение: *matka samoživitelka*, *sportovec profesionál*, *město Opava*. Приложение, имеющее оценочное значение, наоборот, находится в препозиции: *nebožtík tatínek*, *chudák ženská* и т. д.

Обособленное приложение наиболее часто размещается постпозитивно:

Марек, хитрая бестия, задал Мур очень удачный вопрос. (Улицкая)

Однако при контактной постпозиции приложение имеет уточняющее значение:

Севастьянов, мой приятель, предположил... (НКРЯ) *Их принес прямо домой чуть ли не секретарь израильского посольства, старинный друг Марека.* (Улицкая)

Před svatbou s Philipem Mountbattenem, pozdějším vévodou z Edinburgu... (ČNK) *Paní Zita, primářka podolské porodnice a dlouholetá přítelkyně babičky Liby, která znala Kvidovu matku od dětství, se trpělivě snažila jejímu rozmaru vyhovět...* (Viewegh)

Как указывает Станислав Жажа, обособленное приложение, стоящее перед тем существительным, к которому оно относится, имеет характер дуплексива (PMRpČ 1960, с. 283):

Шатенка от природы, заика, Норма Джин Бейкер создала ослепительное альтер-эго (НКРЯ).

3.2.6. Дуплексив

В русском языке дуплексив, выраженный прилагательным, числительным или творительным падежом без предлога, располагается по подобным правилам, как и именная часть сказуемого. Таким образом, он располагается после предиката, являясь ремой:

Петин дедушка лежал больной в задней комнате. (Толстая) *Мать его работала официанткой в офицерской столовой на первом этаже...* (Лимонов)

Дуплексив, являющийся темой может быть и препозитивен:

Первым пришел заинтересованный Корабельников. (Д. Быков) *Да я ведь и сам здесь экспедитором работал, меня вся охрана знает.* (Аксенов)

В чешском языке для дуплексива более характерна постпозиция:

Otočil se na patě, odešel a nechal ji samotnou. Právě mě zvolili za starostu. (ČNK)

В препозиции в чешском языке может размещаться субстантивный дуплексив, выраженный сочетанием с *jako*:

Už jako dítě je dychtivě odposlouchával z řeči dospělých. (Kubánek) *Jako vedoucí pracovní bych ti o tom mohl zpívat celé árie.* (ČNK)

Размещение обособленного дуплексива (так называемого французского) относительно

свободно в обоих языках:

Печальный, шел я с бабушкой по дорожкам парка. (Санаев) Разочарованный, он вернулся в Италию. (Отрошенко) А немного погодя он, Главный кригсман, в числе других, опалённых боем, потных, окровавленных солдат встречал в поверженных воротах замка своего Великого курфюрста... (В. Быков) И Александра Эрнестовна, милая Шура, реальная, как мираж, увенчанная деревянными фруктами и картонными цветами, плывет, улыбаясь, по дрожащему переулку за угол... (Толстая)

Spatřil svoji ženu, nahou i žádoucí, jak opět klesá do trávy... (Kohout) Povzbuzovaná podobnými důkazy, domnívala se Kvidova matka – tak jako pochopitelně většina matek – že pod tukovými polštářky jejího syna se ukrývá výjimečný talent. Na okamžik ztuhl, ochromen čímsi nepoznaně silným, ale pak se té síle vymanil... (Viewegh)

3.2.7. Размещение обстоятельств

Размещение обстоятельств, выраженных прежде всего наречиями, относительно предикатов, которые они характеризуют, зависит от их роли в актуальном членении. Если обстоятельство с предикатом входят в одну группу, являясь комплексным целым, они располагаются контактно. Если же обстоятельство выполняет самостоятельную функцию в актуальном членении, является ремой, то оно дистантно и, чаще всего, размещается в конце предложения. Расположение в предложении обстоятельств зависит от нескольких факторов. Кроме коммуникативной роли, это также их вид и морфологическое выражение.

3.2.7.1. Обстоятельства образа действия

Для обстоятельств, выраженных определительными или собственно-характеризующими наречиями (термин Г. Балажа), характерна относительная свобода в расположении, находясь непосредственно у глагольного предиката, они могут быть препозитивны или постпозитивны. Углиржова не находит в таких вариантах значительных различий ни с стилистической точки зрения, ни с точки зрения актуального членения, таким образом, характеризуя позицию собственно-качественных наречий как «орбитальную» относительно глагола (Uhlířová 1987, с. 75). Тем не менее, она допускает, что для постпозицированных наречий в некоторых случаях характерна большая степень коммуникативной динамичности. Основной позицией обстоятельств, выраженных собственно-качественными наречиями, в чешском языке, по ее мнению, является препозиция перед предикатом. Относительно данного утверждения можно полемизировать, так, например, Г. Кржижкова считает в чешском языке наиболее частым порядок слов, при

котором обстоятельство следует за предикатом (при этом подлежащее находится в препозиции перед предикатом) (Křížková 1953, с. 287). Данная тенденция касается как обстоятельств, выраженных наречиями, так и адвербиализировавшейся формой творительного падежа. Мы, в свою очередь, согласимся с заключением Л. Углиржовой, касающимся привязанности позиции обстоятельства к его роли в актуальном членении. Независимо от способа своего выражения препозитивно то обстоятельство образа действия, которое не несет фразового ударения:

*Odebral se k telefonu a **zmučeně** listoval v seznamu. S ním tu byla sekretářka, starší kostnatá žena, která si je **ostře** prohlédla, **znehuceně** odvrátila oči a počala čárat do bloku řadu křížků. ...on s **ustrnutím** spatřil v její tváři zářivý úsměv.* (Kohout)

Обстоятельство образа действия, относящееся к группе ремы, постпозитивно, хотя в данном случае нельзя говорить о строгом правиле, а только о тенденции, поскольку многие приведенные предложения могли быть перефразированы таким образом, чтобы обстоятельства в них были, наоборот, препозитивны:

*Předseda komise, známý herec, sdělil její matce Lucii s **nehranou lítostí**, že se na tom jury usnesla... Ředitel školy, významný pedagog, vyličil matce s **neličeným zármutkem**, že se na tom sbor usnesl... (Kohout) Agnes sbírá všechnu sílu a odpovídá **pevným hlasem**. Prohlašuje proto **velmi hlasitě**, že... Goethe nemůže mluvit **špatně** o svém pánu.* (Kundera)

Определяющим в данном вопросе является стиль автора.

Абсолютно постпозитивны обстоятельства, являющиеся собственно ремой:

*Ticho ho děsilo **víc a víc**. Když stiskla jedno tlačítko... Když stiskla obě **současně**, naskakovala bílá šumící plocha. Jakmile dospěl k přesvědčení, že jedná v souladu se svými zásadami, rozhodoval se vždy **velmi rychle**. Profesor Vlk a docent Šimsa na sebe pohlédli s **neskrývaným vzrušením**.* (Kohout)

Нельзя, однако, согласиться с наблюдением Л. Углиржовой, касающимся позиции таких обстоятельств в русском языке – согласно ее утверждению, наиболее часто встречается постпозиция за предикатом.

Углиржова также выделяет некоторые наречия, которые выполняют не только функцию выражения качества, но, кроме того, могут относиться к целому предложению: *prostě se o tom nevyjádřil, v diskusi jistě vystoupí* и т. д. Такие наречия (*prostě, jasně, určitě, jistě, přirozeně, patrně, absolutně, jednoduše, samozřejmě, skutečně* и т. д.) приобретают модальный, оценочный оттенок, в некоторых случаях экспрессивный, переставая быть зависимыми от позиции предиката.

В предложениях, вводящих прямую речь, наиболее распространена постпозиция обстоятельств при порядке предикат – обстоятельство – субъект:

„A co Karl August,“ vypálí **náhle** Napoleon jméno Goethova vládce. (Kundera)

В русском языке обстоятельства образа действия препозитивны, если выражены наречиями, и постпозитивны, если выражены существительными (в том числе и адвербиализированной формой творительного падежа):

*Он почему-то **весело** засмеялся. Она не успела возразить, как он **решиительно** и **весело** развернул ее карету вместе с ней и ввез в будуар. Мур **кротко** опустила в кресло.* (Улицкая)

*Он... сказал довольно строгим **голосом**. Женщина... смотрела на него **с испугом**. Дети смотрели на него **с таким восхищением**...* (Улицкая)

Это правило, однако, нельзя считать действующим абсолютно:

*Ленька улыбнулся **задумчиво**.* (Лимонов)

*Аля **с интересом** следила за тем, как он проделывает все это.* (Берсенева) *Мы просто будем **с интересом** следить за процессом. Сэм **с умилением** понял, что на ногах у нее были...* (Пелевин) *Аля почти **с ужасом** ждала минуты, когда Андрей выйдет из машины...* (Берсенева).

Тем не менее, мы можем заключить, что обстоятельство, размещенное в препозиции перед глаголом, имеет нейтральный характер, оно семантически подчинено глаголу. Постпозиция обстоятельства делает его более самостоятельным, придает ему особую значимость, поскольку значение, сообщаемое им акцентируется. Ослабление значения наречий, находящихся в препозиции, доказывает и тот факт, что некоторые наречия, потерявшие свое значение признака действия и употребляемые в значении уточнителя действия, т. е. в качестве служебной части речи, частицы (решиительно, просто, прямо), могут выступать так только в препозиции перед предикатом:

*Нет, сегодня нам **решиительно** не дано было завершить стирку.* (Астафьев) *Может быть, тебе это и раньше не нравилось, **просто** начинает не нравиться по-другому. И не **просто** сейчас, а **прямо** сейчас, движется-крутится просто непонятное количество разных молекул.* (Гришковец)

Сравним данные примеры с такими, где данные наречия использованы в своем прямом, качественном значении:

*Полковник помолчал, потом сказал **решиительно**: — Нельзя нам еще один бой сейчас начинать.* (Черкасов) *Свой выбор вице-премьер **объяснил просто**.* (РНК) *Потом они разделились, девушка продолжала идти **прямо**, мужчины ушли в стороны.* (Лукьяненко)

Таким образом, мы видим, что семантическое значение наречия тесно связано с порядком слов. Наречие, находящееся в постпозиции, как правило, не выступает в роли

служебной части речи, а только в своем качественном значении. Препозиция наречия ослабляет его значение.

Независимо от их морфологического выражения, обстоятельства постпозитивны, если они являются ремой:

Молодой милиционер был прооперирован на редкость удачно. Рассказывала Мур разбросанно, избирательно. Елена смотрела на него с ужасом. (Улицкая)

В некоторых случаях обстоятельства, являющиеся ремой, могут быть и абсолютно препозитивны, однако такой порядок слов считается стилистически окрашенным (Сиротинина 1965, с. 64-65):

Легко и свободно он разговаривал с детьми. (Улицкая) *Ужасно это нравится Алексею Петровичу!* (Толстая)

3.2.7.2. Обстоятельства времени и места

Для обстоятельств места характерно относительно свободное размещение в предложении. Для обстоятельств при глаголах, обозначающих положение в пространстве или движение в определенном направлении, а также для обстоятельств, являющихся ремой, более типична постпозиция, причем контактная:

Потом она попала мне на раскаленном бульваре. Со вторым до войны жили в огромной квартире. (Толстая) *Нашелся чайник на холодильнике.* (Санаев)

Seděla v rohovém televizním pokoji proti televizoru... Čeká v pokoji. (Kohout) *Ještě několikrát jsem se vypravil na Petřín. Seděl jsem v poloprázdné Malostranské kavárně u okna.* (Aivaz)

Обстоятельства времени, являющиеся ремой, также постпозитивны:

Он погиб в девятнадцатом году. В первый раз Александра Эрнестовна прошла около меня ранним утром. (Толстая)

Kvidův otec měl letět do Anglie počátkem července. (Viewegh) *Šel jsem tam večer po práci. Ta strašlivá historie začala v šedesátých letech.* (Ajvaz)

Обстоятельства времени и места, являясь темой, часто размещаются в абсолютной препозиции, при этом в чешском языке изменяется порядок следования субъекта и предиката: обстоятельство – предикат – субъект:

V tu chvíli vyšla jeho žena z koupelny. V USA se podílel lynč na celkovém počtu poprav jetě v prvním desetiletí... (Kohout) *Už třetí týden je mladá novomanželka, Bettina rozená Brentano, ubytována se svým chotěm...* (Kundera) *Tři měsíce nato byl Kvidův otec poprvé uveden do bytu na náměstí Pařížské komuny.* (Viewegh)

В русском языке сохраняется прямой порядок слов, продемонстрируем это на

переводах данных предложений:

*В эту минуту его **жена вышла** из ванной. В США **линч входил** в общее количество казней еще в первом десятилетии... Уже третью неделю молодая **жена**, Беттина, урожденная Брентано, **живет** со своим мужем... Спустя три месяца **отец** Кvido **был впервые введен** в квартиру на площади Парижской коммуны.*

На расположение чешских обстоятельств может влиять и ритмический фактор (Seidlová 1982, с. 299), например, некоторые чешские обстоятельства настолько ритмически слабы, что их размещение в конце предложения невозможно:

*Jak jsem se **již** zmínil... (ČNK)*

Обстоятельства причины и цели располагаются подобным образом, т. е., являясь темой, располагаются в препозиции:

*Мой страх передался приятелю. **Со страху** я принял его слова всерьез. (Санаев)
Меньше в этой стране получали только безработные. **Но не за деньгами** бежал за границу Бобан. (Романов)*

*Zřejmě **ve snaze** překonat Lva Tolstého, jehož paměť údajně sahala až na samá práh dětství, zacházel pak Kvido ještě dále. (Viewegh) Nepočítaje spoustu kosů, vidím i blondýnu z prodejny polotovarů, která se cestou na poštu **pro** drobné **mince** zastavila v parku... (Svěrák).*

Обстоятельства причины и цели, являющиеся ремой, чаще постпозитивны:

*У меня даже виски заломило **от напряжения**. (Белоусова). Но дедушка вовремя смылся **за газеткой**. Дедушка пошел ее **утешать**. (Санаев).*

*Jeho obličej se nato svařtil hned dvojím **úsilím**... (Viewegh) Když jsem za ním tenkrát přišla po představení do šatny **pro podpis**... Peggy ještě kopne do stojací lampy a jde **otevřít**. (Svěrák).*

3.2.8. Предикат — объект

3.2.8.1. Прямое и косвенное дополнение

Грамматической нормой является постпозиция прямого дополнения, являющегося ремой:

*Потом она зажгла **свет**. Она прибрала воробьиного цвета **волосы** и накинула старую **кофточку** поверх халата. Она вдохнула с удовольствием **запах** кофе. (Улицкая) Отец рассмеялся и потрепал **мальчика** по голове. Мальчик закричал от страха и поднял **взгляд**. (Пелевин)*

*Lízinka nastavila **tvář**. Když uviděl **Lízinku**, vyvalil **oči** a doširoka otevřel **ústa**. (Kohout)
Klíma opakoval své **argumenty** a ona nevěděla, co odpovídat. Vyrušena ze svých úvah*

uviděla jeho úsměv. (Kundera) Lidé mu vesele nabízeli noviny, lístky na dostihy, vstup do církve a do armády, pětibarevnou zmrzlinu, domy na prodej, masáže, boty a cesty na Filipíny. (Viewegh)

В чешском языке весьма часто встречается препозиция прямого дополнения, являющегося темой, в то время, как предикат входит в рему. В большинстве случаев речь идет об абсолютной препозиции дополнения:

Věšení chtěl pro větší zkušenost přednášet Vlk. Na Zelený čtvrtek vyšlo najevo, že Lizinka Tachecí talentovou zkoušku na dramatickou konzervatoř neudělala. S rodinou se nestýkal, přítel neměl a policie se bál... Pochopila, že je zcela prost vášní, úplatky nepotřebuje a z žen má strach. Jméno předsedy jsem zapomněl. (Kohout) Svého chlapce potkám teprve o rok později. Otec tvrdí, že moje triko použil omylem. (Viewegh)

В русском языке препозиция прямого дополнения в письменной речи довольно редка, применяется она в тех же условиях, как и в чешском языке, т. е. дополнение является темой:

Анна Федоровна лежала немного и решила вставать, тем более что бумажку ту она вчера так и не нашла. Если кофточка была правильно застегнута, значит, чулки она надела кошмарные. Руки она берегла, как певичка горло. (Улицкая) Сигарету он галантнейшим образом ей выдал. (Битов)

Интересен тот факт, что довольно часто чешский порядок слов копируется при переводе, выдвигая в русском языке в препозицию прямое дополнение и там, где возможна постпозиция. Так, вышеприведенные предложения на русском языке выглядят следующим образом:

Повешение собирался вести Влк, имевший большой опыт. На Страстной четверг выяснилось, что вступительный экзамен в театральное училище Лизинка Тачеци провалила. С родственниками он не встречался, друзей не имел, полиции боялся... Фамилию председателя я забыл... И сразу стало все понятно: он совершенно чужд страстей, взятки не берет, а женщин боится. Своего парня я встретила только годом позже. Отец утверждает, что мою майку использовал по ошибке.

В устной речи или в стилизованной разговорной речи препозиция прямого дополнения в русском языке появляется гораздо чаще, нередко являясь показателем отсутствия книжности и, наоборот, признаком непринужденности, диалогичности. При этом довольно часто препозицируется рема:

...и она теперь прикидывала, на что их потратит: книжку ли почитает, которую подарил ей давний пациент, знаменитый философ или филолог, то ли письмо напишет в Израиль задушевной подруге. (Улицкая) Васю подождет? Я тут одну вещь осознал. (Пелевин)

Для чешского языка данная тенденция не типична, так, например, русским переводам с препозицией дополнения отвечает чешский оригинал с постпозицией:

*Sháníš **aut'ák**? – Тачку покупаешь? Sháníš **jesle**? – Место в яслях надо?* (Kohout)

В тех случаях, когда в предложении есть косвенное дополнение или обстоятельство, оно обычно размещается перед прямым после сказуемого, т. е. нормой является дистантное расположение прямого дополнения, что делает его более самостоятельным, а, значит, и более значимым коммуникативно (Сиротинина 1965, с. 39):

*Более того, они боялись причинить друг другу **огорчение**. (Улицкая) Муродали протянул **Юрке руку**, и тот ее пожал. (Геласимов)*

*Doktor Tachecí usmažil své jediné **dceři jediné vajíčko**. ...došla k sejfu a podala **předsedovi desky s nápisem PŘÍSNĚ TAJNÉ**. (Kohout)*

Однако если коммуникативно более значимо косвенное дополнение или обстоятельство, дистантно может быть и оно:

*Осторожно обернув **руку толстой держалкой**, Анна Федоровна грела молоко в маленьком ковшике. ...что Мур вышла замуж на пари и выиграла бриллиантовую **брошь** у знаменитой **подруги**. (Улицкая)*

*Zpražila **dědečka pohledem**. Člověk neriskuje víc, než že si vyčistí **zuby holicím krémem**. (Kundera) Přestože se v životě nepral, byl hotov udeřit **soka mrtvou slepicí**. (Viewegh)*

Для косвенного дополнения действительны подобные правила, как и для прямого. Обычно оно постпозитивно, являясь ремой:

*Мужчина в кепке показал **пальцем** на свои часы и погрозил **толстяку кулаком**. (Пелевин) В прежние времена Мур интересовалась **событиями и людьми** как декорацией собственной жизни... (Улицкая)*

*Zastavěli mi postel metrovou **hradbou krabic**... ...dědeček po babiččině odjezdu naplnil lednici uzenými **jazyky, telecími játry a vepřovými kotletami**... (Viewegh)*

Будучи темой, косвенное дополнение может быть и препозитивно, часто также дистантно:

*Первым **уроком** он был доволен. (Курков)*

*„Mohl bych, prosím, z vašeho okna krátce zamávat své matce?“ **Mávání**... přikládala naše rodina odjakživa velmi hluboký význam. (Viewegh)*

Таким образом, при размещении нескольких дополнений, косвенного или прямого, а также прямого или косвенного дополнения и обстоятельства, главную роль играет

актуальное членение предложение — коммуникативно наиболее значимые члены располагаются в конце предложения.

3.2.8.2. Дополнение, выраженное личным местоимением

П. Адамец в русском языке отводит дополнению, выраженному местоимением, постпозицию за глаголом, к которому данное дополнение относится. Данный порядок особенно характерен в тех случаях, когда глагол не является непосредственной ремой предложения, ее центром (данный случай рассматривают в своей работе и Г. Флидрова и С. Жажа) (Adamec 1956, с. 193-194), (Flídrová, Žaža 2005, с. 111):

Перед отъездом он подарил мне микроскоп. (Улицкая) Марина заметила его еще в первый день. Митя широко раскрыл крылья, повернул их навстречу бьющему в лицо воздуху... (Пелевин)

Если же глагол, к которому данное местоимение относится, является ремой, то для местоимения более типична препозиция:

Никто от нее ничего не требовал... Кто мне их подсунул? Она его ненавидела. Я пять лет учился с ними ладить. (Улицкая)

В чешском языке размещение дополнений, выраженных личными местоимениями, определяет ритмический принцип (см. посвященную ему главу, размещение энклитик). При этом в тех случаях, когда местоимения несут фразовое ударение или размещаются после предлога, они используются в полной форме:

Jenže já to chci slyšet od tebe, jinak tě oddělám místo něho! Mně se to nezdá. Co? Jo promiň, já to neříkám tobě. (Kohout)

Существенным отличием русского языка от чешского является тот факт, что местоимения в нем не энклитичны, т. е. довольно часто находятся в начале предложения, в препозиции относительно предиката (Flídrová, Žaža 2005, с. 111). Данное явление касается как дополнения, выраженного местоимением, так и семантического субъекта. Продемонстрируем это на примерах перевода с чешского языка:

Zdalo se jí, že je v obklíčení dvou mužů, kteří jsou tajně spolčeni... — Ей казалось, что она в окружении двух тайно объединившихся мужчин... (Kundera) Měli ji v divadle rádi. — Ее любили в театре. Lidé tu vesele nabízeli noviny, listky na dostihy... — Ему весело предлагали газеты, билеты на скачки... (Viewegh) Udivovalo mě, že žije sama v bytě s několika velkými místnostmi. — Меня удивляло, что эта девушка живет одна

в большой многокомнатной квартире. *Bylo mi jí trochu líto.* — Мне было немножко жалко ее. (Ajvaz)

3.3. Ритмический принцип в порядке слов

В чешском языке есть случаи, когда порядок размещения компонентов является заранее определенным, фиксированным. Это касается прежде всего размещения энклитик, то есть коротких, безударных слов, присоединяющихся к ударным словам, находящимся перед ними. К энклитикам в чешском языке относятся краткие формы личных местоимений, рефлексивные морфемы *se* и *si*, а также формы вспомогательного глагола *být* (*jsem, bych, byl* и т. д.) Кроме перечисленных постоянных энклитик существуют непостоянные, которые могут выступать и в ударном положении, например, местоимения и наречия *to, tu, tam* или местоимения с предлогом *s ní* и т. д. (Štícha 2013, с. 555). Энклитики располагаются после первого ударного слова. В том случае, если их в высказывании несколько, существует строгий порядок, регламентирующий их расположение: формы глагола *být* — рефлексивные морфемы — краткие формы личных местоимений — остальные энклитики. Местоимения в дательном падеже размещаются перед винительным (там же, с. 567):

Omluvil jsem se mu. Co bych se mu omlouval? Chtěla jsem mu to vrátit. (ČNK)

Более сложная ситуация наблюдается в тех случаях, когда в предложении появляется несколько энклитик, относящихся к разным глаголам. Наиболее часто встречается такой порядок, при котором энклитики разделены одним из глаголов:

Vlk se rozhodl to omezit. (Kohout)

В данном случае обе энклитики находятся в препозиции перед глаголами, к которым они относятся, создавая при этом относительно континуальный ритм. Непрерывность ритма усилилась бы в случае контактного размещения энклитик (там же, с. 569): *Vlk se to rozhodl omezit.* Ритм наименее континуален в том случае, когда в членении предложения отражается его синтаксическая структура: *Vlk se rozhodl omezit to.*

3.4. Расположение служебных частей речи

Предлоги всегда располагаются перед теми именами существительными (или теми частями речи, которые выполняют роль существительного, т. е. субстантивированные прилагательные, причастия, местоимения, числительные), к которым они относятся. Их расположение может быть дистантным — от слова, к которому они относятся, их могут отделять согласующиеся с ним слова: местоимения, числительные, прилагательные и причастия, к которым могут примыкать наречия или управляемые слова: *s zapotевшими*

изнутри стеклами, на припорошенную снегом гору, в его собственное квартире... o předem propočítanou částku, v jeho vlastním bytě, před jedním maldým mužem.

Исключением является предлоги *radi* и *spustя*, которые в некоторых устойчивых сочетаниях (например, *чегo ради, бога ради, десять лет спустя*) могут быть и постпозитивны.

Некоторые частицы всегда препозитивны – они располагаются перед словом, к которому относятся. К таким частицам мы можем отнести: *да, ну, давай, пусть, не, так, zda, ať, ne, nikoli, kdepak* а также усилительные частицы *и, даже, уже, dokonce, až, prostě, ani* и выделительные *именно, только, jen, právě, aspoň*. Другие – *же, ли, -li* – наоборот, всегда постпозитивны.

Однако в авторском стиле возможно нарушение и данного правила. Так, размещение частиц (а, в некоторых случаях, и наречий) в постпозиции типично для стиля Лудвика Вацулика:

Neustlala po sobě ani. Papíry se Josefovi sypou z rukou, nemůže to najít, nechce ani. Při pohledu na toho „idiota“, ale asi jen příliš starého mužského už, snažil jsem se. Navazuju v Ivančicích už.

3.5. Актуальное членение предложения

Актуальное членение предложения является одним из главных факторов, влияющим на порядок слов в предложении в русском и в чешском языке.

Важной отличительной чертой порядка слов в русском языке является относительно слабая фиксированность постановки темы и ремы в предложении. В большинстве случаев рема располагается после темы, однако, довольно часто встречается и обратный порядок ее размещения. Сравнительно часто рема располагается в середине предложения, чаще всего на предпоследнем месте. П. Адамец указывает, что это особенно типично для глагольного сказуемого с детерминирующим членом, в частности, дополнением или обстоятельством (Adamec 1956, с. 182-83):

Всю жизнь, сколько себя помнит, Анна Федоровна заранее готовилась к общению с матерью. (Улицкая)

В связи с этим выделяется дистантный порядок расположения компонентов актуального членения (Крылова, Хавронина 1984, с. 153), при котором элементы темы могут быть разбиты ремой (размещение ремы в середине предложения — порядок тема — рема — тема) или элементы ремы разделяются темой (абсолютная препозиция части ремы, вторая часть которой остается в конце предложения — порядок рема — тема — рема):

Спал он крепко. (Полевой) Смешной он был человек! (Крапивин)

Кроме того, в русском языке в значительно большей мере, чем в чешском проявляется субъективный порядок слов, при котором рема препозитивна:

Ужасно это нравится Алексею Петровичу! Хорошо ему было в его одиночестве... У дома Веры Васильевны он постоял, перекладывая подарки из рук в руки... Кошка шмыгнула. (Толстая)

Для чешского языка наиболее типичен нейтральный порядок слов, при котором рема размещается после темы, продемонстрируем это на примере перевода последних предложений:

Vylo tu dobře o samotě... Přes cestu tu přeběhla kočka.

3.6. Вопросительные предложения

До настоящего момента мы занимались порядком слов в повествовательных предложениях. Порядок слов в вопросительных предложениях может от него существенно отличаться.

В вопросительных предложениях без вопросительных слов, т. е. образованные на основе невопросительных предложений, может сохраняться тот же порядок слов, как и в повествовательном предложении, независимо от того, где находится рема:

Мы знакомы? Ты спишь? Вам нравятся французские фильмы? (Пелевин) *Už si to nemyslíte? Bude to pořádná rána? Slyšíte mne?* (Neff)

В чешском языке при глаголе-связке и субъекте, выраженном существительным, порядок слов в вопросе может нарушаться:

Letenky jsou objednané. Jsou letenky objednané? (Сравним с русским: *Билеты куплены? Билеты куплены.*)

Если вопросительное предложение начинается вопросительным местоимением *кто?* или *что?* (*kdo?* *co?*), порядок слов в нем будет зеркальным отображением порядка слов в ответе (Крылова, Хавронина, 1984, с. 110-111), при этом рема — вопросительное слово — занимает начальную позицию:

Kto přijde? Přijde nana. Kdo přijde? Přijde otec.

В вопросительных предложениях с другими вопросительными местоимениями или наречиями порядок слов в русском языке зависит от выражения субъекта. Если он выражен личным местоимением, то зеркальный порядок слов нарушается:

Когда ты вернешься? Куда он уехал?

Если же субъект выражен существительным, зеркальный порядок слов обычно сохраняется:

Куда идет Олег? Когда едет автобус?

В чешском языке зеркальный порядок слов в вопросах может сохраняться независимо от способа выражения субъекта:

Kdy přijdeš? Kam jde? Kam jde Katka? Kde je kočka?

3.7. Устойчивые выражения

Исследуя особенности порядка слов в русском и чешском языках, мы наблюдаем довольно большое количество устойчивых выражений, клише, следования элементов в которых уже приобрело традиционный характер. Часто они имеют экспрессивный характер: *Чтоб ноги твоей здесь не было!* Некоторые берут свое начало в библии: *ничтоже сумняшеся, k obrazu světu*, другие — в литературе — *не мудрствуя лукаво* (А. С. Пушкин, «Борис Годунов»), *zelený je strom života* (Гете).

3.8. Сложные предложения

В сложносочиненном предложении каждая из частей имеет свое актуальное членение:

В прежние времена Мур / интересовалась событиями и людьми как декорацией собственной жизни и статистами ее пьесы, но с годами все второстепенное / линяло и в центре пустой сцены оставалась / она одна и ее разнообразные желания.

(Улицкая)

Prosinec roku devatenáct set šedesát devět / nebyl nijak zvlášť studený, ale Kvidova matka / přesto všechny víkendy a pochopitelně i vánoční svátky trávil u rodičů v Praze.

(Viewegh)

В сложноподчиненном предложении придаточное предложение находится на том месте, где бы располагался член предложения, который данное придаточное предложение замещает. Большинство лингвистов (Адамец, Ковтунова, Бечка и т. д.) признает многоярусность актуального членения сложноподчиненного предложения, то есть наличие автономного актуального членения в каждом из его компонентов. Придаточное предложение занимает то место, на котором бы располагался тот член предложения, который данное придаточное предложение заменяет. В его рамках мы можем выделить второстепенную тему и рему:

Сама Анна Федоровна / осталась сначала без матери, когда Мур / бросила доктора Шторха по мгновенному вдохновению, выйдя однажды из дому и как бы забыв вернуться. Леночка / еще не оправилась от той любительской кинокамеры, которую он / оставил ей перед отъездом, еще не успела насладиться тем особым ракурсом мира, который / открывается через видоискатель, а новый подарок / уже подгонял ее... (Улицкая)

Kvido / pochopil, že sestra / spěchá. Vilka pod Skřivánkem, kam se po matčině návratu z porodnice rodina / definitivně nastěhovala, připomínala babičce Líba / jeden malý roztomilý dívčí penzion v Lausanne, kde kdysi dávno / několikrát pobývala. (Viewegh)

А. М. Пешковский видит отличие сложноподчиненных предложений от сложносочиненных в их обратимости: в то время как для последних присущи обратимые отношения, то есть возможна взаимная перестановка частей, которая не повлечет за собой изменение смысла высказывания, для сложноподчиненных предложений характерны необратимые отношения (Пешковский 1956, с. 412). С данным утверждением не всегда можно согласиться. В тех случаях, когда в сложносочиненном предложении идет речь о событиях, идущих друг за другом в определенной последовательности, их перестановка искажила бы смысл высказывания:

Мальчик поглядел на папу, недоверчиво пожал плечами и уставился в неровную поверхность своего свежеслепленного шара. Под его взглядом она постепенно разгладилась и даже заблестела. Потом она начала делаться прозрачной, и внутри шара стало заметно движение. (Пелевин)

При перестановке частей последнего предложения (*Потом внутри шара стало заметно движение и она начала делаться прозрачной*) нарушились бы причинно-следственные связи.

Также нельзя согласиться с фактом абсолютной невозможности перестановки частей сложноподчиненного предложения, его необратимостью. Так, в следующих примерах изменение последовательности главной и придаточной части вполне возможно, хотя и за счет нарушения тема-рематического членения и потери в акцентировании:

Он не помнил, как она вышла. Когда он очнулся, была уже ночь. (Быков) (Сравним: Как она вышла, он не помнил. Была уже ночь, когда он очнулся).

4. Порядок слов в текстах разных стилей

В этой главе мы представим обзор специфик и особенностей основных функциональных стилей русского и чешского языка в области порядка слов.

Большинство лингвистов дает понятию «функциональный стиль» определение, сводящееся к тому, что речь идет о разновидности языка, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и выполняющей определенную функцию в общении, располагая при этом определенным набором языковых средств. В то время как в отношении определения функционального стиля в российской стилистической традиции царит относительное согласие, то количество выделяемых функциональных стилей у разных языковедов отличается.

Родоначальник русской практической стилистики Дитмар Эльяшевич Розенталь выделял в русском языке книжные стили, к которым он относил научный, официально-деловой, публицистический и литературно-художественный стиль. Кроме них выделялся разговорный функциональный стиль (Розенталь 1987, с. 22-23).

В настоящее время некоторые лингвисты различают пять функциональных стилей по количеству присущих языку функций: разговорно-обиходный, научный, официально-деловой, газетно-публицистический, художественный (Солганик 2009, с. 87). Другие (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 285) кроме перечисленных выделяют также церковно-религиозный стиль, кроме того, в рамках публицистического выделяется подстиль электронных СМИ, а также рекламный подстиль, статус которого неоднозначен (см. соответствующую главу).

Один из основоположников чешской стилистики, Йозеф Вацлав Бечка, в рамках литературного языка выделял художественный язык и язык научный. Между этими крайними функциональными формами языка стоит практический язык, обеспечивающий потребности каждодневной жизни. Бечка далее разделял его на три группы: официальный язык (*úřední jazyk*), хозяйственный (*hospodářský jazyk*) с особой группой коммерческого языка (*obchodní jazyk*) и язык журналистский (Bečka 1948, с. 22). Автор упоминает также о том, что иногда в функциональную классификацию чешского языка включается и разговорный язык.

В чешской современной стилистической традиции выделяется шесть основных стилей: разговорный, научный, административный, журналистский, риторический, художественный, а также три специфических, вторичных стиля: эссеистический, рекламный и стиль церковной коммуникации (Minářová 2011, с. 6-7). Аналогичные основные функциональные стили выделяют авторы работы «Современная стилистика», в то время как к вторичным они, кроме перечисленных, причисляют стиль менеджмента, политический и эпистолярный стиль (Čechová, Krčmová, Minářová 2008, с. 98-101).

В нашем обзоре мы сосредоточимся прежде всего на стилях, выделяемых в русской традиции, т. е. **художественный, научный, официально-деловой, разговорный, публицистический**, а также некоторые специфические стили: **рекламный и церковно-религиозный**. Риторический стиль, выделяемый в чешской стилистической традиции в числе основных, мы не анализируем. Данный стиль, встречающийся в официальной, устной, часто подготовленной заранее коммуникации, осуществляющейся в атмосфере прямого контакта с реципиентом, далее разделяется на подстили: научную риторику, политическую, судебную, церковную и торжественную (Minářová 2011, с. 127). Порядок слов дискурса перечисленных подстилей будет аналогичным словорасположению в стилях, близких данным разновидностям, т. е. в научном, публицистическом, официально-деловом стиле и т. д.

По аналогичным причинам мы не рассматриваем еще один из вторичных стилей — эссеистический.

4.1. Порядок слов в текстах художественного стиля

Для художественной речи свойственна системная взаимосвязь языковых единиц как составных элементов целого, обусловленная идейно-образным содержанием и реализующая эстетическую функцию. Художественный стиль в широком контексте является предметом исследования не только лингвистики, но и литературоведения. Данный стиль не ограничивается индивидуальным языком конкретного автора или дискурса, а охватывает всю сферу художественной литературы, абстрагируясь от частных особенностей. Однако при исследовании данного стиля субъективный фактор играет важную роль. При этом общие черты художественного дискурса предполагают существование индивидуальных стилей, а не отрицают его (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 397).

Синтаксическая структура художественного стиля и, в частности, его порядок слов довольно переменчивы. В художественном стиле чешского и русского языка смешиваются книжные и разговорные элементы. Порядок слов, свойственный для книжных стилей, уже был рассмотрен нами ранее, в предыдущих главах. Элементы разговорной речи будут подробно описаны в главе, посвященной соответствующему стилю. В нашей работе мы ограничиваемся анализом прозаических произведений, не затрагивая поэзию со всеми присущими ей специфическими чертами. Изменения в порядке слов стихотворной речи часто определены требованиями метрической схемы, а не какими-либо из интересующих нас прежде всего факторов.

Представим лишь некоторые закономерности в изменении порядка слов, типичные для художественного стиля как русского, так и чешского языка.

В художественном стиле часто встречается структура неполных предложений — эллипсис, при этом мы сосредотачиваемся на том виде эллипсиса, который Зденька Выходилова в своей монографии называет текстовым, разделяя на контекстовый и ситуационный (Vychodilová 2011, с. 92):

С мысли сбила! (Толстая) Má to v garsonce jako v klicce: nádobí umytý a uklizený, prach utřenej... Jednoduché a docela útulné. (Viewegh)

Более подробно явление эллипсиса мы рассмотрим в главе, посвященной разговорному стилю, поскольку данное явление типично прежде всего для него.

В художественном стиле обоих языков также часто встречается **парцелляция** предложений:

Утренний скандал, кажется, не состоялся. Или отложился. (Улицкая) Jenomže potom promluví. Nahlas. (Viewegh)

Сам термин «парцелляция» был введен Юрием Вениаминовичем Ванниковым в 1965 г. в его кандидатской диссертации «Явление парцелляции в современном русском языке», представлявшей собой первое серьезное исследование данной проблематики. В своей диссертации, посвященной тому же явлению в чешском языке, Иржи Неквапил определил парцеллированную структуру как «лексически заполненный и морфологически оформленный дериват формулы предложения, или же как формулу предложения, находящиеся в нескольких звуковых (или графических) отрезках, хотя бы первый из которых закрыт конклюдивной каденцией или антикаденцией (или соответствующими графическими средствами) (Nekvapil 1982, с. 20). Исследователь в рамках парцеллированных конструкций выделяет базовый компонент — первую часть данной структуры — и парцеллят, включающий в себя дополнительный центр ремы. К причинам употребления подобных конструкций он относит желание говорящего дополнить свое сообщение, подчеркнуть его или сделать более наглядным (там же, с. 11).

Характерен тот факт, что как эллипсис, так и парцелляция не меняют порядка следования остальных компонентов.

Для выражения экспрессии, столь типичной для художественного стиля, часто используется **инверсия**, т. е. субъективный порядок слов:

Мясца поесть бы неплохо. (Толстая)

Для экспрессивного повествования, усиления динамичности развития событий в русском языке типична абсолютная препозиция сказуемого:

Ловил он, конечно, удавочкой. Сидит она на темных ветвях и кричит так тихо и жалобно... Пойдет человек так вот в лес... (Толстая)

Также в русском языке встречается инверсия именного сказуемого, размещенного

в препозиции перед подлежащим, причем данная препозиция часто бывает абсолютной, однако и размещение в середине предложения вместо его конца создает экспрессивность:

Странное было дело... При этом такие вредные французы эти... (Толстая)

Инверсия встречается и в художественном стиле чешского языка, однако, в несколько меньшей мере, чем в русском:

Všechno jí obětovali. (Kundera)

Большая свобода порядка слов художественного стиля влияет также на расположение отдельных членов предложения.

Говоря о порядке слов, мы не можем оставить без внимания и порядок предложений. Некоторые авторы, например, Милан Кундера, Богумил Грабал, пользуются приемом свободного присоединения предложений без эксплицитного выражения отношений между ними (Jedlička, Formánková, Rejmánková 1970, s. 50). Таким образом, возникают объемные синтаксические целые с большим количеством предложений в них, имитирующие монологическую речь:

Dnes půjdu brzo spát, nevím sice, jestli usnu, ale půjdu brzo spát, Pavel odjel odpoledne do Bratislavy, já zítra ráno letadlem do Brna a dál autobusem, Zdenička zůstane dva dny sama doma, vadit jí to nebude, moc o naši společnost nestojí,... (Kundera)

Противоположной тенденцией является использование коротких сегментированных предложений, имитирующих живую разговорную речь при повествовании:

Сидим играем. Лопаем бананы. Звонок в дверь. Его мама пошла открывать. (Санаев)

Как мы видим, порядок слов в текстах художественного стиля весьма вариабелен, принимает многие черты, прежде всего, разговорного стиля. В нем проявляется индивидуальный авторский стиль, а также художественный замысел.

4.2. Порядок слов в научном стиле

Научный стиль обслуживает «научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме» (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 289). В чешской традиции используется термин *odborný styl*, кроме него также термины *vědecký* и *naučný styl* (Minářová 2011, с. 114).

Для научного стиля свойственен отвлеченно-обобщенный характер речи, которому присуждаются такие черты, как абстрактность, безличность, объективность¹⁹. Для его достижения из структуры предложения исключается личный субъект действия, т. е. предпочтение отдается обобщенно-личным, безличным предложениям и пассивным

¹⁹ Например, у Лариохиной, Н. М. *Вопросы синтаксиса научного стиля речи*. Москва: Русский язык, 1979.

оборотам, а также номинализованным структурам, в частности отглагольным существительным в позиции подлежащего или дополнения, что определяет номинативный характер научной речи (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 294). Вместо авторского «я» используется более скромное авторское «мы».

Для научного стиля с присущей ему логичностью и последовательностью изложения характерно использование **объективного, прямого порядка слов**, а необходимость аргументировать, обосновывать и анализировать ведет к использованию сложных синтаксических конструкций, частому употреблению сложных предложений. Ф. Данеш обращает внимание на то, что текст, в котором тематическая линия развивается продуманным, ясным образом, наиболее понятен для читателя (Daneš 1999, с. 110). Таким образом, чаще всего мы встречаемся с тематической линией, при которой темой нового предложения становится рема предшествующего, т. е. речь идет о тематизации ремы:

Abychom takto získané surové železo přeměnili na ocel dobré jakosti, musíme z něho odstranit škodlivé příměsi, zmenšit obsah uhlíku a přidat speciální legující přísady. Tato operace se provádí v dalších zařízeních.

Существуют и другие виды тематических последовательностей, подробно описанные в работах Данеша (1999, с. 111-118).

Для научного стиля характерно использование сложноподчиненных предложений, в которых значение главного предложения существенно ослаблено, все содержание выражено в придаточном. Главное предложение по значению приближается вводным словам модального значения: я думаю, думается, нужно, считаю, полагаю, отметим, надеюсь, а также различного рода маркерам, указывающим на наличие гипотетичности: можно предположить, мы должны заключить, можно ожидать, и т. д. (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 273, 308). Рема, таким образом, размещается в придаточном предложении.:

Отметим, что ритмико-интонационная схема чередования ударных и безударных звеньев оказывается очень удобной для варьирования в линейном размещении коммуникативно значимых элементов.

Инверсия в научном стиле встречается крайне редко. При необходимости выделить определение логически встречается его постпозиция относительно определяемого слова:

*Předkládaná monografie má ráz **komparativní**. Uvedený výčet nepředstavuje vždy synonyma **terminologická**.*

В русском языке подобная инверсия встречается реже. Постпозиция определения в обоих языках встречается в терминологических названиях: *имя существительное, кошка домашняя, kyselina sírová, káň lesní* и т. д.

Для высказывания в научном стиле характерен конденсированный характер,

обеспечивающий лаконичность и изящность формулировки. Как указывает О. Д. Митрофанова, синтаксическая конденсация, представляя собой применение таких оборотов, которые в других стилях заменяются придаточными предложениями, проявляется в использовании неопределенно- и обобщенно-личных предложений, «опущении субъекта» (Митрофанова 1973, с. 133) а также в номинативном оформлении процесса или действия (Митрофанова 1976, с. 71). Последнее явление проявляется, например, в использовании конструкций с существительными, часто отглагольными, выстроенными в цепи — явление, типичное и для административного стиля:

Рассмотренные средства осложнения простого предложения научной речи являются...

Такая сложносоставность синтаксиса научной речи обеспечивает четкость синтаксических связей и ясность структурной организации даже довольно больших периодов (там же, с. 76).

Упомянем еще об одной особенности порядка слов русского языка. В научной речи, как и вообще в письменной, практически не встречается препозиция **прямого дополнения** (Сиротина 1965, с. 40). В тех редких случаях, когда прямое дополнение препозитивно, препозиция абсолютна, а дополнение входит в группу темы, в то время как предикат относится к реме:

Важное значение здесь приобретает анализ социальной сферы.

В целом порядок слов, как и синтаксическая структура научного стиля, не обладает какими-либо ярко выраженными чертами, которые можно было бы назвать отличительными для данного стиля.

Порядок слов научного стиля, таким образом, помогает обслуживать научную сферу общения, сохраняя при этом объективность и абстрактность, практически совершенно отказываясь от личного.

4.3. Порядок слов в официально-деловом стиле

Официально-деловой стиль обслуживает административную область и деятельность, связанную с ней: письменный обмен информацией в юридической, деловой, организационной сфере и т. д.

Официально-деловая речь русского языка наименее исследована в стилистическом отношении. В чешской стилистической среде данному стилю, обозначаемому термином *administrativní*, также долгое время не было уделено внимание, публикации более раннего периода не включают его в ряды основных функциональных стилей (Minářová 2011, с. 121).

Выделяются значительные различия между ее жанрами: канцелярской речи присуща

большая конкретность и более личный характер выражения, чем языку законодательных актов высших органов государственной власти (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 328). Авторы данной монографии выделяют в официально -деловом стиле четыре подстиля: законодательный, обеспечивающий «координацию деятельности людей в сфере создания нормативных актов»; юрисдикционный, направленный на «координацию деятельности людей в сфере применения законов в практике правоохранительных органов»; административный, обеспечивающий «координацию людей в сфере управления в широком смысле, включая финансовое регулирование, управление собственностью и т. п.», дипломатический стиль, обслуживающий сферу регулирования межгосударственных отношений, выделение которого, однако, признают не все специалисты (там же, с. 329). В рамках данных подстилей выделяется множество жанров: законы, нормативные акты, обвинительные заключения, приговоры, постановления об аресте, допросы, петиции, объяснительные записки, должностные инструкции, контракты, договоры, коммерческие письма, конвенции, пакты, коммюнике и т. д. (там же, с. 329-332).

Официально-деловой речи свойственна безличность выражения, для нее характерен неличный характер, устоявшиеся выражения и конструкции, штампы и шаблоны. Точность, недопустимость инотолкования и оговорок влечет за собой увеличение размера предложения, как простого (при помощи обособленных оборотов, однородных членов, инфинитивных конструкций), так и сложного. Указывается (Солганик 2009, с. 194), что предложение нередко состоит из отрезков, не отделенных друг от друга точками, однако выражающих законченную мысль и оформленных в виде абзаца, т. е. формально входящих в структуру одного предложения. Так оформлена, например, преамбула Всеобщей Декларации прав человека:

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и

принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою

веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства,

Генеральная Ассамблея,

провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Аналогичные правила действуют и в чешском языке:

U vědomí toho, že uznání přirozené důstojnosti a rovných a nezcizitelných práv členů lidské rodiny je základem svobody, spravedlnosti a míru ve světě,

že zneuznání lidských práv a pohrdání jimi vedlo k barbarským činům, urážejícím svědomí lidstva, a že vybudování světa, ve kterém lidé, zbavení strachu a nouze, se budou těšiti svobodě projevu a přesvědčení, bylo prohlášeno za nejvyšší cíl lidu,

že je nutné, aby lidská práva byla chráněna zákonem, nemá-li být člověk donucen uchýlovat se, když vše ostatní selhalo, k odboji proti tyranii a útlaku,

že je nutné podporovat rozvoj přátelských vztahu mezi národy,

že lid Spojených národů zdůraznil v Chartě znovu svou víru v základní lidská práva, v důstojnost a hodnotu lidské osobnosti, v rovná práva mužů i žen a že se rozhodl podporovat sociální pokrok a vytvořit lepší životní podmínky ve větší svobodě,

že členské státy převzaly závazek zajistit ve spolupráci s Organizací spojených národů všeobecné uznávání a zachovávání lidských práv a základních svobod a

že stejné chápání těchto práv a svobod má nesmírný význam pro dokonalé splnění tohoto závazku,

Valné shromáždění

vyhlašuje tuto Všeobecnou deklaraci lidských práv jakožto společný cíl pro všechny národy a všechny státy za tím účelem, aby se každý jednotlivec a každý orgán společnosti, máje tuto deklaraci stále na mysli, snažil vyučováním a výchovou rozšířit úctu k těmto právům a svobodám azajistit postupnými opatřeními vnitrostátními i mezinárodními jejich všeobecné a účinné uznávání a zachovávání jak mezi lidem členských států samých, tak i mezi lidem území, jež jsou pod jejich pravomocí.

Отличительной чертой официально-делового стиля является использование такого порядка слов, при котором несогласованные определения, т. е. существительные в родительном падеже, выстраиваются в цепь, словно нанизываясь друг на друга. Такой порядок слов считается стилистической ошибкой в текстах, например, художественного стиля, однако в официально-деловом он не только не возбраняется, но даже приветствуется, поскольку способствует экономии языковых средств и компактности речи (Солганик 2009, с. 197):

Направляется акт проверки причины протекания полов душевых помещений бытовых заготовительного цеха завода «Прогресс» для принятия конкретных мер по ликвидации дефектов.

Такой порядок слов приемлем и в научном стиле. В чешском языке подобного размещения нескольких несогласованных определений необходимо избегать (Žaža 1956, с. 162).

Поскольку тематика административного дискурса ввиду своей разнородности не привлекла внимания большого количества лингвистов, что можно объяснить использованием в нем относительно однообразных, шаблоноподобных языковых средств, возникают такие юридические и деловые тексты, стилизация которых не отвечает задачам данного дискурса. Нередко текст можно интерпретировать по-разному, что в рамках данного стиля должно быть совершенно недопустимо. Так, Й. Краус приводит пример закона:

Toto nařízení stanoví regulační a sankční opatření ve mzdové oblasti pro subjekt, který je právnickou osobou nebo fyzickou osobou zapsanou v obchodním rejstříku a odměňuje zaměstnance podle zákona... (Kraus 1997, с. 92-93).

Данный порядок слов оставляет свободу для трактовки, к какому субъекту относится оборот *zapsanou v obchodním rejstříku*, к *právnická osoba*, *fyzická osoba* или же к ним обоим одновременно. Такой неоднозначности в юридическом документе необходимо избегать.

Порядок слов в официально-деловом стиле, таким образом, напоминает словорасположение в научном стиле. В нем также предполагается сухое, безличное, точное преподнесение информации, не оставляющее возможности для инотолкования. Проявление субъективности в нем крайне нежелательно.

4.4. Порядок слов в разговорной речи

Разговорный стиль определяется как особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка, общение при этом проходит в неофициальной и непринужденной обстановке, часто в бытовой, обиходной области, речь участников неподготовлена и часто эмоциональна (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 432-433). В современных чешских пособиях термин *hovorový* постепенно начинает заменяться обозначением *běžně dorozumívací* или *prostěsdělovací* (Minářová 2011, с. 107).

Указывается, что специфика разговорной русской речи прежде всего проявляется в синтаксическом плане, в то время как в чешском языке разговорность проявляется скорее в лексическом и морфологическо-фонетическом плане (Flídrová 1992, с. 35).

Отклонения от обычной структуры, неполные предложения, ограниченный набор средств связи — все это наделяет чешскую разговорную речь кажущейся «примитивностью» (Křtsová 1997, с. 166), то же самое можно отнести к русскому языку. На самом деле все перечисленные явления вытекают из специфик данного стиля, в частности из условий непосредственной коммуникации.

В чешской и в русской разговорной речи часто встречается **контекстовый и ситуационный эллипсис**. Встречается мнение, что эллиптичность речи можно характеризовать как синтаксическую дефективность (Mistrík 1985, с. 207). Однако мы, как и многие языковеды, не согласны с таким мнением, эллиптические предложения не дефективны, они являются структурно-неполными.

В разговорной русской речи типичен **эллипсис субъектов, выраженных местоимениями**. При этом неэксплицитное выражение личных местоимений в первом и во втором лице в диалоге можно считать нормативным (Vychodilová 2011, с. 96):

- *Когда придешь?* - *Не знаю.*
- *Что делаешь?* - *Телевизор смотрю.*

В аналогичных примерах в чешском языке речь идет не о эллипсисе, а о нулевой форме местоименного субъекта, присущей норме литературного языка (там же, с. 97):

- *Kdy přijdeš?* - *Nevím.*
- *Co děláš?* - *Dívám se na televizi.*

Для определения субъекта в чешском языке достаточно окончания личной формы глагола, в то время как русский язык использует аналитическо-синтаксический способ выражения грамматической категории лица.

Подобное явление, т. е. эллипсис местоименного субъекта, наблюдается и при использовании форм прошедшего времени:

- *Что делала сегодня?* - *Гуляла в парке.*

В чешском языке лицо сигнализируется при помощи вспомогательного глагола-энклитики *být*:

- *Co jsi dnes dělala? - Procházela jsem se v parku.*

В разговорной речи (и в неформальной письменной речи) данные формы часто используются в сокращенной форме:

Cos dnes dělala? Procházela sem se.

Для русского разговорного стиля типичен эллипсис глагольного предиката. Пропущенный предикат, однако, легко восстанавливается при помощи контекста, ситуации. Так, вопрос, заданный человеку, пишущему письмо: *Это ты маме?* легко может быть «декодирован» как: *Это ты маме пишешь?* В иных случаях восстановление пропущенного фрагмента возможно при помощи словоформы, зависимой от предиката: *Вы в Москву?* (Вы едете, летите, направляетесь, спешите, в Москву?) *Вы о выставке?* (Вы говорите, дискутируете о выставке?) *Это ты Пелевина?* (Это ты читаешь, купил Пелевина?).

Характерно, что для некоторых глаголов эллипсис их дополнения более типичен, чем для других, свою роль здесь играет семантика. Так, без объекта часто используются глаголы с значением «дать» или «получить» что-либо: *занять, вернуть, одолжить, прислать*. Некоторые глаголы при безобъектовом употреблении получают новое значение, например: *употреблять, вкушать, опрокинуть* в значении чрезмерного употребления алкогольных напитков (Чурилова 1969, с. 72-75).

В случае эллиптического употребления предиката наиболее часто встречается эллипсис глаголов движения, глаголов речи, глаголов, обозначающих интенсивную физическую деятельность, эмоциональное воздействие, глаголов со значением *делать, заниматься чем-то, давать, брать* (Vychodilová 2011, с. 108-110).

Что касается эллипсиса предиката в чешском языке, здесь он не слишком распространен. Встречается эллипсис в сложных предикатах, при котором пропускается инфинитив:

Můžu s tebou? Chtěl bys? (Можно восстановить как: *Můžu jít s tebou? Chtěl bys jet?*)

Весьма распространенным явлением для русской разговорной речи является эллипсис правовалентных компонентов, в частности, дополнения, в то время как в чешском языке дополнение должно быть представлено по крайней мере в ослабленном местоименном виде (Vychodilová 2011, с. 99-100):

Вы видели? Ты заметил? Ты помешала?

Viděli jste to? Všiml sis toho? Zamíchala jsi to?

Однако и в разговорном чешском языке возможно использование конструкций с эллипсисом местоименного дополнения:

Vem si. Všiml sis?

В чешской разговорной речи часто нарушается **фонетический принцип** порядка слов, а именно — правило, гласящее, что энклитики должны располагаться на втором месте в предложении, что Л. Углиржова объясняет недостаточной коммуникационной перспективой предложения, т. е. говорящий, произнося первое слово фразы, еще не знает, как она будет продолжаться (Uhlířová 1987, с. 86). В таких случаях энклитика стоит непосредственно перед словом, к которому она относится, иногда даже в постпозиции за ним:

Nechci, aby sousedé se na mě dívali. A najednou objevil se on.

При этом перемещение энклитики следующим образом: *Nechci, aby sousedé na mě se dívali* придает высказыванию архаичную окраску.

Противоположной тенденцией является размещение энклитик в абсолютной препозиции:

Si myslím, že bys tam jít neměla. Ti je dobrý teda... By mohla dělat spíš bachařku než prodavačku. Se omlouvám. Se s tím smiř.

Высказывания такого рода часто экспрессивно окрашены, выражают (часто негативное) эмоциональное расположение говорящего. Что касается последнего из перечисленных примеров, довольно часто употребляемого также в интернет-коммуникации, данное высказывание родом из чешского комикса *Opráski ščeski historje* (оригинальная орфография такова: *Se stim smiř*), преподносящего чешскую историю в ироничной форме. Высказывание приобрело популярность у любителей комикса и получило широкое распространение.

Тот факт, что высказывание разговорного стиля возникает без подготовки, определяет такие черты, как перестройку фразы на ходу, **парцелляцию** и разорванность структуры, сопровождающуюся переборами интонации (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 437). Мысль часто развивается, а фраза, следовательно, строится ассоциативно, отрывисто:

Еду в Питер. На следующей неделе. В командировку.

В рамках непарцеллированного предложения **ассоциативное нанизывание слов**, вызванное непосредственной сменой представлений, которому, по наблюдениям лингвистов, часто подчиняется порядок слов, однако, не безгранично. О. А. Лаптева замечает, что подобный принцип проявляется в пределах ритмически безударных звеньев высказывания (Лаптева 1974, с. 166), т. е. чаще всего ассоциативно размещаются служебные части речи, вводные слова, энклитики:

Не могли бы вы мне, пожалуйста, передать деньги за проезд? Когда хоть вернешься, сказал бы. Отпуск теперь только будет пятнадцатого числа.

В данных примерах элементы, составляющие ритмически безударные звенья, могут

меняться местами, что делает возможными варианты:

Не могли бы вы, пожалуйста, передать мне деньги за проезд? Когда вернешься, хоть сказал бы. Отпуск теперь будет только пятнадцатого числа и т. д.

Г. Флидрова говорит о тенденции русского разговорного стиля к **разрыву словосочетаний** (Flídrová 1992, с. 37). Нередко разрывается сочетание местоимения и определяемого слова:

*Тебе **эти** написать **названия** на бумагу? Они **какие-нибудь** принесут **продукты**. Она в **каком-то** для женщин была **санатории**.*

Для разговорной речи свойствен более свободный порядок слов, чем для книжных стилей, он проявляется в постпозиции или переносе их из придаточного предложения в главное даже таких частей речи, позиция которых четко определена — **союзов и вопросительных слов**:

*Не забыть **чтобы**. Включи, **придешь когда**. А вы **едете kam**? **Dneska přijdeš v kolik**?*

Кроме того, необычную для них позицию могут занимать и различные **частицы** (Flídrová 1992, с. 37), нередко их размещают в конце предложения:

*Он не пришел **даже**. Он мне не нужен **вовсе**. Ты еще не спишь **разве**?*

В целом, разговорному стилю русского языка несомненно свойственно больше специфических закономерностей в области порядка слов, чем чешскому.

Для русской разговорной речи характерна **постпозиция согласованного определения**, выраженного прилагательным или местоимением:

*Давай в магазин **продуктовый** зайдем. Потом нужно будет к маме **моей** заехать. Вы знаете, я когда иду по коридорам **по нашим**, мне кажется, действительно я живу во дворце **каком-то**.*

Несогласованное определение, наоборот, часто располагается в препозиции:

*Она **по универу** подруга.*

Расположение определения, как согласованного, так и несогласованного часто бывает дистантным в постпозиции:

*Ты **блузку** не видела **синюю**? Ты **блузку** не видела **в горошек**?*

Или дистанционным в препозиции:

***Зимний** здесь где **стадион**, не подскажете? **По продажам** она работает **менеджером**.*

П. Адамец считает подобное дистантное расположение рематического определения явлением типично русским (Adamec 1966, с. 45). Причину этого явления он видит в стремлении как можно раньше назвать наиболее значимый, существенный элемент.

В случае использования нескольких определений возможно несколько вариантов их

расположения, часть определений может быть в препозиции, в то время как остальные — в постпозиции:

*Как мне уже надоели **эти** твои жалобы **бесконечные!** Долго еще будешь слушать **эту** музыку **дурацкую?***

Постпозиция согласованного определения встречается и в чешском разговорном стиле:

*Ty kluku **pitomá**... Bylo tam kotě úplně **maličké**.*

Также в некоторых случаях возможна препозиция несогласованного определения:

*To je ze **školy kamarádka**.*

В чешской разговорной речи довольно часто встречается препозиция несогласованного определения, выраженного субстантивами женского рода, а иногда и мужского с окончанием -а в родительном падеже. Такие примеры можно считать региональными, однако они все чаще проявляются даже в неофициальной письменной коммуникации, например, на интернет-форумах: *dcery přítel, kamarádky syn, Jirky výplata*. Также препозиция встречается при использовании в качестве несогласованного определения фамилий: *Pauhofové šaty, Jiříčné realizace, Novotného oblék*.

В разговорном стиле русского языка часто встречается **препозиция прямого дополнения**, что является показателем разговорности, сигнализируя о простоте речи, просторечии. Более того, препозитивное дополнение в разговорной речи приобретает большую значимость, указывается, что постпозитивные дополнения произносятся невнятно, заглазываются (Сиротинина 1965, с. 53), в то время как препозитивные дополнения ясно различимы на слух, фонетически самостоятельны:

***Книжку** читаешь? **Кино** смотришь?*

Подобное размещение дополнений в чешском языке не встречается:

*Čteš si **knižku**? Vidíš **obchod**?*

В русской разговорной речи также возможно **дистантное расположение прямых дополнений**, особенно в препозиции, что часто вызвано использованием обращений, вводных слов, а также обдумыванием и связанной с ним паузой:

***Работу** мне, пап, сдавать надо уже скоро. **Утку**, думаю, печь надо дольше. **Краску**... я вчера в магазине купила.*

Косвенное дополнение в разговорной речи также чаще располагается в препозиции:

***Я без него** совсем не выхожу в последнее время.. В Москву мы с **Сашикой** ездили.*

Данные явления — (дистантная) препозиция прямого и косвенного дополнения можно характеризовать как тенденцию разговорного стиля размещать рему как можно ближе к началу высказывания, т. е. в начале или в середине предложения. Данную тенденцию,

конечно, нельзя считать абсолютным правилом. Интересен, однако, тот факт, как изменяется порядок слов в высказываниях, рема которых располагалась не в начале предложения, при повторах, возникающих при переспросе. Данную тему затрагивает и О. А. Лаптева (1974, с. 169). Говорящий, желая быть понятым лучше, не сохраняет первоначальный порядок слов, часто перемещая рему в начало (подобное явление наблюдается и в чешском языке):

Может быть, хочешь чаю? - Что? - Чаю, может быть, хочешь? Здравствуйте, я звоню по объявлению. - Что? - По объявлению звоню.

„Vojto, slyšíš?“ štípila ho Věrka do nohy. „Ty hořické trubičky jestlis jim dovezl.“ (Svěrák)

Лаптева указывает, что порядок слов при повторе меняется и в том случае, когда при первом произношении высказывания рема находилась на первом месте, т. е. говорящему при повторе свойственно менять порядок слов высказывания в принципе, однако в приведенных ей примерах преобладает именно тенденция размещать рему на первом месте, повторяя плохо расслышанную фразу.

Для разговорного стиля также типично размещение **предиката в абсолютной препозиции** даже в тех случаях, когда он не несет логического ударения (Křížková 1953, с. 282). Данное явление особенно типично для повествования:

Прихожу я вчера домой... Приехали мы туда...

Подобное явление мы наблюдаем и в художественном стиле, например, в сказках и былинах. Также в разговорной речи встречается абсолютная препозиция инфинитива, несущего ударение:

Куришь я не брошу. Отдохнуть мы решили. Одеваться она не умеет.

Подобное препозитивное размещение инфинитива Н. С. Валгина считает признаком экспрессивности, проявлением живой, непринужденной разговорной речи (Валгина 1978, с. 157).

В разговорной речи также часто встречается размещение **обстоятельств** разного рода в препозиции, хотя это и не является правилом. При этом обстоятельство времени часто размещается в препозиции, будучи как темой, так и ремой:

Вчера ходили в магазин. По понедельникам их показывают.

Для обстоятельств образа действия и места также более привычна препозиция вне зависимости от того, являются ли они данным или новым:

Хорошо вчера посидели. Она в Челябинске учится.

Инверсионный порядок слов, при котором рема располагается перед темой, в разговорной речи часто сопровождается эллипсисом подлежащего, являющегося частью темы:

Что ты читаешь? «Азazelь» читаю.

В чешском языке подобный порядок слов недопустим, несмотря на то, что личные местоимения здесь не используются согласно норме:

Čtu si Sapkowského.

В разговорной речи также часто встречается инверсионный порядок слов, который О. А. Крылова и С. А. Хавронина называют **дистантным** (1994, с. 153), т. е. компоненты актуального членения при нем располагаются дистантно. Речь идет о таких случаях, когда элементы ремы разделены темой:

Английский принеси сюда словарь. Симпатичный он был.

В противоположном случае части темы разделены ремой:

Мы в лес ходили. (Ответ на вопрос «Куда вы ходили?»)

В разговорной речи весьма часто встречается **инверсия в вопросительных предложениях**, которые, в отличие от нейтрального порядка слов, начинаются не вопросительным словом, а допускают его постпозиционное размещение:

Обедать когда будем? Тебя кто обидел? Ты вернулся во сколько?

Вопросительные предложения в русской разговорной речи в целом предоставляют весьма широкие возможности для вариантных перестановок. Вопросительное слово может занимать практически любое место в высказывании: *Когда мы будем ужинать? Мы когда будем ужинать? Мы будем когда ужинать? Мы ужинать будем когда?*

Перемещение вопросительного слова в конец предложения допускает и чешский разговорный язык: *Tu tam jedeš kdy? Nejdeme tam proč? To představení začíná v kolik? To ti řekl kdo?*

Для разговорного стиля русского языка свойственно **выражение приблизительности** синтаксическим способом, т. е. при помощи изменения порядка расположения числительного и существительного, к которому оно относится:

лет пять, килограмма три, часа два, часу в шестом, минут через десять.

Для разговорной русской речи характерно частое использование повторов. Л. В. Рыбачева и Л. В. Вахтель выделяют несколько присущих им субъективно-модальных значений (Рыбачева, Вахтель 2006, с. 28):

а) примирение, согласие с неизбежностью:

Ну потерял и потерял, что теперь делать. В пятницу так в пятницу;

б) длительность, интенсивность:

Снег, снег, потом вдруг солнце выглянуло. Мы все выбирали, выбирали, а его потом уже и распродали;

в) неопределенный признак:

Не знаю, чем он там занимается, учится не учится, гуляет не гуляет. Учи не учи, все

равно не сдать.

Подобное значение часто выражается также при помощи разных форм одного слова, в частности инфинитива глагола и личной формы:

Учиться не учится, а по дому ничего не делает. Работать он не работает, так что с деньгами у них плохо.

г) допущение мыслимого объекта:

Кто, кто, а она поступит. Кому, кому, а ему обломится. Вот уж чего, чего, а этого у него не отнять.

В чешской разговорной речи подобные повторы не распространены в такой мере, как в русском. Повторы встречаются в втором из перечисленных значений — интенсивности, длительности или масштаба:

Pořád chodí nové a nové žádosti. Stovky a stovky přítelkyň.

Повторы в значении согласия с неизбежным также возможны, однако для них характерно использование большего количества союзов, чем для русского предложения:

Když úterý, tak úterý.

Для разговорного стиля типично использование конструкций, в которых **два глагола** относятся к одному общему объекту (Müllerová 1994, с. 49):

Vedl jsem telefonický rozhovor sem měl s panem... Приготовила салат нарезала побыстрому.

Кроме того, для разговорного стиля типичны **уточнения**, дополнительное присоединение, конкретизация:

Oni tam tedy v těch odděleních by se tomu měli věnovat. Jde o doporučení čili nařízení. Когда сделаешь, то есть закончишь полностью, тогда сможем.

В целом для разговорного стиля, в частности для спонтанных выступлений, типична ярко выраженная размытость границ между отдельными предложениями. Даже интонационная сигнализация часто не способна определить рубеж между отдельными высказываниями, «идентифицировать предложение» (Müllerová 1994, с. 42).

Как мы видим, порядок слов в разговорном стиле имеет множество специфик и отклонений от нормы книжных стилей. В русском языке он варьируется с большей свободой, чем в чешском, нарушая практически все возможные нормы, смещая даже те части речи, за которыми обычно закреплено строго определенное место. Однако нельзя сказать, что это происходит хаотично. Во всех изменениях порядка слов видна определенная система — члены предложения и части речи перемещаются прежде всего под влиянием актуального членения предложения и логического ударения. Чаще всего то, что наиболее важно, размещается в начале фразы.

Для разговорного стиля в наибольшей степени, чем для всех остальных стилей, свойственно акцептирование контекста, приспособление реальной актуальной коммуникативной ситуации, что проявляется, например, в ассоциативном нанизывании слов, в повторах и т. д. Порядок слов в разговорной речи наиболее субъективен.

4.5. Порядок слов в публицистическом стиле

Как чешские, так и русские лингвисты выделяют в публицистическом стиле, обслуживающем сферу массовой информации, информационную и воздействующую функции, соотношение которых придает текстам публицистического стиля их специфический характер. Большое количество жанров данного стиля (статья, фельетон, заметка, репортаж, интервью, очерк и т. д.) также определяет разнообразие языковых средств, используемых в нем, поскольку окрашенность текста личными эмоциями пишущего, выбор лексики и синтаксический строй в них разительно отличаются.

Для публицистического стиля последних нескольких десятилетий характерна экспансия разговорной речи, помогающей преодолеть книжность, официозность и обезличенность газетного языка прошлого, а также придать тексту экспрессию, выражение оценки. Однако лингвисты (Солганик 2003) предостерегают перед чрезмерным насыщением текста разговорными средствами и конструкциями, что может снизить публицистический стиль до уровня бытового разговора и, тем самым, нивелировать серьезность описываемого. Качественные издания подвержены данной тенденции в меньшей степени, однако даже они не способны сопротивляться ей.

По своей природе публицистический стиль тесно соприкасается с художественным, а также с разговорным стилем. Появление в газетах значительного количества разговорных конструкций стало отличительной чертой публицистики последних десятилетий.

Как замечает К. А. Рогова, важной синтаксической чертой современной публицистики является тенденция к сокращению использования сложносочиненных предложений, в то время как «объединение семантически разноплановых предложений в рамках сложносочиненной модели» типично для классической прозы с присущей ей связностью (Рогова 1975, с. 20). Наиболее часто парцелляция сложносочиненного предложения наблюдается при союзе *но*, а также у союзов *а*, *и*:

*Туроператоры практически прекратили предлагать поездки в Египет. **Но** много путевок было продано заранее, еще до заявления МИДа.*

До конца года единую службу спасения планируют сделать в девяти регионах и крупных городах. А до 2017 года – полностью перевести все службы экстренной помощи на новый порядок работы.

В дивизию «Галичина» набирали только добровольцев. И на 13 с небольшим тысяч мест было подано свыше 82 тысяч заявлений.

Доля рациональности в нас все же есть. Но ею тоже могут манипулировать профессиональные продавцы²⁰.

Аналогичное явление в какой-то мере наблюдается и в чешской публицистике:

Lékárna se takto rozhodla svést bitvu o zákazníky. A zdaleka není jediná.

Určitou část z nich někdo dokonce vozí do sběrný. A dost na tom vydělává.

Причину данной тенденции Рогова видит в проявлении принципа актуального членения предложения, аргументируя тем, что актуальное членение сложного предложения выражено менее четко, чем простого, что объясняется большим количеством факторов (синтаксических, стилистических, семантических и других), влияющих на него (Рогова 1975, с. 21). Именно четко выраженное актуальное членение предложения является важной чертой публицистического текста, поскольку коммуникативная задача последнего требует выделения ремы, что связано с воздействующей функцией данного типа текста и, в частности, с наличием реального или предполагаемого собеседника.

Для публицистического стиля также типично использование **инверсии**, т. е. **субъективного порядка слов**, при котором рема, являясь носителем экспрессивного ударения, располагается перед темой и, таким образом, может выражать эмоциональную окрашенность текста:

Не понимают они вас. Похоже, вы за Собянина голосовать будете... Ta matka ji záměrně dopuje?

Данное явление также наиболее типично для простых предложений. По нашим наблюдениям, особенно часто субъективный порядок слов употребляется в жанре интервью, отражая особенности разговорного стиля. Однако субъективный порядок слов в публицистическом стиле далеко не всегда мотивирован эмоцией. Довольно часто он употребляется в начальных предложениях газетных статей, в телевизионном и радиовещании. Член, перемещенный в начало предложения и являющийся его ремой, также является темой всей новости, его размещение именно в начале сообщения мотивировано стилистически, стремлением поместить акцент на самой важной информации при максимальной краткости и экономии времени. В газетах он бывает напечатан более жирным шрифтом, чем следующая часть предложения. В конце первого предложения новости представлен компонент, выполняющий роль темы и несущий специфическую черту: обозначение времени и пространства, т. е. включающий в себя конкретные обстоятельства

²⁰ Примеры взяты из газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Взгляд», Hospodářské noviny, Lidové noviny, Mladá fronta dnes, Právo.

времени и места:

Новые правила проверки на состояние алкогольного опьянения ждут водителей. Усыновить детей решила директор школы в деревне Сенное Брянской области, чтобы спасти школу от закрытия. Более 40 сценариев было представлено на Первом всероссийском открытом конкурсе «Кинопризыв». Традиция полуденного пушечного залпа введена в Новороссийске. Праздничный салют из 30 залпов в честь Дня Победы начался в Москве.

Téměř dvě miliardy letáků ročně roznáší největší firma v oboru Česká distribuční. Venkovní světelné instalace, projekce na historické budovy i noční plavby za světlem po Vltavě nabídne první festival světla v Praze. Dálnice D11 povede Královéhradeckým krajem. Čtyři mrtvé si vyžádala tragická srážka aut na Chomutovsku. Čtrnáctiletý trest udělil soud za údajné upálení manželky.

Интересен тот факт, что субъективный порядок слов в газетных новостях характерен только для первого предложения. Всем остальным предложениям будет присущ объективный порядок слов, их темы будут продолжать рему первого предложения, конкретизировать ее, дополнять и развивать. Можно утверждать, что в новости степень важности информации градируется от наиболее к наименее важной. Й. В. Бечка, характеризуя порядок слов в «журналистском предложении», указывает, что размещение ремы предложений на первом месте в других случаях, кроме первого предложения или названия статьи, нельзя считать приемлемым для чешского языка (Bečka 1973, с. 118).

Рогова также считает отличительной чертой публицистического текста (или, по крайней мере, индивидуального стиля некоторых авторов) **сегментацию** – «выделение (синтаксическое, интонационное) части высказывания» (Рогова 1975, с. 53). Наиболее часто встречается конструкция с именительным темы, отделенным от основного высказывания:

Иномарки – с ними отдельная история. Импортные пошлины. Далеко не все они были снижены.

Подобные конструкции сигнализируют о переходе к новой теме или к следующему пункту, вопросу главной темы.

Для чешского языка подобное явление не слишком типично, сегментация проявляется только в заголовках:

Partáci, dárky nebo setkání s ministrem. Začal nový školní rok. Advokát Němec: poslanec, Sobotkův podřízený i podezřelý místostarosta.

Для публицистического стиля весьма типично размещение **детерминанта**, часто выраженного обстоятельством места или времени, в начале предложения. Для размещения

обстоятельства места не существует твердого правила, входя в одну коммуникативную группу с предикатом, оно может располагаться в препозиции или в постпозиции, однако для публицистического стиля более типично препозиция:

В Йемене совершено покушение на премьер-министра. В Санкт-Петербурге раскрыта старая схема обналичивания денежных средств. Вчера апелляционная инстанция Мосгорсуда рассмотрела жалобу адвокатов Александра Милушкина.

V neděli dopoledne zasahovali policisté v obci Chotusice na Kutnohorsku. V Ostravě-Porubě od úterního odpoledne hořel seník s třemi tisíci balíky slámy.

Особенно часто данная тенденция проявляется в начальных предложениях.

Что касается элементов книжных стилей, в публицистике русского языка наблюдается тенденция к размещению **деепричастных оборотов**, несущих интонационное ударение, между подлежащим и сказуемым, что, как указывает Рогова, подчеркивает «коммуникативное напряжение внутри высказывания» (Рогова 1975, с. 65). Подобное размещение не является правилом, мы можем говорить только о тенденции:

*Столкновения и беспорядки, **начавшись в столице**, быстро распространяются на другие города и районы Египта. О том, как существующее в России налогообложение нефтегазового комплекса, **выполняя сиюминутные фискальные задачи**, вынуждает компании оставлять в недрах большую часть нефти, рассказала Наталья Иванова, академик и первый заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.*

Следующим элементом книжного стиля является **обмыкание**, т. е. интерпозиционный порядок слов, при котором между определяемым словом и определением находятся слова, зависимые от определяемого слова, довольно часто встречающееся в разных жанрах публицистики:

*Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сообщил, что в нем, в частности, примет участие **курующий отрасль вице-премьер** Дмитрий Рогозин. Вместе со "Звездой" консорциуму может достаться еще несколько **входящих в него предприятий**. Возникающая при смене **НПФ ситуация** в законопроекте описана не до конца.*

П. Адамец также указывает на другой тип обмыкания, присущий для несогласованного определения (Adamec 1966, с. 47), т. е. распространяющий член размещается между определяемым существительным и несогласованным определением в родительном падеже:

Первые шаги по созданию в России собственной расчетной системы Visa намечены уже к концу весны.

Подобный порядок слов в чешском языке неприемлем. Использование обмыкания в русском языке типично прежде всего для «книжных» стилей, т. е. для научного, публицистического и административного, однако, по нашим наблюдениям, может появляться и в разговорном стиле, прежде всего, в письменной неформальной коммуникации.

В публицистическом стиле чешского языка встречаются **определяющие обороты с зависимыми словами** в препозиции перед определяемым словом:

Ve squaterní obsazeném vybydleném domě na Pohořelci má sídlo sto firem. Pro tyto země nová nabídka oslovila hodně lidí. Kde jinde se sejde takové množství zástupců firem v dlouho dopředu domluveném termínu a na předem vymezené ploše?

Следующим элементом книжного стиля, присущим публицистике, является нанизывание несогласованных определений, т. е. существительных часто в родительном падеже, выстраивание цепей из них:

Aktuální se jeví chodníková novela a následně otázka řešení zrušení vyhlášky odklizení sněhu u soukromých domů.

Говоря об официально-деловом стиле, мы указывали, что подобного «скопления» несогласованных определений необходимо избегать, однако в чешской журналистике, особенно в ее политической сфере, подобные конструкции встречается нередко. Как объясняет Е. Минаржова (Minářová 2011, с. 229), такие конструкции вызваны насыщенностью высказывания уточняющей информацией, часто они выстраиваются в цепь после слов *problematika*, *problém*, *otázka*. В русском публицистическом стиле они широко используются:

Более того, эксперты организации уже потребовали от правительства Испании как можно скорее взяться за проведения расследования убийств, пыток и исчезновений противников режима Франциско Франко.

Как указывает Л. Углиржова, в публицистическом стиле нередко встречается явление, при котором **тематическая часть высказывания значительно больше** и, зачастую, информативнее, чем рематическая часть. Важная часть информационного содержания перемещается в тему, в то время как в реме остается общая, неконкретная информация (Uhlířová 1985, с. 285). Таким образом, в высказывании сохраняется объективный порядок слов, что помогает высказыванию сохранять деловой, информативный характер. Размер темы также обусловлен ее синтаксической развитостью:

Программа предоставления материнского капитала семьям, в которых появился второй или последующие дети, по действующему закону рассчитана до конца 2016 г. 22-летнему выпускнику педагогического факультета Белгородского госуниверситета, который окончил вуз с красным дипломом, чиновники

предложили должность директора сельской школы.

Muž, který do tradičního lídra klasické analogové fotografie přišel s úkolem proměnit jej tak, aby obstál v digitální éře, neuspěl. Elsner, který v roce 2012 získal titul švýcarský Podnikatel roku mimo jiné za „fascinující práci se zaměstnanci“, to dokázal.

Частым явлением в публицистическом стиле является размещение различного рода **субстантивных детерминантов** в препозиции перед именем собственным:

Jak sdělil známý výtvarník, kmenový spolupracovník Miloše Formana, držitel Oscara za návrhy kostýmů k filmu Amadeus Theodor Pištěk...

В чешском языке однако отдается предпочтение порядку слов, при котором имя собственное занимает начальное место, а субстантивные детерминанты располагаются в постпозиции как приложение:

Jak sdělil Theodor Pištěk, známý výtvarník, kmenový spolupracovník Miloše Formana, držitel Oscara za návrhy kostýmů k filmu Amadeus... (или: ...známý to výtvarník...)

Другим вариантом может быть разделение детерминантов, способствующее их симметричному, соразмерному расположению:

Jak sdělil známý výtvarník, kmenový spolupracovník Miloše Formana Theodor Pištěk, držitel Oscara za návrhy kostýmů k filmu Amadeus ...

Порядок слов публицистического стиля весьма вариабелен. В нем встречаются две противоположные тенденции — стремление к точности и информативности, при которой информация должна подаваться необъективно, а также желание заинтересовать реципиента, привлечь его внимание (воздействующая функция публицистического стиля). Определенную роль играет также специфика публицистики нашего времени, язык которой все чаще приближается к разговорному, копирует многие его структуры и особенности.

4.5.1. Порядок слов в электронных средствах массовой информации

Разновидностью публицистического стиля является стиль электронных СМИ, т. е. радио, телевидения и Интернета, причем два первых канала коммуникации объединяет их устный характер. Под его влиянием «живой, спонтанный тип телеречи стремится полностью слиться с разговорной речью, но часто остается на уровне устной публичной речи (коллективной или индивидуальной) из-за специфики условий съемки и общих задач телепередачи» (Лаптева 2001, с. 8). Для электронных СМИ присущи те же принципы, как и для публицистического стиля в целом, однако, упор делается прежде всего на

эмоциональность и экспрессивность сообщения.

Типично использование **инверсионного порядка слов** в событийных предложениях, позволяющих выделить новостной повод (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 376):

Демонстрации прошли в Санкт-Петербурге. Религиозные экстремисты были задержаны в Москве.

Для новостных выпусков также типичны **парцеллированные конструкции**:

Два трамплина были построены к Олимпиаде еще в феврале прошлого года, однако строительство инфраструктуры вокруг них затянулось. И довольно надолго.

A když se něco jakoby samozřejmě děje, je třeba poděkovat. A tak děkuji. Všem, kdo vědí, že o nich je řeč.

Своеобразным моментом является тема-рематическая нагрузка телеречи, сцепление темы предложения и содержания видеоряда, в котором она повторяется, что делается для акцентирования внимания зрителя (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 378).

Что касается Интернета, публицистический стиль в нем представлен в многообразии жанров, как традиционных, так и чисто сетевых, например, блоги, форумы, чаты, стиль которых приближается к разговорному. При выборе языка для конкретного вида интернет-ресурса (сервера, ориентированного на женщин, подростков, специалистов в определенной области и т. д.) необходимо придерживаться принципа «адекватности» (Bednář 2011, с. 112). Таким образом, язык должен отвечать виду используемого ресурса, а также его публике. Язык подросткового сервера не должен быть слишком формальным или научно-ориентированным, так же как и язык новостных порталов не должен быть теоретически научным.

Нам не представляется возможным анализировать особенности порядка слов в различных блогах, или, эвентуально, в sms-сообщениях или на различного рода социальных сетях: анализируемый материал был бы слишком разнообразен и несистематичен. Очевидно, что, например, стиль блоггера, пишущего о политике, будет отличаться от стиля подростка, ведущего блог о моде. Кроме того, свою роль здесь играет множество социальных факторов, например, образование автора. Определенный порядок слов, используемый в блоге, может быть результатом намеренной стилизации, например, нам встретился блог или, вернее запись в блоге, написанная от имени кота автора (Натальи Белюшиной). Особенности речи в данном блоге, в том числе в области порядка слов, например, некоторые намеренные ошибки, являются авторским замыслом:

Уже, дорогие поклонники, такому Францу исполнилось четыре года. Эта участь всех мышей постигает.

Очевидно, что на стиль электронных средств и на порядок слов в нем оказывает

наибольшее влияние разговорная речь.

4.5.2. Порядок слов в рекламном стиле

Вопрос о функционально-стилевой принадлежности рекламы в русской стилистике неоднозначен. Одни лингвисты, например, Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев относят ее к публицистическому стилю, объясняя это схожестью их задач. Другие считают ее многостилевым объектом, «контаминацией различных стилей, жанров и разновидностей речи» (Липатова 1998, с. 183). Третьи выделяют рекламу как самостоятельный функциональный стиль, поскольку отличие рекламных текстов от публицистических в содержательном и функциональном плане слишком велико: рекламный текст рассматривает не общественно значимое событие, а услугу или товар, стремясь прежде всего воздействовать на реципиента, а не информировать его (Кара-Мурза 1997, с. 65). Как мы уже упоминали, в чешской стилистической традиции рекламный стиль относится к вторичным, второстепенным стилям.

Рекламный дискурс в чешском и в русском языках чрезвычайно пестр: встречаются рекламы, использующие литературный язык, другие копируют разговорную речь или сленг. Так же, как и язык электронной коммуникации, реклама приспосабливается по своему стилю как рекламируемому товару, так и предполагаемому реципиенту. Отмечается, что реклама перенимает из других стилей столько языковых средств, что ей угрожает потеря какой-либо идентичности (Šmejrková 2000, с. 26). Итак, для рекламы характерна имитация других дискурсов. Рекламный текст работает с огромным количеством языковых средств, включая языковую игру, поэтические сравнения и метафоры и т. д. В области порядка слов таких средств немного, все они встречаются и в публицистическом стиле, особенно в заголовках статей.

Уникальной чертой рекламных текстов является их аграмматизм. Подобное нарушение логико-грамматических связей между словами в рамках предложения отличает рекламный текст от традиционных стилей.

Все языковые средства, используемые в рекламных текстах, направлены на единственную цель — воздействие на реципиента, которое повлечет желательную для рекламодателя реакцию — привлечение внимания к продукту. Этого достигается при помощи весьма пестрой палитры средств: могут быть задействованы как элементы научного или официально-делового, так и разговорного стиля, не исключая жаргона и просторечий. Данный выбор определяется ориентацией на потребительскую аудиторию, а также спецификой рекламируемого товара.

Для привлечения, а также для удержания внимания реципиентов рекламный текст

часто использует динамический, экспрессивный синтаксис (Кохтев 1997, с. 53). Для облегчения понимания длинных предложений их разбивают на более короткие фразы, применяя, таким образом, **парцелляцию**:

Игра, взрывающая мозг. Всерьез.

Индезит. Прослужит долго.

Новый Jeep Grand Cherokee. Создан из инноваций.

Když citlivá pokožka začne svědit, potřebuj pomoc. Ihned.²¹

Также используется типичная для публицистического стиля **сегментация**, т. е. именительный представления:

Браузер Амиго — установите и общайтесь с друзьями!

Денежные вклады. Под 50% годовых.

Работа мечты... Найди ее в Стокманн!

Jihlavanka. Rostivá káva.

Ford Fiesta. Již za 209990 Kč.

Hezké šátky a šály za skvělé ceny. U nás si vyberete vždy.

Evropa 2. Maximum muziky.

Týden. Myslíte, tedy jste.

Как мы видим, знаки препинания после сегментированного отрывка могут варьироваться.

Динамичность и разговорную окраску рекламе придает **эллипсис**. Чаще всего из предложения выпускается глагол, легко восстанавливающийся из контекста:

Работа в Москве и Подмосковье — всегда на нашем портале. Базы отдыха — в живописных местах, на берегу рек и озер. Obrányschopnost posílena!

Часто в качестве слоганов используются неполные, **назывные предложения**:

Отличный адрес. Любимый сок из любимых фруктов. Nový program pro dobře fungující stát. Osvěžující sladová limonáda. Komplexní přepravní a logistická řešení. Drsná země, jemná whisky.

По вполне понятным причинам наиболее упрощен синтаксис реклам, ориентированных на детскую публику. Г. Српова замечает, что в таких реклам практически не встречаются сложноподчиненные или сложносочиненные предложения (Srpová 2006, с. 62).

²¹ Примеры взяты из газет «Коммерсантъ», Hospodářské noviny, Lidové noviny, Mladá fronta dnes, Právo и из российского и чешского телевидения.

4.6. Порядок слов в церковно-религиозном стиле

Некоторые лингвисты выделяют в русской системе функциональных стилей также церковно-религиозный стиль. В современной России значение религии неуклонно растет, православная церковь укрепляет свои позиции, поэтому русская религиозная речь в последние годы вышла за пределы храма, где она использовалась в таких традиционных жанрах, как проповедь, исповедь, свободная молитва и т. д. Ее можно услышать в выступлениях священнослужителей по телевидению и радио, причем не только в передачах религиозного характера, но и в светских репортажах, посвященных значимым событиям общественной жизни. Издается религиозная литература, увеличивается количество журналов и газет, освещающих религиозно-общественную жизнь. Основываясь на устойчивых стилистических особенностях, обусловленных сферой общения и спецификой экстралингвистической основы, некоторые языковеды считают, что они имеют все основания выделять церковно-религиозный функциональный стиль среди речевых разновидностей русского литературного языка (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 412). Другие, в свою очередь, не считают специфику текстов подобного рода исключительной, а присущей и другим стилям (Костомаров 2005, с. 91).

В чешской и словацкой стилистике, так же, как и в российской, данному стилю уделяется внимание сравнительно недавно. Так, например, в «Стилистике» Й. Мистрика церковная коммуникация относится к научному проявлению риторического стиля (Mistrík 1989, с. 485). Относительная новизна данного стиля становится причиной существования нескольких вариантов его названия: религиозный, духовный, сакральный, церковный, теологический — náboženský, duchovní, sakrální, církevní, teologický, religiózní (Minářová 2011, с. 145). Данный стиль упоминается в работах некоторых лингвистов: М. Йелинек (1996, с. 725), К. Комарек и Н. Квиткова пишут о религиозном стиле, о духовной речи упоминает М. Крчмова, статья о религиозном стиле имеется также в «Энциклопедическом словаре чешского языка» (Komárek, Kvítková 2002, с. 453), в ней в рамках данного стиля выделяются следующие стили: проповеди (стиль, приближающийся к риторическому), богослужбы, теологические дебаты (стиль, приближающийся к научному) и молитвы.

Для данного стиля типична книжность, однако в некоторые его разновидности уже проникает разговорность, это касается прежде всего устной неритуальной коммуникации, а также печатных изданий.

Что касается русского языка, одной из наиболее главных специфических черт церковно-религиозного стиля — архаически-возвышенной тональности речи — достигается при помощи использования в религиозной коммуникации возвышенно-архаизированных церковнославянских средств, проявляющихся прежде всего на лексическом и фонетическом

уровне, однако и на морфологическом (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008, с. 415-416, 422-423). Среди синтаксических атрибутов, типичных для данного стиля как в русском, так и в чешском языке, можно назвать нанизывание **однотипных конструкций, синтаксический параллелизм**:

Nehledá se práce, nýbrž zaměstnání, nehledá se kapitál, nýbrž úvěř, nehledá se skutečnost, nýbrž norma. Proč žít, když lze též vegetovati, proč manželství, když stačí konkubínát, proč děti, když stačí kočky a štěňata, proč pracovati, když stačí úřadovati, proč vůbec chtítí²²?

Порядок слов, а именно инверсия, широко используется для придания окраски церковной речи в синтаксических библеизмах: *Дух Святой, слово Божие, царь иудейский, род человеческий, море житейское, Отец Небесный, кончина страдальческая, день постный, заповеди Божьи, мать Божья, во славу Божию²³* и т. д., а также в других устоявшихся словосочетаниях: *время давнее, земля русская, жизнь вечная* и т. д.

Однако, как показывает В. Г. Костомаров, подобные синтаксические библеизмы используются не только в «религиозно-проповедническом стиле», как он его называет (Костомаров 2005, с. 91), но и, например, успешно служат материалом для творчества рок-певцов: *Силы небесные, так пожалейте же бедную нашу страну... Сын человеческий, где ты?* Данные примеры взяты из текстов группы «Аквариум». Сам Костомаров считает данный стиль лишь специальным книжным жанром.

Так же, как и в русском языке, для чешского стиля церковной коммуникации типично использование определений в постпозиции в библеизмах или религиозных реалиях: *Duch svatý, doba velikonoční, Kniha skutků apoštolských, království nebeské, království Boží, církev evangelická, papežové Římští, patriarcha moskevský, metropolita Astanažský* и т. д. Однако встречаются и нейтральные конструкции: *Boží království, Boží přikázání, Boží milost*.

В еще большей мере данная тенденция типична для католических текстов, часто использующих элементы молитвы:

*Ó rodičko **Boží**, nejvěrnější ó Panno Maria **nejčistotnější**, ty všichni lidé **hříšní** před tebou na kolena padáme... Ó Matko velmi **lítostivá**, Panno Maria! Rač nás chránit od vojny, od náhlé smrti, od moru a hladu, od lidu **nepřátelského**, od pokušení **d'ábelského**, i také od všelikého hříchu **smrtného**! Svátost **Oltární** se má proměňovat zvucným hlasem.*

Однако подобный порядок слов встречается и в более «светских» текстах:

*Domněnky **tyto křivé** a **převrácené** tím více jsou zavržení hodny, neboť směřují především*

22 Примеры взяты из ежемесячного журнала *Posel, měsíčník sboru Českobratrské církve evangelické v Olomouci*. Red. M. Bartušková. Olomouc: Sbor Českobratrské církve evangelické v Olomouci, 2000, 1-12.; *Katolická cesta (Katolik revue): měsíčník tradičních katolíků*. Praha: V. Durych, 2008; *Ikona*. Red. R. Wimmer. Praha: Český národní fond kultury, 2011.

23 Примеры взяты из вещания православного телеканала «Союз», журнала *Наследник*. Red. М. Первозванский. Москва: АНО, 2013.

k tomu, aby překáženo bylo, ba aby byla odklizená ona spásitelská moc, kterou má vykonávat katolická Církev.

В чешском религиозном стиле ярко проявляются черты архаического порядка слов, в частности, размещение именной части именного предиката в препозиции перед глаголом-связкой, также как размещение инфинитива в препозиции перед личной формой глагола в сложном глагольном предикате:

*Abu všichni... v počet vyvolených **připsáni a připuštěni** byli, tebe a tvého nejmilejšího syna Krista Ježíše v nebi na věky věkův radostně **viděti a požívatí** mohli.*

В церковно-религиозном стиле, прежде всего в его устных жанрах, проявляются многие черты разговорного. Речь идет, например, об эллипсисе:

Если тебе это не нравится, тогда зачем ты делаешь ближнему?

Также часто встречаются **повторы**:

*Если нужна **помощь**, он от всего сердца стремится **помочь**. Народ еще **больше** окреп, верования стало еще **больше**.*

Нередки элементы публицистического стиля, с которым религиозный стиль печатных изданий по вполне понятным причинам имеет много общего. К ним относится, кроме иного, сегментация:

Půst. Říká toto slovo katolíkům ještě něco?

Кроме того, нередка и парцелляция:

Přibývá nebezpečí zvenčí. A to by ještě nebylo to. Je něco však, čeho nepřibývá.

Как мы видим, церковно-религиозный стиль действительно не располагает большим количеством собственных специфическими средствами в области порядка слов, его особенности проявляются прежде всего в лексическом плане. Неся в себе многие черты родственных стилей (публицистического для религиозных статей в различных периодиках, риторического для проповеди, научного для теоретических дебатов), религиозный стиль часто тяготеет к архаическим элементам высказывания.

4.7. Заключение

Таким образом, мы можем подвести итог — наибольшее количество специфических черт в области порядка слов в русском и чешском языках, как и следовало ожидать, используется в разговорном стиле. При непосредственной коммуникации, имея в своем распоряжении интонацию, коммуникант может перемещать элементы высказывания практически произвольно. Смешаться могут даже служебные части речи, что для книжных стилей является немислимым. Важную роль в порядке слов разговорного стиля играет контекст, коммуникационные намерения говорящего.

Многочисленные особенности в сфере словорасположения также характерны для публицистического и рекламного стиля, т. е. «живых», постоянно развивающихся стилей, стоящих на рубеже между несколькими другими, что позволяет им перенимать характерные черты как книжных стилей, так и разговорной речи.

5. Влияние порядка слов на перевод

Настоящую главу мы посвящаем анализу наиболее распространенных ошибок в области порядка слов в русском и чешском языке, допускаемых как при переводе с одного языка на другой, так и ошибкам, которые допускаются, например, носителями одного из этих языков.

5.1. Типичные ошибки в порядке слов в русском языке

Для иллюстрации ошибок в порядке слов, типичных для русского языка, мы преимущественно использовали отрывки коммуникации носителей языка, собранные нами в различных интернет-ресурсах, т. е. в различных статьях, блогах, рецензиях и, прежде всего, в интернет-дискуссиях. Иные случаи оговорены в работе специально.

Что касается русского языка, особенно распространенными О. Б. Сиротина называет **ошибки, совершенные под действием тенденции сохранять словосочетания**. В случае столкновения двух противоположно действующих грамматических закономерностей, иногда может побеждать тенденция сохранения более привычного, распространенного или более тесного словосочетания (Сиротина 1965, с. 159-160):

Это популярный хит во всем мире. Мы видим удобное платье для ношения в городе. Спутник не вышел на орбиту из-за неправильно заложенной программы в разгонный блок²⁴.

В данных случаях сталкиваются две грамматические тенденции: тенденция сохранить сочетание определения с определяемым словом (*популярный хит, удобное платье, заложенная программа*) и тенденция сохранить сочетание прилагательного с существительным (*популярный во всем мире; удобное для ношения в городе; заложенная в разгонный блок*). При этом связь определения и определяемого слова более сильная, она действует и на расстоянии, поэтому в данном случае должно быть сохранено сочетание прилагательного с существительным (*хит, популярный во всем мире; платье, удобное для ношения в городе; программы, неправильно заложенной в разгонный блок*; другой вариант — использование обмыкания, при котором также сохраняется сочетание прилагательного с существительным: *популярный во всем мире хит* и т. д.) Подобные ошибки весьма типичны для устной речи, о чем свидетельствует и вид источника, из которого мы черпали данные примеры – программы, транслированные по телевидению, однако, например, последняя фраза была взята из выпуска новостей, так что, по сути, является репродуцированной письменной речью.

Еще более проблематичны сочетания трех словосочетаний:

²⁴Примеры взяты из передач российского телевидения.

Театр позволяет почувствовать зрителям особую атмосферу.

В данном случае также сталкиваются две тенденции: сохранение сочетания глагола с инфинитивом (*позволяет почувствовать*) и сохранение сочетания глагола с дополнением, прямым или косвенным (*позволяет зрителям; почувствовать атмосферу*). Здесь грамматической нормой является сохранение сочетания глагола с дополнением в ущерб сочетанию глагола с инфинитивом (*Театр позволяет зрителям почувствовать особую атмосферу*.)

Нередки также **ошибки в порядке слов, проявляющиеся в разрыве словосочетаний**, в частности, словосочетаний неопределенного местоимения с прилагательным или частицы со словом, к которому она относится:

*Книги всегда **что-то** приносят интересное. Особенно это хорошо видно в его поздних романах.*

Правильным был бы порядок слов *что-то интересное, особенно хорошо это видно...*

О. Б. Сиротинина подобные ошибки объясняет небрежностью и пренебрежением к грамматической роли порядка слов, а также неверным представлением о свободе порядка слов в русском языке.

Другим примером подобной ошибки является **разрыв оборотов**, например, ставнительных:

*Только **такой человек** может на все бурно реагировать, **как холерик**.*

Правильным было бы размещение сравнительного *как* непосредственно после слова, к которому оно относится: *только такой человек, как холерик...*

В некоторых случаях встречаются **ошибки в устоявшихся оборотах**:

*Они **смотрят на друг друга**...*

В данном примере предлог располагается на своем привычном месте, т. е. после сказуемого и перед дополнением, к которому он относится. Однако устоявшееся сочетание *друг на друга* требует иного порядка слов.

Ошибкой подобного рода мы считаем размещение предлога перед оборотом, обозначающим приблизительный отрезок времени, расстояния и т. д. типа *минут десять*:

*К костелу вы подойдете **через минут десять**.*

В данном случае нормой является размещение предлога в середине оборота, между единицами измерения и их количеством: *минут через десять*.

В некоторых случаях определенный порядок слов может стать причиной **неоднозначности высказывания**, поэтому такого порядка необходимо избегать:

*В Смоленской области произошла авария. Автобус, перевозивший 48 пассажиров, перевернулся после столкновения с грузовым автомобилем. На перекрестке **автобус***

*протаранил камаз*²⁵.

Н. С. Валгина указывает, что в данном случае должно проявиться грамматическое значение порядка слов: омоформы именительный – винительный обычно различаются порядком их расположения, именительный падеж, как правило, располагается на первом месте (Валгина 1978, с. 154-155). Однако, например, А. М. Пешковский описывает случаи, при которых возможен обратный порядок слов, позволяющий расположение винительного падежа на первом месте. При этом винительный падеж несет логическое ударение (Пешковский 1956, с. 52). С ним нельзя не согласиться – подобный порядок слов не является редкостью прежде всего в разговорной речи, однако, под ее влиянием, все чаще появляется и в письменной. Поэтому в данном отрывке невозможно определить, что является подлежащим, а что дополнением. Этого мы не можем сделать, даже опираясь на теорию актуального членения, поскольку в процитированном отрывке как *автобус*, так и *камаз* уже упоминались, поэтому непонятно, что из них в последнем предложении является темой, а что — ремой.

В таком случае (подлежащее и дополнение совпадают в роде и числе, каждое из них в данном контексте может выступать как в именительном падеже, так и в винительном), недостаточно скорректировать порядок слов, необходимо изменить само предложение:

Автобус врезался в камаз. Автобус был протаранен камазом и т. д.

Подобный пример — реклама, часто появляющаяся в телевизионном вещании:

Наши глаза поработили компьютеры.

Поскольку речь идет о рекламе лекарственного препарата, предназначенного для снятия сухости со слизистой оболочки глаза, остается предполагать, что *наши глаза* в данном случае были использованы в роли дополнения при субъективном порядке слов. Однако подобный порядок слов, а также целая интонация фразы создает впечатление, что *глаза* являются субъектом, т. е. значение высказывания меняется, слушатель понимает его как сообщение о возможности управлять компьютерами при помощи глаз. Более удачным здесь был бы более привычный, прямой порядок слов: *Компьютеры поработили наши глаза.*

В русском языке для **несогласованного определения** наиболее типична постпозиция. В некоторых случаях это правило игнорируется:

Из низкого в форме куба строения выходит молодой солдат, вероятно дежурный...

Покончив с едой и отодвинув опорожненный из-под кока-колы стакан, девушка откинула голову...

Хотя данные предложения являются переводом с чешского языка: *Z nízké krychlové budovy vlevo vyjde mladičky voják, zřejmě dozorčí... Dojedla právě oběd, odstrčila stranou*

²⁵Пример взят из программы новостей российского телевидения.

pohárek vypité koka-koly, zaklonila hlavu...(Kundera), на порядок слов в русском языке не повлиял чешский оригинал. Правильным был бы порядок: *из низкого строения в форме куба, опорожненный стакан из-под кока-колы.*

5.2. Типичные ошибки в порядке слов в чешском языке

При описании ошибок в порядке слов чешского языка, мы, так же как и в предыдущей главе, использовали примеры из интернет-коммуникации носителей языка (иные источники оговорены специально).

Значительное количество затруднений в чешском языке вызывает **размещение энклитик**, т. е. возвратного *se* и *si*, личных местоимений, глагольных форм типа *jsem, jsi, bych, bys* и т. д. Согласно грамматической норме чешского языка они должны быть расположены за первой частью предложения, несущей на себе фразовое ударение (Gebauer, Ertl 1926, с. 56-57). Кажущейся простоте данного правила противостоит неоднозначность понятия «первая часть предложения, несущая фразовое ударение». Например, Л. Углиржова указывает, что такой частью может быть одно слово или выражение, представляющее собой член предложения; член предложения с зависимыми словами; придаточное предложение; подчинительный или сочинительный союз (кроме противительных союзов *ale, avšak, nybrž, kdežto*); член предложения со следующим за ним вводным словом и т. д. (Uhlířová 1987, с. 83-84). Однако даже это правило не действует во всех случаях и тогда энклитики могут менять свое место в предложении, оставляя свое привычное второе место (например, в поэтических текстах, в неподготовленных заранее устных выступлениях). Ошибки в данном правиле не являются редкостью:

V jednom momentu dokonce role se obrátily.

Еще более проблематичной является **организация двух и более энклитик** в одном предложении. Гавранек указывает, что их порядок традиционно определен, например, формы глагола *být* стоят перед остальными энклитиками, возвратные *se* и *si* следуют за ними, дательный падеж личных местоимений стоит перед винительным падежом (Navránek, Jedlička 1981, с. 352), т. е. *bych se, se mi, tu ho, jim to* и т. д. Тем не менее, при употреблении нескольких энклитик нередко ошибки, нарушающие континуальный ритм высказывания:

Divákům ale to se nelíbilo. Mohla bych to vám převyprávět... (Более удачным было бы: *Divákům se to ale nelíbilo. Mohla bych vám to převyprávět*).

Следующей ошибкой, нередко появляющейся в чешском порядке слов, является **разрыв определяющего оборота**, при котором определяемое слово находится между словами, которые его определяют, как правило, причастием с зависимыми словами (Uhlířová 1987: 33-34):

Součástí recenze je i přeložená zvuková stopa do ruštiny. Mně francouzská manikúra připomíná napůl namočené prsty do bílé barvy. Novým trendem byly také pánské paruky, které nahrazovaly vypadané vlasy od bělení louhem.

В данном случае причастные обороты *přeložena do ruštiny, namočené do bílé barvy, vypadané od bělení louhem* были «разорваны» словами *zvuková stopa, prsty, vlasy* и, таким образом, был нарушен принцип смысловой и синтаксической связанности членов предложения. Более удачным вариантом было бы:

Součástí recenze je i zvuková stopa přeložená do ruštiny. Mně francouzská manikúra připomíná prsty napůl namočené do bílé barvy. Novým trendem byly také pánské paruky, které nahrazovaly vlasy vypadané od bělení louhem.

Вызывает затруднения размещение нескольких **несогласованных определений**, одно из которых выражено существительным в Родительном падеже:

Hostování v Pardubicích olomoucké divadelní společnosti bylo velmi úspěšné.

Несогласованное определение в Родительном падеже должно быть размещено препозитивно перед несогласованным: *hostování olomoucké divadelní společnosti v Pardubicích...*

Некоторые виды ошибок совершаются как в русском, так и в чешском языке. Так, например, неверный порядок слов может привести к двусмысленности высказывания, причиной которой становится **контактное расположение слов, которые грамматически способны образовать словосочетание**:

Такие фильмы о войне в мировом кинематографе являются частым явлением. На просмотрах зрителей больше всего интересуют американские фильмы. Vždy byla moje starší sestra. Ale pro menší místo ještě pořád mám²⁶.

В устной речи непониманию приведенных высказываний препятствует интонация, однако в письменной речи подобное контактное расположение слов может привести к возникновению «ложных» словосочетаний типа *война в мировом кинематографе, просмотры зрителей, menší místo* и т. д. Необходима реорганизация порядка слов во всем предложении: *Такие фильмы о войне являются частым явлением в мировом кинематографе. На просмотрах зрители больше всего интересуются американскими фильмами. Ale ještě pořád mám místo pro tu menší.*

В данном контексте Н. С. Валгина говорит о «неоправданном инверсионном порядке», искажающем смысл высказывания, при этом под термином *инверсия* она подразумевает не только случаи необычного расположения темы и ремы, но и нарушения строго закрепленного порядка расположения компонентов словосочетания в составе предложения (Валгина 1978,

²⁶ Последний пример взят из чешских субтитров к фильму.

с. 153).

Ошибкой подобного рода является контактное размещение в чешском языке возвратного *se* и существительного в Творительном падеже. Читающий может объединить их в словосочетание, спутав возвратную частицу с предлогом:

Dobré je, že se stejným sportem může zabývat i partnerka.

Решением может быть реорганизация предложения: *že stejný sport může dělat i partnerka, že stejným sportem se může zabývat i partnerka* и т. д.

Следующим случаем, вызывающим затруднения при организации предложения, является **присоединение придаточного предложения определительного**, начинающегося словом *který*. Согласно правилам, такое придаточное предложение должно размещаться непосредственно за словом, которое оно характеризует. Однако в тех случаях, когда данное слово отделено от придаточного предложения зависимыми словами, совпадающими с ним в роде и числе, может быть непонятно, которое именно слово определяется этим придаточным предложением. Л. Углиржова указывает, что наиболее часто это касается несогласованного определения, выраженного именем существительным (Uhlířová 1987, с. 31-32):

Již jsem říkal, že celý záměr mé knihy O učení člověka, která je možná nejsystematičtější z mých knih, mě napadl najednou, když jsem byl na baletu Ďagileva, který neměl žádnou souvislost s tématem knihy²⁷.

В данном случае человеку не всегда может быть после первого же прочтения ясно, что имеется в виду: с темой книги Бердяева не был связан балет или Сергей Дягилев? В чешском языке было бы уместнее вместо существительного в Родительном падеже использовать притяжательное определение, что избавило читателя от неопределенности (*na Ďagilevově baletě, který...*). Подобные ошибки нередки в русском языке:

Я люблю ходить в театр в нашем городе, который ставит современные пьесы.
(Удачнее — *Я люблю ходить в наш городской театр, который...*)

Очевидно, что пьесы ставит театр, а не город, однако, подобный порядок слов заставляет читателя предположить обратное.

Как в чешском, так и в русском языке, большое количество ошибок вызывает **неакцептирование роли актуального членения в предложении**, тема и рема немотивированно меняются местами:

Vstupenky na festival lze koupit za slušnou cenu. Alespoň v případě, že si nevzpomenete na poslední chvíli, že vlastně chcete na festival. Подобные ошибки лишь изредка

²⁷ Данный пример взят из перевода книги Николая Бердяева «Самопознание. Опыт философской автобиографии», сделанного Маркетой Валковой.

появляются в истории.

В первом предложении автор, говоря о необходимости своевременного приобретения билетов на фестиваль, ошибочно размещает на последнем месте обстоятельство *festival*, тем самым актуализируя его. Речь, однако, идет не о желании приехать именно на фестиваль, а не на концерт, оперу и т. д., а прежде всего о желании его посетить, поэтому более удачным был бы порядок слов: *že na festival vlastně chcete*. Аналогично этому, во втором предложении необходимо поменять порядок слов на: *Подобные ошибки появляются в истории лишь изредка.*

5.3. Ошибки в порядке слов в русском и чешском языке, возникающие при переводе

Опираясь на анализ основных правил порядка слов, приведенный в предыдущей главе, мы можем сделать выводы о том, какие ошибки в порядке слов наиболее часты при переводе с русского языка на чешский и наоборот. Ошибки в порядке слов этих языков, возникающие непосредственно при переводе, возникают из-за недостаточного внимания к различиям в порядке слов данных языков, что можно объяснить большим количеством сходств. Полагаясь на это, многие переводчики, прежде всего, начинающие, не уделяют данной проблематике достаточного внимания, таким образом, обрекая себя на совершение ошибок, заключающихся в копировании порядка слов оригинала.

Для анализа мы использовали переводы, сделанные чешскими и русскими студентами, изучающими русский и чешский язык соответственно.

По нашим наблюдениям, наиболее частой ошибкой при переводе с чешского языка на русский и наоборот, является нарушение правила, гласящего, что в русском языке прямой порядок слов (подлежащее, затем сказуемое) сохраняется и в том случае, когда им предшествует **второстепенный, детерминирующий член предложения**, в то время как в чешском языке в таком случае грамматической нормой становится обратный порядок слов (сказуемое, затем подлежащее):

Издавна было посещение театра культурным событием. Особенно таким образом может молодой человек сформировать хорошее отношение к театру. Никогда не удовлетворит предложение самых качественных постановок страстных любителей фильмовых эффектов. Иногда фильм настолько интересный, что я хочу прочитать книгу, по которой был фильм снят. В сфере нехудожественного перевода передает переводчик обычно существенную информацию. Чем чаще встречается переводчик с данной реалией в тексте, тем быстрее становится реалия знакомой.

Понятно, что эти ошибки были совершены именно под влиянием порядка слов в чешском языке, где аналогичный порядок слов был бы грамматически правильным:

Odedávna byla návštěva divadla kulturní událostí. Zvláště takovým způsobem může mladý člověk vytvořit dobrý vztah k divadlu. Nikdy neuspokojí nabídka nejkvalitnějších inscenací vášnivé milovníky filmových efektů. Občas je film natolik zajímavý, že se mi chce přečíst knihu, podle které byl film natočený. Ve sféře neuměleckého překladu převádí překladatel podstatné informace. Čím častěji se setkává překladatel s touto realitou v textu, tím rychleji se stává realitou známou.

Однако правила русского языка предусматривают иной порядок слов: *никогда предложение самых качественных постановок не удовлетворит; издавна посещение театра было культурным событием; особенно таким образом молодой человек может; книгу, по которой фильм был снят; переводчик передает, читатель встречается, реалья становится знакомой.* Подобные ошибки, естественно, совершаются и при переводе с русского на чешский язык:

*Na konci filmu zklamáný dědeček jede zpátky se smutnými zprávami. Nakonec **film byl natočen** s velmi omezenými finančními prostředky, přesto zapůsobil silně i co se týče stylu a způsobu natáčení.* (Русский оригинал: *В конце фильма разочарованный дед едет домой с печальными известиями. Наконец фильм был снят при весьма ограниченных средствах, несмотря на это, он произвел сильное впечатление своим стилем и манерой съемки*).

В подобных предложениях чешский язык отдает предпочтение иному порядку слов: *Na konci filmu jede zklamáný dědeček...; nakonec byl film natočen...* т. е. сказуемое размещается на втором месте в предложении.

«Пříruční mluvnice ruštiny pro Čechy II» обращает внимание на существенное различие порядка слов в русском и чешском языке, заключающееся в том, что **рема в русском языке может находиться** не только на последнем или первом месте предложения, но и **в середине предложения** (PMRpČ 1960, с. 325-326). Впоследствии С. Жажа, один из авторов упомянутого пособия, в работе, написанной в соавторстве с Г. Флидровой, уточняет, что подобное явление в русском языке типично прежде всего для разговорной речи, поскольку в нем «наблюдается большая степень субъективности порядка слов, чем в чешском языке» (Flídrová, Žaža 2005, с. 115). Подобный порядок слов, часто появляющийся и в других стилях, может оказать влияние на перевод:

*Tuto knihu jsem už **dlouho** zamýšlel napsat. Někteří přátelé mě žertem nazývají nepřitelem rodu lidského. A to i při tom, že je mi **velmi vlastní** lidskost. Ale paměť toto **nejvíce** chrání a chrání to pro věčnost. Prameny člověka mohou být **pouze částečně** pochopeny a racionalizovány.²⁸*

28 Данные примеры взяты из перевода книги Николая Бердяева «Самопознание. Опыт философской

Русский оригинал:

Книга эта мной давно задумана. Некоторые друзья шутя называли меня врагом рода человеческого. И это при том, что мне очень свойственна человечность. Но память наиболее это хранит и хранит для вечности. Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы.

В данных примерах мы считаем более удачным порядок, не копирующий русское словорасположение: *Tutu knihu jsem zamýšlel napsat už dlouho* и т. д.

В русском языке довольно часто подобное размещение ремы в середине предложения встречается в тех случаях, когда ремой является предикат, имеющий зависимые слова, дополнения или обстоятельства. Так, некоторые предложения из романа Б. Акунина «Статский советник» были переведены следующим образом:

Katovi se sice podařilo dvakrát se zachránit před mstiteli, ale stejně je již odsouzen. Třiadvacetiletá studentka Skokovová vystřelila na uzurpátora, netrefila se a byla oběšena. Ze služebního a kariérního hlediska bylo samozřejmě nutné potlačit své pocity. To by ani Smoljaninov nemusel dodávat, aby Erast Petrovič náležitě ocenil kvality mladíka.

(Царь хочет спасти Храпова от народной мести...) Палачу дважды удалось спастись от мстителей, но он все равно обречен. (Но приговор нашей партии, объявленный кровавому сатрапу, остается в силе.) Двадцатипрехлетняя курсистка Скокова стреляла в сатрапа, не попала и была повешена. С точки зрения службы и карьеры, конечно, следовало пренебречь чувствами. Этого Смолянинов мог бы и не добавлять, так что Эраст Петрович оценил честность молодого человека по достоинству.

При этом для чешского языка более удачно размещение рематического предиката в конечной позиции:

Katovi se sice podařilo dvakrát se před mstiteli zachránit... Třiadvacetiletá studentka Skokovová na uzurpátora vystřelila... ... bylo samozřejmě nutné své pocity potlačit. ...aby Erast Petrovič kvality mladíka náležitě ocenil.

Тем не менее, в некоторых случаях размещение ремы в ином месте, чем в конце предложения, нежелательно и в русском языке. Прежде всего это касается тех случаев, когда подобное размещение может изменить смысл предложения. Так, например, предложение из романа М. Кундеры *Jakub si tehdy umínil, že bude nad osiřelým děvčátkem držet ochrannou ruku* было переведено на русский язык следующим образом:

Якуб уже тогда решил взять под свое покровительство осиротевшую девочку.

В данном виде предложение трактуется ошибочно, ударение ставится на слове

автобиографии», сделанного Маркетой Валковой.

девочка, т. е. на поле ребенка, что может вызвать нежелательные коннотации. Оптимальным вариантом был бы порядок: *Якуб уже тогда решил взять осиротевшую девочку под свое покровительство.*

Подобный пример:

*Udělám to tak, aby mě tam našel. — Я сделаю это так, чтобы он меня **нашел там.***

В данном случае в оригинале акцентируется факт находки, а не его место, как это сделано в русском переводе, поэтому мы считаем более удачным порядок: *Я сделаю это так, чтобы он меня там нашел.*

Следующим отличием в грамматической норме русского и чешского языка, являющегося причиной большого количества ошибок, является интерпозиционный порядок слов, так называемое **обмыкание**, при котором между определением и определяемым словом вкладываются слова, развивающие определение — если речь идет о согласованном обмыкании, или при котором между словом и развивающим его выражением в родительном падеже вкладываются другие зависимые слова — если речь идет о несогласованном определении. Хотя согласованное обмыкание несет книжный оттенок, в русском языке оно встречается довольно часто, в чешском же языке оно свидетельствует об интерференции русского порядка:

Ve filmu se setkáváme s tradičními pro režiséra postupy.

В русском языке порядок слов *с традиционными для режиссера методами* вполне возможен и отвечает грамматической норме, однако в чешском языке необходима корректировка: *s postupy tradičními pro režiséra*. Аналогичные примеры:

Rozhodující pro život otázky Samanta skoro neřeší.

Film je natočen podle typického pro celou západní kinematografii syžetu.

Опять же, в данном случае возможная на русском языке конструкция *решающие для жизни вопросы, типичный для всего западного кинематографа сюжет* повлияла на порядок слов в языке перевода, где более удачным было бы сочетание *otázky rozhodující pro život, podle syžetu typického pro celou západní kinematografii*.

В связи с данной проблематикой, П. Адамец обращает внимание на то, что при интерпозиционном порядке слов в русском языке на определение падает гораздо менее сильное логическое ударение, чем в чешском, где оно отделено паузой и стоит в конце высказывания. Для решения данной ситуации Адамец предлагает использование в чешском языке такого порядка слов, при котором слова, развивающие определение, вкладываются перед ним (Adamec 1956б с. 190).

Пример несогласованного обмыкания:

Vstup do regionu nového investora může zlepšit situaci.

Русский оригинал:

Приход в регион нового инвестора может улучшить положение дел.

В чешском языке следует отдавать предпочтение порядку слов, при котором зависимое слово не будет располагаться между частями члена, к которому оно относится: *Vstup nového investora do regionu...*

Г. Флидрова и С. Жажа в качестве еще одного отличия русского и чешского порядка слов приводят тот факт, что в русском языке **дополнение, выраженное личным местоимением или указательным местоимением это**, часто находится в постпозиции за глагольным сказуемым (Flídrová, Žaža 2005, с. 111). Особенно это характерно для тех местоимений, которые относятся к глаголу, не являющемуся темой. В чешском языке в данной ситуации действует правило организации энклитик, т. е. местоимение должно находиться на втором месте в предложении (или, при наличии нескольких энклитик, занимать свое определенное место):

Film je režisérova prvotina. Moretti natočil ho, když mu bylo dvacet. Mnozí diváci si určitě položili otázku, zda se opravdu toto může stát?

В приведенных примерах порядок слов можно назвать калькой с русского языка, где последовательность *Moretti снял его, когда ему было двадцать; ...действительно ли это может произойти?* является нормой, в то время как чешский язык предписывает порядок *Moretti ho natočil, když...; zda se to opravdu může stát.*

В тех случаях, когда глагольное сказуемое является ремой, а местоимение его развивает, последнее должно находиться в препозиции. Так, рассмотрим следующие предложения:

„Já vím,“ opakovala Olga, „ale já se těm lidem nedivím. Bojí se, aby ho neztratila, a právě pro samý strach o něho ho jednou ztratí! Klíma jí nelhal! Můj bože, jak to, že ho to nikdy předtím nenapadlo? Jakub znal dobře lidi, a proto je neměl rád. (Kundera) Bordel mě irituje. (Viewegh)

Я знаю, - повторила Ольга. – Но эти люди не удивляют меня. Она боится потерять его, но именно этот страх и приведет к тому, что она однажды потеряет его! Клима, значит, не обманывал ее! Боже правый, как случилось, что до сих пор это не осенило его? Якуб хорошо знал людей и потому не любил их. Бардак бесит меня.

В данных примерах, на наш взгляд, постпозиция местоимения неоправданна. Выделенные предикаты являются ремами предложений, поэтому местоимения должны быть в препозиции перед ними: *меня не удивляют; боится его потерять; что она его однажды потеряет; ее не обманывал; его не осенило; их не любил; меня бесит.* Указанные ошибки тесно связаны и с неакцептированием роли актуального членения – размещение местоимений

в постпозиции переносит логическое ударение на них, что в данных случаях немотивированно.

Вообще **энклитический характер личных местоимений** чешского языка определяет важное отличие порядка слов в нем от русского, а именно тот факт, что в краткой форме они не могут занимать первое место в предложении. На русском языке они могут размещаться в начале предложения, не неся при этом логического ударения. При переводе с русского языка на чешский данное правило может забываться:

Но překvapilo, že na promítání skoro nikdo nebyl.

На русском языке порядок слов *меня удивило, что...* вполне приемлем, однако на чешском местоимение должно быть на уже упомянутом втором месте после члена предложения, несущего логическое ударение: *překvapilo ho, že...*

В русском языке энклитический характер имеет **глагол-связка *быть*** и его формы, входящие в именную предикат, именная часть которого выражена краткими формами прилагательного. В таких случаях связка стоит в постпозиции за ними. В этом порядок слов в русском языке отличается от чешского, в котором порядок слов, отвечающий следующему примеру, является приемлемым:

Было мне интересно узнать, чем книга закончится.

В данном случае постпозиция глагола-связки (*мне интересно было узнать...*) является желательным, хотя и не единственно возможным вариантом, вполне правилен также следующий вариант:

Мне было интересно узнать, чем книга закончится.

В данном случае можно говорить лишь о некоторой тенденции к постпозиции глагола связки, однако в сочетании с краткими формами модальных предикативов такой порядок слов является обязательным и в русском языке.

Следующей ошибкой, довольно часто совершаемой при переводах на русский язык, является **размещение нерематического обстоятельства** в постпозиции за сказуемым, в то время как ему свойственна препозиция:

*Атмосфера в театре **будет всегда** более интимная, чем в кинозале.*

Данное правило, однако, нельзя считать обязательным, так, например, Г. Флидрова и С. Жажа говорят скорее о тенденции (Flídrová, Žaža 2005, с. 111). Тем не менее, в приведенном примере препозиция обстоятельства является более удачной: *атмосфера в театре всегда будет более интимной...*

Подводя итог данной части работы, мы хотели бы подчеркнуть сложность и неоднозначность проблематики порядка слов, в особенности в связи с переводческой

работой. Проблематика порядка слов может доставить переводчику, особенно начинающему, большое количество затруднений. Однако ошибки в данной области часто допускают и носители языка. Отчасти это можно объяснить тем, что исследуемому вопросу в учебных пособиях (особенно русского языка) уделяется гораздо меньше внимания, чем другим языковым аспектам. Ситуацию усугубляет также сложность и неоднозначность порядка слов, неабсолютность правил, его определяющих, разнообразность факторов, оказывающих на него влияние. Подчиняясь нуждам актуального членения предложения и его стилистической окраске, порядок слов может существенно варьироваться. Именно поэтому переводчику необходимо не только знание грамматических правил, действующих в обоих языках, но и языковое чутье и постоянная внимательность.

Заключение

Нами была предпринята попытка комплексного анализа проблематики порядка слов в чешском и в русском языках.

Порядок слов в русском и в чешском языке можно признать относительно свободным, однако, данная свобода характерна только для синтаксического уровня. На порядок слов оказывает влияние ряд факторов, часто действующих одновременно, в совокупности: актуальное членение, контекст, эмоциональное состояние говорящего, иллокутивная функция, принадлежность высказывания к определенному функциональному стилю. Мы старались уделять внимание всем факторам, чтобы рассмотреть данную проблематику во всей ее многоаспектности.

Первая и вторая глава настоящей работы посвящены проблематике изучения порядка слов в русском и в чешском языке соответственно. Мы видим, что для изучения данной проблематики были применены подобные методы и подходы. Начальный, формальный этап изучения (в русской традиции он представлен Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским, А. И. Смирницким, в чешской — Й. Зубатым, В. Эртлом) характеризуется выделением двух типов порядка слов — обыкновенного и необыкновенного, особенного, для которого свойственны некоторые отклонения. Таким образом, порядок слов рассматривался только в связи с синтаксической структурой предложения, а следовательно, в отрыве от остальных его функций.

Настоящим толчком для развития проблематики порядка слов стало появление концепции актуального членения предложения, которой лингвисты обязаны чешскому языковеду Вилему Матезиусу, положившему начало современной теории порядка слов. Его концепция была принята как чешскими, так русскими лингвистами, его понятие темы и ремы было усовершенствовано и развито, например, Ф. Данешом, П. Адамецом, Я. Фирбасом и брненской школой. В русской традиции теории актуального членения уделяли внимание В. В. Виноградов, К. Г. Крушельницкая, И. И. Ковтунова, О. А. Лаптева, Н. С. Валгина, О. А. Крылова и С. А. Хавронова и др.

В оборот были введены новые понятия, как, например, «переход» между тематической и рематической частью, «коммуникативный динамизм» (Фирбас), которые дали возможность объяснить ряд фактов, не укладывающихся в традиционную дихотомию понятий темы и ремы. И хотя не все приверженцы теории актуального членения едины, например, в вопросах его бинарности и многоступенчатости, тем не менее, любая лингвистическая концепция, претендующая на консистентность и адекватность, должна считаться с теорией актуального членения.

Проблематика порядка слов рассматривалась и в других аспектах. Порядок слов

в русском и в чешском языке рассматривался с диахронной точки зрения (Л. А. Булаховский, И. И. Ковтунова, В. В. Иванов, Я. Гебауер, Ф. Травничек, А. Лампрехт, Я. Бауер). Изучение порядка слов в предложении языка более раннего периода дает возможность рассмотреть данный вопрос, его нормы и функции в диахронном аспекте, т. е. как явление, развивающееся исторически.

Кроме того, проблематика порядка слов рассматривалась в стилистическом аспекте (А. Н. Гвоздев, Б. М. Щербатский, П. Адамец), а также со статистической точки зрения (О. Б. Сиротина, Л. Углиржова).

В **третьей главе** нашей работы мы рассматриваем основные закономерности в порядке слов русского и чешского языка. При этом мы не ограничиваемся синтаксическими отрезками низшего уровня — словами и словосочетаниями, но обращаем внимание на более крупные компоненты — части предложений, отдельные предложения и сложные предложения. При этом мы рассматриваем данную проблематику в сравнительном плане, сопоставляя русский язык с чешским. Такой подход — от низших синтаксических ярусов к высшим, сравнивающий закономерности, действующие в русском и в чешском языках, кажется нам наиболее целесообразным. Рассматривая нормативный порядок слов, как область действия языковых законов, мы описываем также отступления от данных норм, проявляющиеся под действием различных факторов, различных задач и условий коммуникации. Мы демонстрируем функционирование данных закономерностей на примерах, взятых из известных чешских и русских произведений художественной литературы, преимущественно относящихся к последним 30 годам. Мы рассматриваем порядок расположения главных членов предложения, а также второстепенных членов относительно развиваемых слов. Мы выявляем сходства и различия в порядке слов русского и чешского языка. При этом мы уделяем внимание также коммуникативной функции, опираясь на теорию актуального членения.

Мы выделяем следующие различия в порядке слов русского и чешского языка:

- 1) Предикат в русском языке остается постпозитивен относительно субъекта и в том случае, если в начале предложения находится второстепенный детерминирующий член предложения, а субъект входит в тематическую часть.
- 2) В русском языке относительно часто встречается абсолютная препозиция предиката, несущего фразовое ударение, что особенно типично для стилизации разговорной речи или для повествования.
- 3) При препозиции определения с небольшим количеством зависимых слов перед определяемым словом для чешского языка характерно размещение данных зависимых слов в препозиции перед определением, в то время как в русском языке — между определением

и определяемым словом, т. е. использование интерпозиционного порядка слов.

4) При наличии нескольких несогласованных определений в чешском языке то из них, которое выражено существительным в родительном падеже, располагается контактно к определяемому слову, в то время как расположение несогласованных определений в русском языке вариабельно.

5) Для русского языка наиболее типично размещение обстоятельств образа действий, не являющихся непосредственной ремой предложения, в препозиции перед предикатом, в то время как в чешском языке для них более типична постпозиция.

6) Разные правила действуют в чешском и в русском языках при размещении дополнений, выраженных местоимениями. В то время как в чешском языке краткие формы личных местоимений энклитичны, т. е. их размещение руководствуется ритмическим принципом, в русском языке дополнения, выраженные личными местоимениями, чаще размещаются в постпозиции после предиката. В том случае, если предикат является ремой и несет фразовое ударение, то местоимения чаще всего препозитивны.

7) В русском языке рематическая часть может размещаться в середине предложения значительно чаще, чем в чешском.

8) В русском языке чаще встречается субъективный порядок слов.

Следующая, **четвертая глава** нашей работы посвящена спецификам и особенностям порядка слов в основных функциональных стилях русского и чешского языка. Кроме таких базовых стилей, как художественный, публицистический, научный, официально-деловой и разговорный, мы также рассматриваем порядок слов в относительно новых функциональных стилях — стиле электронных средств массовой информации, рекламном и церковно-религиозном стиле.

Говоря о **художественном стиле**, мы затрагиваем лишь некоторые его особенности, отражающиеся в нем, прежде всего, в последних десятилетиях. В нашей работе мы не рассматриваем поэзию, поскольку многочисленные изменения в порядке слов стихотворной речи часто вызваны требованиями метрической схемы, а не интересующими нас факторами.

Для прозаических художественных произведений характерно использование многих элементов разговорного стиля, в них часто используется структура неполных предложений — текстовый эллипсис, парцелляция предложений, использование субъективного порядка слов. Что касается порядка размещения синтаксических элементов более высокого уровня, для стиля некоторых авторов типично использование свободного присоединения предложений без эксплицитного выражения отношений между ними, то есть создание объемных синтаксических целых с большим количеством предложений в них, имитирующих монологическую речь.

Для **научного стиля** с присущей ему логичностью и последовательностью изложения характерно использование объективного порядка слов. Чаще всего мы здесь встречаемся с тематизацией ремы, то есть темой нового предложения становится рема предыдущего. Также для научного стиля характерно ослабление значения главного предложения в сложном предложении. Главное предложение часто по своему значению приближается к вводным словам модального значения, а также различного рода маркерам, указывающим на наличие гипотетичности, при этом рема размещается в придаточном предложении.

Необходимость последовательного и логичного изложения в научном стиле приводит к использованию ясной структурной организации, обеспечивающей четкость синтаксических связей даже в относительно больших отрезках. Сложносоставность синтаксиса научной речи проявляется, например, в использовании конденсации, а также номинативного оформления процесса или действия. Последнее проявляется в употреблении конструкций с «цепями», нанизыванием существительных в родительном падеже — явление, типичное и для **официально-делового стиля**.

Особенностью данного стиля может считаться увеличение размеров предложений, используемых в нем. Данное явление вызвано необходимостью точной, однозначной формулировки, не допускающей инотолкования. Для законодательных документов и контрактов характерно использование предложений, формально входящих в структуру одного предложения, но состоящих из отрезков, не отделенных друг от друга точками, при этом выражающих законченную мысль и оформленных в виде абзаца.

Наибольшее количество особенностей и специфик несет порядок слов **разговорной речи**. Для нее свойствен значительно более свободный порядок слов, чем для книжных стилей. Многие особенности порядка слов разговорного стиля определяются особенностями данного вида коммуникации — например, ее непосредственностью. В чешской и в русской разговорной речи часто встречается контекстовый и ситуационный синтаксис, наиболее часто данное явление наблюдается в диалогах. В ответных репликах часто опускаются самоочевидные сегменты, в силу своей смысловой избыточности элиминируется тема, обозначенная, например, в вопросе, сохраняется только наиболее значимое — рема.

Для русского языка наиболее типичен эллипсис субъектов, выраженных местоимениями, правовалентных компонентов, а также эллипсис глагольного предиката. В чешском языке подобные явления распространены в гораздо меньшей степени, не считая первое, являющееся нормой также в литературном языке. В разговорной речи чешского языка часто нарушается фонетический принцип порядка слов, что можно объяснить недостаточной коммуникационной перспективой предложения.

Неподготовленность высказывания разговорного стиля, его возникновение

непосредственно в момент речи несет с собой некоторые особенности, в том числе разорванность его структуры, парцелляцию; ассоциативное нанизывание слов, вызванное непосредственной сменой представлений; разрыв словосочетаний. В целом, для разговорного стиля русского и чешского языка свойствен определенный аграмматизм.

Важной чертой разговорного стиля является нарушение объективного порядка слов, не обязательно связанное с эмоциональным состоянием говорящего. Наиболее важные, значимые выражения размещаются в начале предложения, что связано с фонетическим, интонационным фактором — все, что находится в начале предложения, произносится более внятно, оно более различимо на слух и фонетически самостоятелно. В вопросительных предложениях, наоборот, часто встречается размещение вопросительного слова на последнем месте предложения, не типичном для него в литературной норме. Разговорному стилю присуще большое количество повторов и размытость границ между отдельными предложениями.

В целом, для разговорного стиля характерна большая свобода словорасположения, нарушение всевозможных норм, смещение даже таких частей речи, за которыми обычно закреплено строго определенное место.

Что касается **публицистического стиля**, для него типично использование как черт книжных стилей, так и экспансия разговорной речи. Довольно часто в русском и в чешском языках встречается парцелляция сложносочиненного предложения, сегментация — выделение части высказывания, использование инверсии, прежде всего в заголовках. В основной части статей предпочтение отдается нейтральному порядку слов, что иногда приводит к перемещению значительной части информационного содержания в тематическую часть.

Чрезвычайно пестр дискурс **рекламного стиля и стиля электронных СМИ**. Он приспособляется как предполагаемому реципиенту, так и содержанию (рекламируемому товару или объекту информирования). Уникальной чертой рекламных текстов является их аграмматизм, нарушение связей между словами в рамках предложения.

Отличительной чертой **церковно-религиозного стиля** является использование элементов порядка слов языка более раннего периода, намеренная архаизация текста, использование синтаксических библеизмов. Также среди синтаксических атрибутов, типичных для данного стиля можно назвать нанизывание однотипных конструкций, синтаксический параллелизм.

В **пятой главе** нашей работы мы привели наиболее типичные ошибки в порядке слов, совершаемые в русском и чешском языке носителями языка или возникающие при переводе. Таким образом, мы уделяем внимание также транслатологическому аспекту, рассматривая

основные случаи интерференции порядка слов при переводе. Данную область мы считаем особенно важной. Проанализировав примеры наиболее часто совершаемых ошибок в словорасположении, мы можем сделать вывод, что, хотя значительная их часть сделана под влиянием языка оригинала или из-за незнания норм порядка слов в целевом языке, тем не менее еще более значительное количество ошибок вызвано неакцептированием роли актуального членения предложения. Отчасти подобные ошибки также можно объяснить различием в нормах словоупотребления в изучаемых языках — русский язык допускает большую вариативность в размещении рематической части предложения, чем чешский, в котором расположение ремы на предпоследнем месте предложения или в его середине встречается значительно реже. Данное отличие необходимо принимать во внимание при переводе. Однако несравненно чаще нам встречались переводы, в которых переводчик, начинающий или профессиональный, игнорировал роль актуального членения предложения, размещая его компоненты таким образом, что значение переводимого высказывания было изменено. Подобные переводы часто характеризовались неоднозначностью, их понимание для реципиента было затруднено.

Интересен тот факт, что значительная часть ошибок в порядке слов в русском и в чешском языке имеет подобный характер. Так, например, в обоих языках появляются ошибки, совершенные под действием тенденции сохранять словосочетание; контактное расположение слов, которые грамматически способны образовать словосочетание; неверное присоединение придаточного определительного предложения.

Мы надеемся, что наше исследование может внести свой вклад в изучение проблематики порядка слов в русском и в чешском языках, прежде всего с транслатологической точки зрения, а наши заключения о спецификах порядка слов смогут быть полезными при переводе текстов разных стилей.

Resumé

Tato disertační práce se zaměřuje na jednu z nejkomplicovanějších syntaktických oblastí – na problematiku slovosledu. Pokusili jsme se o komplexní analýzu této problematiky v ruském a v českém jazyce.

Slovosled v ruštině a v češtině se chápe jako relativně volný, avšak tato volnost je typická pouze pro syntaktickou rovinu. Slovosled ovlivňuje celá řada faktorů, které působí současně: aktuální členění větné, kontext, emocionální stav mluvčího, ilokuční funkce, stylistické zabarvení výpovědi. Usilujeme proto o zohlednění všech zmíněných faktorů a o prozkoumání dané problematiky z hlediska všech aspektů.

První a druhá kapitola naší práce se zaměřuje na dosavadní slovosledný výzkum v ruském a v českém jazyce. Vidíme, že se při výzkumu této problematiky uplatňovaly obdobné metody a přístupy. Pro počáteční, formální etapu výzkumu (v naší práci ji zastupuje F. F. Fortunatov, A. M. Peškovskij, A. I. Smirnickij, J. Zubatý, V. Ertl) je typické vyčlenění dvou slovosledných typů: tradičního a zvláštního, vyznačujícího se určitými odchylkami. Slovosled tudíž byl zkoumán pouze v souvislosti se syntaktickou větnou strukturou, jeho ostatní funkce byly tedy opomíjeny.

Nový podnět pro rozvoj problematiky slovosledu přinesla koncepce aktuálního větného členění, za kterou lingvisté vděčí českému jazykovědci Vilému Mathesiovi. Stal se zakladatelem současné slovosledné teorie. Jeho koncepce byla přijata českými a ruskými jazykovědci, jeho chápání tématu a rématu bylo zdokonaleno a rozvíjeno dále např. F. Danešem, P. Adamcem, J. Firbasem a brněnskou školou funkční perspektivy. V ruské tradici s teorií aktuálního členění pracoval V. V. Vinogradov, K. G. Krušelnickaja, I. I. Kovtunova, O. A. Laptěva, N. S. Valgina, O. A. Krylova, S. A. Chavronina atd.

Byly zavedeny nové pojmy, např. *přechod* mezi tematickou a rematickou složkou, *komunikativní dynamismus* (J. Firbas), což pomohlo vysvětlit řadu faktů, které byly v rozporu s tradiční dichotomií tématu a rématu. Ačkoli zastánci dané teorie nejsou za jedno např. v otázkách jeho binarity a mnohoúrovňovosti, v dnešní době musí jakákoliv lingvistická koncepce, která se pokouší o konzistenci a adekvátnost, počítat s teorií aktuálního větného členění.

Problematika slovosledu byla zkoumána také z jiných hledisek. Slovosled v ruštině a češtině studovali z diachronního hlediska L. A. Bulachovskij, I. I. Kovtunova, V. V. Ivanov, J. Gebauer, F. Trávníček, A. Lamprecht, J. Bauer. Zkoumání slovosledu v jazyce staršího období umožňuje pohlédnout na tuto otázku z diachronní perspektivy jako na jev rozvíjející se historicky.

Slovosled byl zkoumán taky statisticky (O. B. Sirotinina, L. Uhlířová) a stylisticky (A. N. Gvozděv, B. M. Ščerbatskij, P. Adamec).

Ve třetí kapitole naší práce zkoumáme základní normy a zákonitosti slovosledu v ruštině a v češtině. V tomto výzkumu se neomezujeme na syntaktické úseky nižší úrovně (slova a slovní

spojení), ale zkoumáme také větší prvky (části vět, jednotlivé věty a souvětí). Zároveň na tuto problematiku pohlížíme v porovnávacím plánu ruštiny a češtiny. Podobný přístup, tedy zkoumání slovosledu ruštiny a češtiny počínaje nižšími syntaktickými vrstvami a konče těmi nejvyššími, považujeme za nejučelnější. Při popisu normativního slovosledu jakožto oblasti působení jazykových zákonů uvádíme také odchylky od těchto norem a také za jakých podmínek, při působení jakých faktorů k těmto odchýlkám dochází. Ukazujeme fungování daných zákonitostí na příkladech ze známých českých a ruských děl umělecké literatury. Tato díla pocházejí převážně z období posledních třiceti let. Zkoumáme slovosled hlavních a rozvíjejících větných členů, přičemž ukazujeme shody a rozdíly ve slovosledu ruštiny a češtiny. Při této analýze věnujeme pozornost také komunikativní funkci, tedy teorii aktuálního členění.

Vyčleňujeme následující rozdíly ve slovosledu ruštiny a češtiny:

1. Predikát v ruštině zůstává v postpozici za subjektem i v tom případě, kdy na začátku věty stojí determinant, přičemž subjekt je částí tématu:

В этот день он провел с ней несколько часов. (Улицкая) / Několik dní prožíval Vlk krizi. (Kohout)

2. V ruštině se poměrně často vyskytuje absolutní prepozice predikátu, na kterém je větný důraz, což je obzvláště typické pro stylizaci hovorové řeči nebo vyprávění:

Рассказывала Мур разбросанно, избирательно... (Улицкая)

3. Při prepozici atributu s menším množstvím rozvíjejících členů před řídicím slovem je pro češtinu typické umístění těchto rozvíjejících členů do prepozice před atributem, zatímco ruština dává přednost jejich umístění mezi atributem a řídicím slovem, tj. obmykání, interpozičnímu slovosledu:

Osoba z povolání, která vykonává na odsouzenci soudem vyslovený trest smrti. (Kohout) / ...не пускают Александру Эрнестовну к ее затерянному в веках возлюбленному. (Толстая)

4. Pokud je u řídicího slova několik neshodných atributů, v češtině je nutná kontaktní postpozice toho z nich, které je vyjádřené substantivem v genitivu. V ruštině je slovosled neshodných atributů variabilní:

odjezd sestry do Paříže / отъезд сестры в Париж, отъезд в Париж сестры

5. Pro ruštinu je typické umístění adverbialie způsobu do prepozice před predikátem. V češtině je častější postpozice:

Он почему-то весело засмеялся. (Улицкая) / Goethe nemůže mluvit špatně o svém pánu. (Kundera)

6. Odlišná pravidla upravují v ruštině a češtině umístění objektu vyjádřeného osobním zájmenem. V češtině mají krátké tvary osobních zájmen povahu příklonek, jejich umístění se tedy

řídí rytmickým principem, zatímco v ruštině následují osobní zájmena v postpozici za predikátem nebo mohou stát na začátku věty:

Zdálo se jí, že je v obklíčení dvou mužů... / Ей казалось, что она в окружении двух тайно объединившихся мужчин... (Kundera) / Перед отъездом он подарил мне микроскоп. (Улицкая)

Avšak v těch případech, kdy je predikát rématem a nese větný přízvuk, jsou zájmenné objekty v ruštině prepoziční:

Кто мне их подсунул? (Улицкая)

7. V ruštině se rematická část může umístit uprostřed věty. V češtině není tento jev obvyklý:

Палачу дважды удалось спастись от мстителей. (Акунин)

8. V ruštině se častěji vyskytuje subjektivní slovosled:

Хорошо ему было в его одиночестве... / Bylo mu dobře o samotě... (Толстая)

Čtvrtá kapitola této práce je věnována specifikům a zvláštnostem slovosledu v hlavních funkčních stylech ruštiny a češtiny. Kromě základních stylů jako je umělecký, publicistický, odborný, administrativní a hovorový, zkoumáme slovosled v poměrně nově vyčleněných funkčních stylech: v reklamním stylu, náboženském stylu a ve stylu elektronických masmédií.

Při popisu uměleckého stylu se zmiňujeme jen o některých jeho slovosledných zvláštnostech, které se v něm projevují především v období posledních desetiletí. V naší práci se nevěnujeme slovosledu poetických děl, který je často ovlivněn požadavky metrického rozměru, nikoliv námi zkoumanými faktory.

Pro prozaická umělecká díla je typické použití prvku hovorové řeči, v nich se často objevuje neúplná větná stavba – textová elipsa, parcelace, používá se subjektivní slovosled. Co se týče umístění syntaktických prvků vyšších úrovní, pro některé autorské styly je typické volné připojení vět bez explicitního vyjádření vztahů mezi nimi, tedy vytvoření rozsáhlých syntaktických celků s velkým počtem vět uvnitř nich. Podobné celky mají napodobovat monologickou řeč.

Pro odborný styl je charakteristický logický a důsledný výklad, což je spojeno s volbou objektivního slovosledu. Typickým jevem je zde tematizace rématu, tedy tématem nové věty se stává réma věty předchozí. Pro souvětí v odborném stylu je typické oslabení významu hlavní věty, který se tak přibližuje modálním vsuvkám a ukazatelům hypotetičnosti. Réma se pak nachází ve vedlejší větě.

Nutnost důsledného a logického výkladu v odborném stylu má za následek složitou syntaktickou strukturu, což zajišťuje jasnost syntaktických vztahů dokonce v poměrně rozsáhlých úsecích. Podobná složitá syntaktická struktura se projevuje např. v použití komprese nebo v nominativním vyjádření procesu nebo děje. Poslední úkaz se projevuje ve výskytu konstrukcí

s „řetězy“ substantiv v genitivu. Tento jev je typický i pro administrativní styl.

Specifikum tohoto stylu vidíme v růstu větných rozměrů. Podobný nárůst je motivován nutností přesné a jednoznačné motivace, která nenechává prostor pro odlišný výklad. Pro legislativní a obchodní dokumenty je typické použití vět, které formálně tvoří jedno souvětí, avšak skládají se z úseků neoddělených tečkami, zároveň ale vyjadřují celostní myšlenku a tvoří odstavec.

Největší množství zvláštností a odchylek od normy se projevuje v hovorovém stylu. Pro něj je typický mnohem volnější slovosled než pro tzv. knižní styly. Mnohé tyto zvláštnosti jsou dány specifiky tohoto typu komunikace, především její bezprostředností. V ruském a českém hovorovém stylu se často vyskytuje kontextová a situační elipsa, nejpříznačnější je to v dialogové řeči. V odpovědích se často vynechávají očividné segmenty, kvůli své významové zbytečnosti se často eliminuje téma, které je obsažené v předchozí otázce. Zachovává se pouze to nejdůležitější a nejpodstatnější, tedy réma.

Pro ruštinu je charakteristická elipsa zájmených subjektů, pravovalenčních komponentů a elipsa slovesného predikátu. V češtině jsou tyto jevy ojedinělé (kromě elipsy zájmených subjektů, která je normou spisovného jazyka). V hovorové češtině se poměrně často porušuje fonetický slovosledný princip, což lze vysvětlit nedostatečnou komunikační perspektivou výpovědi, tedy její nepřipraveností.

Nepřipravenost výpovědi v hovorové řeči, její vznik bezprostředně v okamžiku reprodukce má za následek některé zvláštnosti, např. rozčlenění její struktury, tedy parcelaci, asociativní řetězení slov, vyvolané bezprostřední změnou představ, rozčlenění slovních spojení. Celkově je pro hovorovou ruštinu a češtinu typická určitá míra agramatismu.

Důležitým rysem hovorového stylu se jeví odstoupení od objektivního slovosledu, které není vždy motivováno emocionálním zabarvením. Nejdůležitější, nejpodstatnější informace se umísťují na začátek věty, což lze vysvětlit z fonetického, intonačního hlediska. Všechno, co se nachází na začátku věty, se vyslovuje zřetelněji, je lépe slyšitelné a foneticky samostatné. V tázacích větách se na rozdíl od spisovné normy objevuje tázací slovo na konci. Hovorovému stylu je vlastní velké množství opakování a neurčitost hranic mezi jednotlivými větami.

Celkově je pro hovorový styl typická větší slovosledná volnost, porušení norem spisovného jazyka, možnost manipulace dokonce s takovými slovními druhy, které většinou mají své přesně stanovené místo ve větě.

Pro publicistický styl je typické smíšení prvků knižních stylů a hovorové řeči. V ruském a českém publicistickém stylu se poměrně často vyskytuje parcelace souřadného souvětí, segmentace – vyčlenění části výpovědi, subjektivní slovosled, především v titulcích k článkům. V samotných člancích se častěji dává přednost objektivnímu slovosledu dokonce v takových případech, kdy pro jeho zachování je nutné přemístit podstatnou část informačního obsahu do

tematické složky.

Velmi rozmanitý je diskurz reklamního stylu a stylu elektronických masmédií. Přizpůsobuje se potenciálnímu recipientovi na straně jedné a obsahu (zboží nebo objektu řeči). Unikátním rysem reklamních textů je jejich agramatismus.

Náboženský styl velmi často dává přednost archaickým slovosledným prvkům a použití syntaktických biblismů. K syntaktickým atributům tohoto stylu můžeme zařadit také použití stejnorodých vazeb, syntaktického paralelismu.

V páté kapitole této disertační práce uvádíme příklady typických chyb ve slovosledu, kterých se dopouštějí rodilí mluvčí, a také těch, které vznikají při překladu z ruštiny do češtiny a opačným směrem. Zaměřujeme se tedy na translatologický aspekt, zkoumáme hlavní případy slovosledné interference. Tuto oblast považujeme za obzvlášť důležitou. Systematizovali jsme příklady nejrozšířenějších slovosledných chyb a došli jsme k závěru, že ačkoli je jejich podstatná část způsobena vlivem jazyka originálu nebo neznalostí slovosledných norem cílového jazyka, mnohem větší množství chyb je následkem ignorování role aktuálního větného členění. Podobné chyby mohou být částečně vysvětleny rozdíly ve slovosledných normách zkoumaných jazyků (ruština např. toleruje větší volnost při umístění tematické složky než čeština, ve které se téma dává na předposlední místo ve větě mnohem vzácněji). Avšak velmi často v chybných překladech byla ignorována role aktuálního větného členění, umístění jeho částí zkreslovalo význam původní výpovědi. Podobné překlady byly nejednoznačné a jejich pochopení pro recipienta bylo poněkud zkomplikováno.

Došli jsme k závěru, že podstatná část slovosledných chyb má v ruštině a češtině podobnou povahu. Např. v obou jazycích se objevují chyby, za kterými stojí snaha o zachování obvyklého slovního spojení, objevuje se kontaktní umístění slov, která jsou schopna gramaticky vytvořit slovní spojení, dochází ke špatnému připojení vedlejší věty přívlaskové.

Doufáme, že naše práce může být přínosná pro výzkum problematiky slovosledu v ruštině a v češtině, především z translatologického hlediska. Rovněž se domníváme, že naše závěry týkající se specifik ruského a českého slovosledu najdou využití při překladu textů různých stylů.

Seznam literatury:

ADAMEC, P. K rozdílu mezi českým a ruským slovosledem. In: *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*. Red. B. Havránek. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1956. s 180-198.

ADAMEC, P. *Порядок слов в современном русском языке*. Ročník 76. Sešit 15. Praha: Academia, Rozpravy Československé akademie věd, 1966. 96 s.

BALÁŽ, G., kol. *Современный русский язык в сопоставлении со словацким: морфология*. 1. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladatelstvo, 1989. 376 s. ISBN 80-08-00020-1.

BARNETOVÁ, V., kol. *Русская грамматика 2*. Praha: Academia, 1979. 1144 s.

BAUER, J., GREPL, M. *Skladba spisovné češtiny*. 2. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 244 s.

BEČKA, J. V. *Česká stylistika*. 1. vyd. Praha: Academia, 1992. 468 s. ISBN 80-200-0020-8.

BEČKA, J. V. *Jazyk a styl novin*. 1. vyd. Praha: Novinář, 1973. 218 s.

BEČKA, J. V. *Úvod do české stylistiky*. Praha: Nakladatelství Ing. Rudolfa Mikuty, 1948. 470 s.

BEDNÁŘ, V. *Internetová publicistika*. Praha: Grada Publishing, 2011. 216 s. ISBN 978-80-247-3452-1.

BENEŠOVÁ, E. O sémantickém charakteru českého slovosledu. In: *Slovo v slovesnost*. Red. B. Havránek. R. XXIX. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1988. s. 34-40. ISSN 0037-7031.

BUTTKE, K. *Gesetzmäßigkeiten der Wortfolge im Russischen*. Halle: Niemeyer, 1969. 122 s.

ČECHOVÁ, M, KRČMOVÁ, M, MINÁŘOVÁ, E. *Současná stylistika*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. 382 s. ISBN 978-80-7106-961-4.

ČERNÝ, J. *Dějiny lingvistiky*. 1. vyd. Olomouc: Votobia, 1996. 520 s. ISBN 80-85885-96-4.

ČMEJRKOVÁ, S. *Reklama v češtině*. Praha: Leda, 2006. 260 s. ISBN 80-85927-75-6.

DANEŠ, F. Co drží text pohromadě a dává mu smysl. In: Čmejrková S., Daneš, F., Světlá J. *Jak napsat odborný text*. Praha: Leda, 1999. s. 105-160. ISBN 80-85927-69-1.

DANEŠ, F. *Intonace a věta ve spisovné češtině*. 1. vyd. Red. B. Havránek. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1957. 164 s.

DANEŠ, F. K otázce pořádku slov v slovanských jazycích. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. XX. ročník. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1959. s. 1-10.

DANEŠ, F., HLAVSA, Z., kol. *Větné vzorce v češtině*. 1. vyd. Praha: Academia, 1981. 272 s.

DANEŠ, F., HLAVSA, Z., GREPL, M., kol. *Mluvnice češtiny. (3.) Skladba*. 1. vyd. Praha: Academia, 1987. 748 s.

DOKULIL, M., DANEŠ, F. K t. zv. významové a mluvnické stavbě věty. In: *O vědeckém poznání soudobých jazyků*. 1. vyd. Red. A. Dostál. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1958. s. 231-246.

DUŠKOVÁ, L. Vztahy mezi sémantikou a aktuálním členěním z pohledu anglistických členů Pražského lingvistického kroužku. In: *Slovo v slovesnost*. Red. J. Kořenský. R. 69. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 2008. s. 67-77. ISSN 0037-7031.

ERTL, V.. *Gebaurova mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské. II. skladba*. 9. vyd. Praha: Nakladatelství Československé grafické unie, 1926. 276 s.

FIRBAS, J. Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective. In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. s. 11-37.

FIRBAS, J. a) Some notes on the problem of English word order from the point of view of actual sentence analysis. In: *Collected works of Jan Firbas. Volume One (1951-1967)*. 1. vyd. Red. A. Svoboda, J. Chamonikolasová, L. Urbanková. Brno: Masaryk University Press, 2010, sv. 1, s. 65-83. ISBN 978-80-210-5128-7.

FIRBAS, J. b) Some thoughts on the function of word order in Old English and Modern English. In: *Collected works of Jan Firbas. Volume One (1951-1967)*. 1. vyd. Red. A. Svoboda, J. Chamonikolasová, L. Urbanková. Brno: Masaryk University Press 2010, sv. 1, s. 88-116. ISBN 978-80-210-5128-7.

FLÍDROVÁ, H. Ke specifickým rysům hovorové ruštiny v rovině syntaktické. In: *Informační bulletin ČAR*. č. 4. Jindřichův Hradec: Agrodat, 1992. s. 35-38.

FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. 1. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého, 2005. 163 s. ISBN 802-4411-040.

GEBAUER, J. *Historická mluvnice jazyka českého. Díl IV. Skladba*. Praha: Česká akademie věd a umění, 1929. 764 s.

GREPL, M., kol. *Příruční mluvnice češtiny*. 2. vyd. Brno: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. 800 s. ISBN 978-80-7106-624-8.

HAJIČOVÁ, E. Teorie optimality a aktuální členění větné. In: *Slovo v slovesnost*. Red. J. Kořenský. R. LXI. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 2000. s. 161-169. ISSN 0037-7031.

HAVRÁNEK, B., JEDLIČKA, A. *Česká mluvnice*. 1. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960. 488 s.

JEDLIČKA, A., FORMÁNKOVÁ, V., REJMÁNKOVÁ, M. *Základy české stylistiky*. 1. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1970. 224 s.

JELÍNEK, M. Stylistika. In: *Příruční mluvnice češtiny*. 2. vyd. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996. s. 701-782. ISBN 807-106-134-4.

KOPEČNÝ, F. Česká mluvnice. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. R. XXIII. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1962. s. 46-58.

KOPEČNÝ, F. *Základy české skladby*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 336 s.

KRAUS, J. Jazyk hospodářských dokumentů a písemností. In: *Český jazyk na přelomu tisíciletí*.

Praha: Academia, 1997. s. 92-96. ISBN 80-200-0617-6.

KRČMOVÁ, M. Současná běžná mluva v českých zemích. In: *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, 1997. s. 160-172. ISBN 80-200-0617-6.

KŘÍŽKOVÁ, H. Problémy českého a ruského slovosledu. In: *Kniha o překládání*. Red. J. Moravec. 1. vyd. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. s. 280-298.

KUBÍK, M., kol. *Синтаксис русского языка*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1974. 206 s.

LAMPRECHT, A., ŠLOSAR, D., BAUER, J. *Historická mluvnice češtiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1986. 424 s.

LEVÝ, J. *Umění překladu*. Praha: Ivo Železný, 1983. 398 s.

MATHESIUS, V. O tak zvaném aktuálním členění větě. In: *Čeština a obecný jazykozpyt*. 1 vyd. Praha: Melantrich, 1947. s. 234-242.

MATHESIUS, V. O tak zvaném aktuálním členění věty. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek a V. Mathesius. V. ročník. Praha: Melantrich, 1939. s. 171-174.

MATHESIUS, V. Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbou. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek a V. Mathesius. VII. ročník. Praha: Melantrich, 1941. s. 37-40.

MATHESIUS, V. *Čeština a obecný jazykozpyt*. 1. vyd. Praha: Melantrich, 1947. 456 s.

MINÁŘOVÁ, E. *Stylistika pro žurnalisty*. Praha: Grada Publishing, 2011. 296 s. ISBN 978-80-247-2979-4.

MISTRÍK, J. *Štylistika*. 2. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1989. 584 s.

MÜLLEROVÁ, O. *Mluvený text a jeho syntaktická výstavba*. Praha: Academia, 1994. 146 s. ISBN 80-200-0489-0.

NEKVAPIL, J. *Periferní výpovědní realizace větných struktur (parcelované struktury)*. Autoreferát disertace. Praha: Československá akademie věd, 1982. 21 s.

SEIDLOVÁ, I. Časové a místní určení ve slovosledu anglické a české věty. In: *Slovo v slovesnost*. Red. M. Tešitelová. R. XLIII. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1982. s. 294-302. ISSN 0037-7031.

SGALL, P., kol. *Úvod do syntaxe a sémantiky. Některé nové směry v teoretické lingvistice*. Red. M. Dokulil. 1. vyd. Praha: Academia, 1986. 200 s.

SGALL, P., HAJIČOVÁ, E., BURÁŇOVÁ, E. *Aktuální členění věty v češtině*. 1. vyd. Red. J. Firbas. Praha: Academia, 1980. 172 s.

SRPOVÁ, H. Reklama zaměřená na děti. In: *Komunikace – Styl – Text. Sborník z mezinárodní lingvistické konference České Budějovice 20.-22. září 2005*. České Budějovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, 2006. s. 61-65. ISBN 80-7040-819-7.

SVOBODA, A. *Kapitoly z funkční syntaxe*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989. 160 s.

SVOBODA, A. On two communicative dynamisms. In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. s. 38-42.

ŠMILAUER, V. Pořádek slov. In: *O češtině pro Čechy*. Red. F. Daneš. 2. vyd. Praha: Orbis, 1963. s. 264-278.

ŠMILAUER, V. *Novočeská skladba*. 2. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1966. 574 s.

ŠTÍCHA, F., kol. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013. 972 s. ISBN 978-80-200-2205-9.

TRÁVNÍČEK, F. *Historická mluvnice česká. III. Skladba*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1956. 200 s.

TRÁVNÍČEK, F. *Mluvnice spisovné češtiny. Část II. Skladba*. 1. vyd. Praha: Slovanské nakladatelství, 1951. 1500 s.

TRÁVNÍČEK, F. O tak zvaném aktuálním členění větném. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. XXII. ročník. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1961. s. 163-171.

TRÁVNÍČEK, F.. Slovosled při důrazu. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek a V. Mathesius. V. ročník. Praha: Melantrich, 1939. s. 131-144.

TRÁVNÍČEK, F.. Základy československého slovosledu. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek a V. Mathesius. III. ročník. Praha: Melantrich, 1937. s. 78-86.

UHLÍŘOVÁ, L. Aktuální členění a styl jazykových projevů (na materiále z publicistických textů). In: *Slovo a slovesnost*. Red. M. Těšitelová. R. XLIV. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1983. s. 284-294.

UHLÍŘOVÁ, L. Aktuální členění v současné generativní teorii. In: *Slovo v slovesnost*. Red. B. Havránek. R. XXXIII. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1972. s. 37-43.

UHLÍŘOVÁ, L. *Knížka o slovosledu*. 1. vyd. Praha: Academia, 1987. 164 s.

UHLÍŘOVÁ, L. K statistickému zkoumání slovosledu. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. XXVIII. ročník. Praha: Academia, nakladatelství československé akademie věd, 1967. s. 64-70.

UHLÍŘOVÁ, L. Nová význačná práce o ruském slovosledu. In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. XXXII. Ročník. Praha: Academia, 1971. s. 163-168.

UHLÍŘOVÁ, L. On the role of statistics in the investigation of FSP. In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. s. 208-216.

UHLÍŘOVÁ, L. Vztah syntaktické funkce větného členu a jeho místa ve větě (metody a výsledky statistického zkoumání). In: *Slovo a slovesnost*. Red. B. Havránek. XXX. ročník. Praha: Academia, nakladatelství československé akademie věd, 1969. s. 358-370.

VYCHODILOVÁ, Z. *Výrazové prostředky textové soudržnosti v češtině v porovnání s ruštinou*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008. 300 s. ISBN 978-80-244-2067-7.

VYCHODILOVÁ, Z. *Výrazová úspornost v syntaxi současné ruštiny*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. 180 s. ISBN 978-80-244-2886-4.

ZUBATÝ, J. Úvahy. In: *Listy filologické*. XXVIII. Red. J. Gebauer. Praha: Unie, 1901. s. 129-134.

ZUBATÝ, J. Srovnávací skladba jazyků indoevropských. In: *Studie a články. Výklady tvaroslovné, syntaktické a jiné*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1954. Sv. 2, s. 7-44.

ŽAŽA, S. K postavení přívlastku. In: *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*. Red. B. Havránek. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1956. s. 162-179.

ŽAŽA, S. *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno: Masarykova Univerzita, 1999. ISBN 80-210-2058-X. 122 s.

Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 606 s. ISBN 978-80-7106-484-8.

Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960. 484 s.

АДАМЕЦ, П. *Образование предложений из пропозиций в современном русском языке*. Praha: Univerzita Karlova, 1978. 160 с.

БУЛАХОВСКИЙ, Л. А. *Русский литературный язык первой половины XIX века*. 2-е издание. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954. 468 с.

ВАЛГИНА, Н. С. *Синтаксис современного русского языка*. Редактор Н. А. Захарова. 2-е издание. Москва: Высшая школа, 1978. 440 с.

ВАННИКОВ, Ю. В. *Явление парцелляции в современном русском языке*. Автореферат диссертации. Москва, 1965.

ВАСИЛИШИНА, Т. И., ЛЕОНОВА, Э. Н. *Грамматика русского языка. Корректировочный*

курс. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2004. 232 с.

ВИНОГРАДОВ, В. В. *Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. 704 с.

ВИНОГРАДОВ, В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка). In: *Вопросы языкознания*. Ред. Виноградов В. В. №1. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954 с. 3-29.

ГВОЗДЕВ, А. Н. *Очерки по стилистике русского языка*. Редактор С. Г. Бархударов. 3-е издание. Москва: Просвещение, 1965. 408 с.

ГВОЗДЕВ, А. Н. *Современный русский язык. Часть II. Синтаксис*. Редактор Г. Н. Лебедев. 3-е издание. Москва: Просвещение, 1968. 344 с.

ДМИТРИЕВ, А. Н. Об употреблении термина «инверсия». In: *Романское и германское языкознание*. Минск 1976. с. 1-9.

ЗЕМСКАЯ Е. А. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва: Русский язык, 1979. 240 с.

ЗОЛотова, Г. А., ОНИПЕНКО, Н. К., СИДорова, М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: РАН, 2004. 544 с. ISBN 5-88744-050-3.

ИВАНОВ, В. В. *Историческая грамматика русского языка*. 2-е издание. Москва: Просвещение, 1983. 400 с.

ИСАЧЕНКО, А. В. О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках. In: *Вопросы языкознания*. № 66. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. с. 48-65.

ИСАЧЕНКО, А. В. О грамматическом порядке слов. In: *Вопросы языкознания*. № 6. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1966. с. 27-34.

ЙОКОЯМА, О. *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*. Перевод Г. Е. Крейдлина. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 424 с. ISBN 5-9551-0057-1.

КАРА-МУРЗА, Е. С. О бедной рекламе замолвите слово. In: *Журналистика и культура русской речи*. Москва: МГУ, 1997. Вып. 3. с. 64-70.

КОВТУНОВА, И. И. *Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в.* Ред. В. В. Виноградов. Москва: Наука, 1969 г. 232 с.

КОВТУНОВА, И. И. Актуальное членение предложения и система языка (на материале русского языка). In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. с. 142-151.

КОВТУНОВА, И. И. *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. 2-е издание. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 240 с. ISBN 5-354-00035-1.

КОЖИНА, М. Н., ДУСКАЕВА, Л. Р., САЛИМОВСКИЙ, В. А. *Стилистика русского языка*. Москва: Флинта, Наука, 2008. 464 с. ISBN 978-5-9765-0256-7.

КОНСТАНТИНОВА, Л. А. и кол. *Нормы русского литературного языка*. 2-е издание. Тула: ТулГУ, 2006. 170 с.

КОСТОМАРОВ, В. Г. *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*. Москва: Гардарики, 2005. 288 с. ISBN 5-8297-0220-7.

КОХТЕВ, Н. Н. *Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов*. Москва: Издательство МГУ, 1997. 96 с. ISBN 5-211-03658-1.

КРУШЕЛЬНИЦКАЯ, К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. In: *Вопросы языкознания*. Ред. В. В. Виноградов. №5. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. с. 55-67.

КРЫЛОВА, О. А., ХАВРОНИНА, С. А. *Порядок слов в русском языке*. 2-е издание. Москва: Русский язык, 1984. 240 с.

КУДАШИНА, В. Л. *Коммуникативные функции порядка синтаксических сегментов в современном русском языке*. Ставрополь, 2003. 150 с. Кандидатская диссертация. Научный руководитель Ю. И. Леденев.

ЛАПТЕВА, О. А. *Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Москва: УРСС, 2001. 518 с. ISBN 5-8360-0204-5.

ЛАПТЕВА, О. А. Некоторые понятия теории актуального членения применительно к изучению высказывания в разговорной речи. In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. с. 152-171.

ЛАРИОХИНА, Н. М. *Вопросы синтаксиса научного стиля речи*. Москва: Русский язык, 1979. 234 с.

ЛИПАТОВА, В. Ю. Реклама. In: *Педагогическое речеведение: Словарь-справочник*. Москва: Флинта, Наука, 1998. с. 183-184.

ЛОМОНОСОВ, М. В. *Российская грамматика*. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1755. 214 с.

МЕЛЬНИЧУК, А. С. *Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках*. Киев: Издательство академии наук Украинской ССР, 1958. 64 с.

МИТРОФАНОВА, О. Д. *Научный стиль речи: проблемы обучения*. Москва: Русский язык, 1976. 200 с.

МИТРОФАНОВА, О. Д. *Язык научно-технической литературы*. Москва: Издательство Московского университета, 1973. 148 с.

МУХИН, А. М. *Функциональный анализ синтаксических элементов*. Редактор Р. Г. Пиотровский. Москва — Ленинград: Наука, 1964. 292 с.

МУЧНИК, Б. С. *Письменная передача мысли*. Алма-Ата, 1973. 238 с.

НОВИКОВ, Л. А., ЗУБКОВА, П. Г., ИВАНОВ, В. В., кол. *Современный русский язык*. Санкт-

Петербург: Лань, 1999. 864 с. ISBN 5-8114-0128-0.

ПЕШКОВСКИЙ, А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. Редактор А. Б. Шапиро, Л. А. Чешко. 7-е издание. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.

ПУМПЯНСКИЙ, А. Л. *Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе*. Москва: Наука, 1974. 248 с.

РАСПОПОВ, И. П. *Строение простого предложения в современном русском языке*. Москва: Просвещение, 1970. 192 с.

РОГОВА, К. А. *Синтаксические особенности публицистической речи*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. 72 с.

РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э. *Практическая стилистика русского языка*. 5-е издание. Москва: Высшая школа, 1987. 400 с.

РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., КОХТЕВ, Н. Н. *Язык рекламных текстов*. Москва: Высшая школа, 1981. 180 с.

РЫБАЧЕВА, Л. В. ВАХТЕЛЬ, Н. М. *Русская разговорная речь*. Воронеж: ВГУ, 2006. 36 с.

СИРОТИНИНА, О. Б. Об актуальном членении в разговорной речи. In: *Papers on functional sentence perspective*. Red. F. Daneš. Praha: Academia, Nakladatelství československé akademie věd, 1974. с. 172-174.

СИРОТИНИНА, О. Б. *Порядок слов в русском языке*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965. 172 с.

СМИРНЦКИЙ, А. И. *Синтаксис английского языка*. Редактор В. В. Пассек. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 286 с.

СОЛГАНИК, Г. Я. О языке и стиле газеты. In: *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. [online]. Москва: Издательство МГУ, 2003. [цит. 13.6.2012]. Доступно с:

<<http://evartist.narod.ru/text12/01.htm>>.

СОЛГАНИК, Г. Я. *Стилистика текста*. Москва: Флинта, Наука, 2009. 256 с. ISBN 978-5-89349-008-4.

ТОМАШЕВСКИЙ, Б. В. *Стилистика*. 2-е издание. Ленинград: ЛГУ, 1983. 288 с.

ФОРТУНАТОВ, Ф. Ф. *Избранные труды*. Том 1. Редактор М.Н. Петерсон, П. С. Кузнецов, А. Н. Робинсон. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 452 с.

ФОРТУНАТОВ, Ф. Ф. *Избранные труды*. Том 2. Редактор М.Н. Петерсон, П. С. Кузнецов, А. Н. Робинсон. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 472 с.

ЧУРИЛОВА, Н. З. Из наблюдений над эллиптическим словоупотреблением в ситуациях разговорной речи (безобъектное употребление некоторых глаголов). In: *Вопросы синтаксиса русского языка*. Калуга: КГУ, 1969. с. 71-75.

ШАХМАТОВ, А. А. *Сборник статей и материалов*. Редактор С. П. Обнорский. Выпуск 3-ий. Москва — Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1947. 476 с.

ШАХМАТОВ, А. А. *Синтаксис русского языка*. Санкт-Петербург: ЛКИ, 2007. 624 с. ISBN 978-5-382-00295-8.

ШВЕДОВА, Н. Ю., кол. *Русская грамматика. Том II. Синтаксис*. Москва: Наука, 1980. 714 с.

ШЕЛЯКИН, М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Русский языка, 2001. 288 с. ISBN 5-200-03024-2.

ЩЕРБА, Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. Редактор М. И. Матусевич и Л. А. Чешко. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 188 с.

ЩЕРБАТСКИЙ, Б. М. *Занятия по стилистике в старших классах средней школы*. Редактор Л. А. Чешко. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. 184 с.

Материалы исследования:

Произведения чешских авторов и их переводы на русский язык:

AJVAZ, M. *Druhé město*. Brno: Petrov, 2005. 172 s. – *Другой город*. Перевод Екатерины Бобраковой-Тимошкиной. Санкт-Петербург: «Азбука», 2004. 384 с.

KOHOUT, P. *Katyně*. Praha: Akademia, 2008. 360 s. – *Палачка*. Перевод Е. Вихревой и В. Прусакова. Москва: «Текст», 1994. 446 с.

KUBÁNEK, R. *Bezceští*. Praha: Mladá fronta, 2003. 120 s. ISBN 802041066X.

KUNDERA, M. *Nesmrtelnost*. Brno: Atlantis, 1993. 352 s. – *Бессмертие*. Перевод Нины Шульгиной. Санкт-Петербург: «Азбука», 1996.

KUNDERA, M. *Nesnesitelná lehkost bytí*. Brno: Atlantis, 2006. 344 s. – *Невыносимая легкость бытия*. Перевод Нины Шульгиной. Санкт-Петербург: «Амфора», 2000. 352 с.

KUNDERA, M. *Valčík na rozloučenou*. Brno: Atlantis, 1997. 248 s. – *Вальс на прощание*. Перевод Нины Шульгиной. Санкт-Петербург: «Азбука», 2011. 272 с.

NEFF, O. *Milénium*. Brno: Millennium Publishing, 2007. 308 s. ISBN 978-80-86201-65-1.

NĚMCOVÁ, V. *Babička*. Praha: Omega, 2013. 224 s. ISBN 978-80-7390-049-6.

SVĚRÁK, Z. *Povídky*. Praha: Fragment, 2008. 108 s. ISBN 978-80-253-0761-8.

VACULÍK, L. *Jak se dělá chlapec*. Brno: Atlantis, 1993. 248 s. ISBN 80-7108-074-8.

VIEWEGH, M. *Báječná léta pod psa*. Praha: Český spisovatel, 1994. 224 s. – *Лучшие годы – псу под хвост*. Перевод Нины Шульгиной. Москва: Иностранка, 2003. 448 с.

VIEWEGH, M. *Uybíjená*. Brno: Petrov, 2004. 214 s. – *Игра на вылет*. Перевод Нины Шульгиной. Москва: Гелеос, 2007. 324 с.

VIEWEGH, M. *Zapisovatelé otcovské lásky*. Brno: Druhé město, 2008. 182 s. – *Летописцы отцовской любви*. Перевод Нины Шульгиной. Москва: Иностранка, 2003. 448 с.

Произведения русских авторов и их переводы на чешский язык:

АКСЕНОВ, В. *Новый сладостный стиль*. Москва: Эксмо-пресс, 1997. 656 с. ISBN 5-94661-019-8.

АКСЕНОВ, В. *Таинственная страсть*. Москва: Семь дней, 2009. 118 с. ISBN 978-5-88149-375-2.

АКУНИН, Б. *Статский советник*. Москва: Захаров, 2009. 352 с. ISBN 978-5-8159-0936-6.

- АСТАФЬЕВ, В. Обертон. In: *Новый мир*. № 8. Москва: Новый мир, 1996. с. 5-76.
- БАКЛАНОВ, Г. Я. *Жизнь, подаренная дважды*. Москва: Вагриус, 1999. 446 с.
- БЕЛОУСОВА, В. *Второй выстрел*. Москва: Вагриус, 2000. 368 с. ISBN 5-264-00227-4.
- БЕРДЯЕВ, Н. *Самопознание. Опыт философской автобиографии*. Москва: Международные отношения, 1990. 336 с. - *Vlastní životopis*. Překlad M. Válková. Olomouc: Refugium Velehrad – Roma, 2005. 440 s. ISBN: 80-86715-44-2.
- БЕРСЕНЕВА, А. *Полет над разлукой*. Москва: Эксмо, 2010. 448 с. ISBN 978-5-699-46280-3.
- БИТОВ, А. *Жизнь в ветреную погоду*. Москва: Вагриус, 1991. 624 с. ISBN 5-280-01317-X.
- БЫКОВ, В. *Бедные люди*. Москва: Вагриус, 2002. 464 с. ISBN 5-264-00808-6.
- БЫКОВ, Д. *Орфография*. Москва: Прозаик, 2010. 736 с. ISBN 978-5-91631-075-7.
- ВАЛЕЕВА, М. *Кусаки, рыжий бес*. Москва: Наука и жизнь, 2008. № 8, с. 132-139, № 9 с. 128-136, № 10, с. 124-131, №11, с. 138-145.
- ГЕЛАСИМОВ, А. *Дом на Озерной*. Москва: Эксмо, 2009. 256 с. ISBN 978-5-699-39039-7.
- ГРЕКОВА, И. *Знакомые люди*. Москва: Астрель, 2010. 384 с. ISBN 978-5-17-066361-3.
- ГРИШКОВЕЦ, Е. *Одновременно*. Москва: Махаон, 2010. 100 с. ISBN 978-5-389-00630-0.
- ДОМБРОВСКИЙ, Ю. *Факультет ненужных вещей*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 544 с. ISBN 5-352-00415-5.
- ДУРНОВ, Л. *Жизнь врача. Записки обыкновенного человека*. Москва: Вагриус, 2001. 368 с. ISBN 5-264-00530-3.
- КОЗЫРЕВА, Е. *Дамская охота*. Москва: Вагриус, 2001. 384 с. ISBN 5-264-00531-1.
- КРАПИВИН, В. *Трое с площади Карронад*. Москва: Издательский дом Мещерякова, 2013. 256 с. ISBN 978-5-91045-596-6.
- КУРКОВ, А. *Школа котовоздухоплавания*. Харьков: Фолио, 2007. 36 с. ISBN: 978-966-03-3554-7.
- ЛИМОНОВ, Э. *У нас была великая эпоха*. Москва: Амфора, 2002. 36 с. ISBN: 5-94278-345-4.
- ЛУКЬЯНЕНКО, С. *Ночной дозор*. Москва: АСТ, 2006. 382 с. ISBN 5-17-025476-8.
- ОСИПОВ, С. *Страсти по Фоме*. Москва: Локид Премиум, 2009. 336 с. ISBN 978-5-98601-054-0.
- ОТРОШЕНКО, В. *Тайная история творений*. Москва: Культурная революция, 2005. 184 с. ISBN 5-902764-05-X.
- ПЕЛЕВИН, В. *S.N.U.F.F.* Москва: Эксмо, 2011. 480 с. ISBN 978-5-699-53-962-8.
- ПЕЛЕВИН, В. *Жизнь насекомых*. Москва: Агентство ФТМ, 2013. 240 с. ISBN 978-5-457-07170-4.
- ПОЛЕВОЙ, Б. *Анюта*. Москва: Советский писатель, 1977. 216 с.
- ПРИСТАВКИН, А. *Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца*. Москва: Квадрат,

1994. 692 с. ISBN: 5-8498-0084-0.

РОМАНОВ, С. *Парламент*. Москва: Вагриус, 2000. 54 с. ISBN 5-264-00231-2.

САНАЕВ, П. *Похороните меня за плинтусом*. Москва: Астрель, 2010. 288 с. ISBN 978-5-271-23465-1.

ТОЛСТАЯ, Т. *На золотом крыльце сидели...* Москва: Эксмо, 2012. 256 с. ISBN 978-5-699-55330-3. - *Fakír a jiné povídky*. Přeložili A. Morávková, K. Chrobák. Praha: Mladá fronta, 1996. 184 с. ISBN 80-204-0569-0.

ТОЛСТАЯ, Т. *Ночь*. Москва: Подкова, 2001. 352 с. ISBN: 5-94584-032-7.

УЛИЦКАЯ, Л. *Казус Кукоцкого*. Москва: Эксмо, 2009. 736 с. ISBN 978-5-699-34066-8.

УЛИЦКАЯ, Л. *Первые и последние*. Москва: Эксмо, 2011. 352 с. ISBN 978-5-699-25615-0.

ЧЕРКАСОВ, В. *Черный ящик*. Москва: Вагриус, 2000. 400 с. ISBN 5-264-00246-0.

Публицистические издания:

Hospodářské noviny 2011-2014 на основе случайного выбора.

Ikona. Red. R. Wimmer. Praha: Český národní fond kultury, 2011.

Katolická cesta (Katolik revue): měsíčník tradičních katolíků. Praha: V. Durych, 2008.

Lidové noviny 2012-2014 на основе случайного выбора.

Mladá fronta dnes 2011-2014 на основе случайного выбора.

Posel, měsíčník sboru Českobratrské církve evangelické v Olomouci. Red. M. Bartušková.

Olomouc: Sbor Českobratrské církve evangelické v Olomouci, 2000, 1-12.

Právo 2012-2013 на основе случайного выбора.

«*Аргументы и факты*» 2012-2013 на основе случайного выбора.

«*Взгляд*», <http://www.vz.ru/> 2010-2014 на основе случайного выбора.

«*Коммерсантъ*» 2010-2014 на основе случайного выбора.

«*Комсомольская правда*» 2010-2014 на основе случайного выбора.

«*Московский комсомолец*» 2010-2014 на основе случайного выбора.

Наследник. Red. М. Первозванский. Москва: АНО, 2013.

«*Российская газета*» 2011-2013 на основе случайного выбора.

Записи устной речи:

MÜLLEROVÁ, O., HOFFMANNOVÁ, J., SCHNEIDEROVÁ, E. *Mluvená čeština v autentických textech*. Jinočany: H & H, 1995. 236 s. ISBN 8085467968.

Mluvený korpus ČNK <http://www.korpus.cz/>

Устный корпус НКРЯ <http://ruscorpora.ru/search-spoken.html>

Электронные источники:

<http://www.korpus.cz/>

<http://www.ruscorpora.ru/>

Všeobecná Deklarace lidských prav. [online]. [цит. 14.03.2013]. Доступно с
<<http://www.osn.cz/dokumenty-osn/soubory/vseobecna-deklarace-lidskych-prav.pdf>>.

Всеобщая Декларация прав человека. [online]. [цит. 14.03.2013]. Доступно с
<<http://www.un.org/ru/documents/udhr/>>.

<http://www.livejournal.com/>

<http://www.modnipeklo.cz/>

<http://www.muzivcesku.cz/>

<http://www.snob.ru/>

Блог Натальи Белюшиной. [online]. [цит. 27.01.2014]. Доступно с
<<http://www.snob.ru/profile/26524/blog/71006>>.